

**НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ И.К. ЯКОВЛЕВА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 4 (9)

**СИБИРСКИЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ**

**НОВОСИБИРСК
2025**

УДК 001.92:37
ББК 6/8
С34

С34 Сибирский социально-гуманитарный журнал: научный журнал. – Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – № 4 (9). – 144 с.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«Сибирский социально-гуманитарный журнал»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	
Косухин Валерий Викторович	кандидат педагогических наук, доцент
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Тухватуллин Булат Талирович	доктор педагогических наук, доцент
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ	
Колухамбеков Алексей Садович	
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	
Психологические науки	
Биденко Роман Александрович	кандидат психологических наук
Кононова Татьяна Александровна	кандидат психологических наук, доцент
Луняка Анатолий Николаевич	кандидат психологических наук
Оспенников Сергей Валентинович	кандидат психологических наук, доцент
Суховецкая Елена Юрьевна	кандидат педагогических наук, доцент
Филологические науки	
Берзина Галина Петровна	доктор филологических наук, доцент
Влавацкая Марина Витальевна	доктор филологических наук, профессор
Гричин Сергей Владимирович	доктор филологических наук, доцент
Кучина Светлана Анатольевна	доктор филологических наук, доцент
Власова Елена Ивановна	кандидат филологических наук, доцент
Глибина Анна Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент
Онал Инна Олеговна	кандидат филологических наук
Ульянова Ульяна Александровна	кандидат филологических наук
Чистюхина Евгения Александровна	кандидат филологических наук, доцент
Философские науки	
Макулин Артем Владимирович	доктор философских наук, доцент
Новиков Николай Сергеевич	кандидат философских наук
Полич Виктор Валентинович	кандидат философских наук
Штоппель Андрей Александрович	кандидат философских наук

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дахин А.Н., Жарков А.Ю. Куцман Д.А.	Роль когнитивных процессов в профессиональной деятельности полицейских специального назначения5
	Анализ современного состояния реализации педагогических путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы.....15
Куцман Д.А.	Подготовка военнослужащих к управлению БПЛА: психолого-педагогический аспект.....34
Мельник Е.О., Иванов Е.В.	Теоретические основы профилактики асоциального поведения обучающихся: понятие, виды и современные подходы.....47
Оспенников С.В.	Историческая память в культурном пространстве общества.....56
Помуран Н.Н.	Этнопсихологические основы патриотизма: воспитательный потенциал русских пословиц.....61
Чудаков А.Ю., Утюганов А.А., Бондаренко С.А.	Психолого-педагогические принципы и методы обучения армейскому рукопашному бою в системе подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии.....68

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Арбузова Н.А., Семенова Л.А.	Проблема межъязыковой интерференции в профессиональном переводе.....78
Афанасова В.Н. Глибина А.А.	Письменный перевод текстов англоязычной военной периодики88
	Лингвистические средства создания образа успешной женщины в американской и русской лингвокультурах96
Косырева М.С.	Коммуникативные свойства речевого акта «пожелание».....103
Косырева М.С.	Феномен языковой игры в научном осмыслении.....108
Летов К.Д., Глибина А.А.	Военно-политическое сотрудничество России и КНР в период геополитических изменений112
Морозова М.А.	Цифровой корпоративный дискурс: лингвостилистические особенности.....117
Морозова М.А., Хусейн А., Хассун А.Х.	Языковые средства выражения экспрессивности в массмедийных текстах арабского языка.....126

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Новиков Н.С., Сабуров А.В.	Этические основания киберсубъектности в эпоху искусственного интеллекта.....135
-------------------------------	---

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 6378.01

EDN: <https://elibrary.ru/AOAWMG>

**РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИХ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

Дахин Александр Николаевич¹

Жарков Андрей Юрьевич²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹dakhin@mail.ru, ²andrei47i@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль когнитивных процессов в профессиональной деятельности сотрудников полиции специального назначения, выполняющих задачи в условиях высокой сложности, неопределённости и риска. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований обоснована необходимость интеграции когнитивного компонента в систему профессиональной подготовки офицеров. Авторы раскрывают понятие когнитивных стратегий как осознанных способов организации и управления познавательными процессами, необходимых для эффективного решения служебно-боевых задач. Представлена классификация когнитивных стратегий (прямые, метакогнитивные, социально-аффективные), описаны их ключевые характеристики и специфика проявления в экстремальных условиях. Особое внимание уделено влиянию стресса, дефицита времени и информационной неопределённости на внимание, память и мышление сотрудников, а также возможностям целенаправленной подготовки для минимизации негативных эффектов. В статье приведён опыт внедрения когнитивной подготовки в армии США, Великобритании и Израиля, что позволяет определить перспективные направления для отечественной практики. Сделан вывод о необходимости формирования системы когнитивной подготовки как качественно нового подхода к подготовке сотрудников спецподразделений, обеспечивающего повышение их профессионального мастерства и уровня общественной безопасности.

Ключевые слова: когнитивные процессы, когнитивные стратегии, профессиональная подготовка, полиция специального назначения, экстремальная деятельность, стресс.

Для цитирования: Дахин А.Н., Жарков А.Ю. Роль когнитивных процессов в профессиональной деятельности полицейских специального назначения // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 5-14.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

THE ROLE OF COGNITIVE PROCESSES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SPECIAL POLICE UNITS

Alexander N. Dakhin¹, Andrei Yu. Zharkov²

^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after army general I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹dakhin@mail.ru, ²andrei47i@mail.ru

Abstract. The article examines the role of cognitive processes in the professional activities of special police unit officers operating under conditions of high complexity, uncertainty, and risk. Based on an analysis of Russian and international studies, the authors substantiate the need to integrate the cognitive component into the system of professional training for officers. The concept of cognitive strategies is revealed as conscious methods of organizing and managing cognitive processes, essential for the effective performance of operational and combat tasks. A classification of cognitive strategies (direct, metacognitive, and socio-affective) is presented, along with their key characteristics and specific manifestations in extreme conditions. Special attention is given to the impact of stress, time deficit, and informational uncertainty on officers' attention, memory, and thinking, as well as to targeted training approaches that can minimize negative effects. The article highlights the experience of implementing cognitive training in the armed forces of the United States, the United Kingdom, and Israel, which makes it possible to identify promising directions for domestic practice. The authors conclude that the development of a cognitive training system represents not just an addition to existing programs but a qualitatively new approach to the preparation of special police officers, ensuring the improvement of their professional skills and public safety.

Keywords: cognitive processes, cognitive strategies, professional training, special police units, extreme activity, stress.

For citation: Dakhin A.N., Zharkov A.Yu. The role of cognitive processes in the professional activities of special police units // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 5-14.

Введение

Сложившаяся геополитическая обстановка характеризуется возрастающей сложностью, неопределённостью, технически разносторонней обеспеченностью и, к сожалению, присутствием незаконных (даже криминогенных) проявлений как в жизни общества, государства, так и отдельного индивида. Весь отмеченный комплекс проблем предъявляет особые требования к профессиональной подготовке как военнослужащих силовых структур, так и сотрудников правоохранительных органов. Именно поэтому обновлённые задачи государство ставит перед подразделениями полиции

специального назначения, деятельность которых осуществляется, во-первых, в экстремальных условиях высокого риска для жизни и здоровья полицейского; во-вторых, в ситуации цейтнота; в-третьих, при информационной недостаточности/избыточности необходимых сведений. В военно-профессиональной конъюнктуре классические, уже зарекомендовавшие себя методы и технологии подготовки современных офицеров полиции, основанные преимущественно на психофизических, тактико-оперативных, информационно-сциентистских умениях, оказываются недостаточными для обеспечения эффективного выполнения офицерами

служебно-боевых задач при длительном их пребывании в зоне боевых действий.

Проведённый нами анализ научной литературы показывает, что проблема формирования когнитивных умений стратегий в структуре профессиональной подготовки сотрудников полиции специального назначения остаётся недостаточно разработанной. Отсутствует комплексная концепция интеграции когнитивного компонента в систему профессиональной подготовки, не определены оптимальные методы и технологии развития когнитивных методов, умений и стратегий, специфичных для деятельности спецподразделений, не разработаны критерии оценки эффективности когнитивной подготовки.

Практическая значимость решения данной проблемы обусловлена растущими требованиями к профессионализму сотрудников спецподразделений в условиях усложнения криминогенной обстановки, развития новых форм преступности, включая киберпреступность, международный терроризм, экстремизм в зоне боевых действий и др. Необходимость повышения эффективности профессиональной подготовки при оптимизации временных и материальных ресурсов также актуализирует поиск инновационных подходов, основанных на достижениях современной педагогической науки, что уже частично раскрыто нами в предыдущих работах, совместно с Н.В. Ярославцевой, А.С. Колухамбековым, А.А. Цыбулько, А.Г. Ширшовым, М.Б. Ненашевым [1-4].

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и разработке системы формирования когнитивных умений в структуре профессиональной подготовки сотрудников полиции специального назначения, выполняющих служебно-боевые задачи при длительном их пребывании в зоне боевых действий.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют системный подход, представленный в работах Э.В. Барбашиной, С.В. Меркулова, Е.В. Туркина, З.И. Лаврен-

тьевой [5, 6, 7], позволяющий рассматривать профессиональную подготовку как целостную систему взаимосвязанных компонентов; деятельностный подход, раскрытый С.Л. Рубинштейном, И.А. Федосеевой [8], ориентированный на анализ когнитивных стратегий в контексте конкретной профессиональной деятельности; компетентностный подход, направленный на формирование профессионально значимых когнитивных компетенций, описанный А.А. Беляковым, Д.В. Левченко, В.Р. Нигаматулиным, А.Ч. Кодоевой, Б.Т. Тухватуллиным, Н.В. Ярославцевой [9].

В качестве методов исследования использовались теоретический анализ научной литературы, контент-анализ нормативных документов, регламентирующих профессиональную подготовку сотрудников спецподразделений, сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта когнитивной подготовки правоохранителей, экспертный опрос специалистов-практиков. В результате применения этих методов нам удалось, во-первых, предпринять попытку комплексного анализа роли когнитивных умений в профессиональной деятельности сотрудников полиции специального назначения и разработки системного подхода к их формированию в процессе профессиональной подготовки. Во-вторых, выявить специфические когнитивные умения, объединённые в стратегии, необходимые для эффективного выполнения задач в экстремальных условиях деятельности спецподразделений. В-третьих, обосновать принципы интеграции когнитивного компонента в традиционную систему профессиональной подготовки офицеров полиции. Значимость данной работы, на наш взгляд, заключается в возможности использования её результатов для совершенствования программ профессиональной подготовки сотрудников полиции специального назначения, разработки специализированных тренинговых программ, направленных на развитие когнитивных умений, навыков и даже стратегий, создания системы оценки когни-

тивной готовности сотрудников полиции к профессиональной деятельности.

Результаты исследования

Во введение мы обосновали актуальность, которую приобретает проблема разработки и внедрения в систему профессиональной подготовки сотрудников полиции специального назначения научно обоснованных подходов к формированию когнитивных умений, навыков, в совокупности своей объединённых в «сильную» компетентность, названную нами стратегий. Для начала сделаем пояснение, что под когнитивными стратегиями в данном контексте будем понимать осознанные способы организации и управления познавательными процессами индивида, направленные на эффективное решение профессиональных задач в условиях высокой сложности и неопределённости оперативной обстановки.

Теоретическую основу нашего исследования составили фундаментальные работы в области когнитивной психологии Дж. Андерсона, У. Найссера, Д. Канемана, отечественных учёных М.Е. Бершадского, В.В. Гузеева, Б.О. Майера М.А. Холодной; психологии профессиональной деятельности, Е.А. Климова, В.А. Сластёнина, А.П. Тряпициной, В.Д. Шадрикова, А.К. Марковой, психологии экстремальной деятельности (М.И. Марьин, В.Л. Марищук, Ю.С. Шойгу). Значительный вклад в понимание специфики когнитивных процессов в правоохранительной деятельности внесли исследования В.Я. Кикоть, А.М. Столяренко, В.Л. Васильева, А.Р. Ратинова, посвященные психологическим аспектам профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Понятие когнитивных стратегий в психологии и педагогике появилось уже в начале XX века. Соответственно, достаточно полная концепция когнитивных стратегий сформировалась в рамках когнитивной психологии во второй половине XX века как ответ на потребность в понимании механизмов управления познавательными процессами в самых разнообразных сферах челове-

ческой активности. основоположниками данного научного направления признаны У. Найссер, Дж. Брунер, Дж. Миллер, Дж. Келли, Э.Ч. Толмен, Ж. Пиаже и др. Эти авторы рассматривали когнитивные стратегии как активные способы обработки избыточной (или недостаточной) информации, позволяющие человеку адаптироваться к изменяющимся условиям среды (в нашем случае профессиональной при длительном пребывании офицера в зоне боевых действий).

В современной психологической науке когнитивные стратегии определяются как осознанные и целенаправленные способы организации и управления познавательными процессами, направленные на оптимизацию решения когнитивных задач, о чём писала, в частности, М.А. Холодная [10]. Ключевыми характеристиками когнитивных стратегий, объединяющих в комплекс набор умений и навыков, являются следующие свойства индивида.

1. Осознанность – способность субъекта рефлексировать собственные познавательные процессы и управлять ими на метакогнитивном уровне, что отличает стратегии от автоматизированных когнитивных процессов и навыков.

2. Целенаправленность – ориентация на достижение определённого познавательного результата в конкретной ситуации, т.к. стратегии всегда имеют прагматическую направленность и связаны с решением актуальных задач, в нашем случае служебно-боевых в зоне спецопераций.

3. Гибкость – способность к модификации и адаптации в зависимости от изменяющихся условий задачи и контекста деятельности; при этом эффективные когнитивные стратегии характеризуются вариативностью применения в самых разнообразных сферах человеческой активности.

4. Индивидуальность – зависимость от личностных особенностей, когнитивного стиля, опыта и компетентности субъекта, т.к. каждый человек формирует индивидуальный репертуар предпочитаемых при успешном функционировании стратегий.

Однако сами когнитивные стратегии также имеют внутреннюю таксономию. В частности, Дж. Флейвелл (1976) ввёл понятие метакогниции как «знания о знании» и выделил два основных компонента: метакогнитивные знания (знания о собственных познавательных процессах) и метакогнитивные стратегии (способы управления этими процессами). Данная модель стала фундаментальной для понимания механизмов когнитивной саморегуляции, дополненной В.Д. Шадриковым, а также А. Брауном, который развил концепцию метакогниции, выделив три ключевых процесса: планирование (определение целей и выбор стратегий), мониторинг (отслеживание процесса выполнения задачи) и оценка (анализ результатов и эффективности примененных стратегий). Эта трёхступенчатая модель получила широкое признание и используется для анализа когнитивных стратегий в различных сферах деятельности, в том числе и при военно-профессиональной подготовке офицеров.

Ниже представим классификацию когнитивных стратегий, полученных на основе анализа работ, упомянутых выше исследователей и модифицированную нами в контексте подготовки офицеров полиции. В современной психологической литературе существует множество подходов к классификации когнитивных стратегий. Наиболее распространенной является трехкомпонентная модель, предложенная Р. Оксфорд (1990) и адаптированная для различных видов профессиональной деятельности.

1. Прямые когнитивные стратегии включают стратегии, непосредственно направленные на обработку информации и решение познавательных задач. К этому же виду стратегий относят стратегии восприятия и внимания. Так, селективное внимание рассматривается как способность фокусироваться на релевантной информации, игнорируя отвлекающие факторы; соответственно, распределённое внимание – это умение одновременно отслеживать несколько источников информации, что важно для

офицера при управлении своим подразделением. Переключение внимания – это быстрый переход фокуса внимания между различными объектами или задачами, возникающими в зоне выполнения спецопераций. К прямым стратегиям отнесём и стратегии обработки информации, например, через категоризацию этой информации, т.е. группирование информации по заранее выделенным признакам. Анализ и синтез предполагает разделение сложной информации на компоненты и их последующее объединение в новый, релевантный контекст. Сравнение и сопоставление через выявление сходств и различий между объектами или ситуациями, что обеспечивается причинно-следственным анализом, с помощью которого устанавливаются семантические и смысловые связи между событиями, явлениями и способами их описания. Стратегии памяти – это организация информации, структурирование материала для лучшего запоминания; мнемонические техники использования специальных приёмов, необходимых для облегчения запоминания; повторение, воспроизведение, закрепление информации через многократное воспроизведение.

2. Метакогнитивные стратегии объединяют стратегии управления собственными познавательными процессами через планирование, целеполагание, определение конкретных и достижимых целей деятельности; выбор стратегии; отбор наиболее подходящих способов решения задачи; временное планирование; распределение времени на различные этапы деятельности. В состав этих стратегий входит мониторинг как способность к самонаблюдению, отслеживанию собственного познавательного процесса в реальном времени, оценка понимания через определение степени усвоения информации, а также контроль выполнения заданий/приказаний через проверку соответствия действий поставленным целям. Стратегии оценки включают рефлексивный анализ; критическое осмысление результатов служебно-боевой деятельности; коррекцию

стратегий через внесение изменений в способы решения задач на основе полученного опыта; перенос опыта с помощью применения успешных стратегий в новых ситуациях. Социально-аффективные стратегии включают стратегии управления эмоциональным состоянием и социальным взаимодействием; стратегии эмоциональной регуляции; управление стрессом через техники снижения негативного влияния стресса на когнитивные процессы; поддержание мотивации через способы сохранения интереса и вовлеченности в деятельность; преодоление тревожности с помощью методов снижения беспокойства, мешающего эффективной работе. Стратегии социального взаимодействия связаны с сотрудничеством как эффективным взаимодействием с коллегами при решении групповых задач; поиском помощи через обращение за поддержкой к более компетентным специалистам; эмпатическое понимание, т.е. учёт эмоционального состояния и мотивов других людей.

Когнитивные процессы в экстремальных условиях деятельности имеют свою специфику, т.к. такая деятельность характеризуется рядом особенностей, которые существенно влияют на протекание познавательных процессов. К основным факторам экстремальности относятся высокий уровень стресса, дефицит времени, информационная неопределённость, угроза для жизни и здоровья, высокая ответственность за принимаемые решения. Исследования в области экстремальной психологии, проведённые Ю.С. Шойгу, В.Л. Марищук, А.М. Столяренко, Е.И. Федаком, А.А. Егоровым, В.В. Ивановым, а также зарубежными авторами Е.А. Miendlarzewska, D. Bavelier, S. Schwartz и др. показывают, что в условиях стресса происходят значительные изменения в функционировании когнитивной системы [11, 12, 13, 14].

Изменения в процессах внимания связаны со следующими факторами:

- Сужение объёма внимания («туннельный эффект») – фокусировка на централь-

ных стимулах при игнорировании периферической информации.

- Повышение концентрации внимания на источниках угрозы.

- Снижение способности к распределению внимания между несколькими задачами.

- Увеличение частоты отвлечений на иррелевантные стимулы.

Трансформация восприятия связана с искажением восприятия времени, как с ускорением, так и с замедлением субъективного течения времени; изменениями в восприятии пространства, искажениями расстояний и размеров объектов; повышением чувствительности к угрожающим стимулам; снижением точности восприятия нейтральной информации.

Работа памяти в стрессовых условиях также имеет свои особенности:

- Эффект «вспышки» – детальное запоминание эмоционально значимых событий.

- Фрагментарность воспоминаний о стрессовом эпизоде.

- Затруднения в извлечении релевантной информации из долговременной памяти.

- Нарушения в работе оперативной памяти.

Всё это приводит к изменениям в процессах мышления; упрощению когнитивных схем и стратегий принятия решений; переходу к эвристическому мышлению в ущерб аналитическому; повышению импульсивности при принятии решений; снижению гибкости мышления и способности к генерации альтернативных решений.

Вместе с тем, нами установлено, что целенаправленная подготовка позволяет минимизировать негативные эффекты стресса на когнитивные процессы. Ключевую роль играет формирование специализированных когнитивных стратегий, адаптированных к экстремальным условиям деятельности.

На рисунке 1 представлена обобщённая схема когнитивных умений в профессиональной деятельности полицейских специального назначения.

Когнитивные умения в профессиональной деятельности полицейских специального назначения				
<i>Виды умений</i>				
Управление вниманием	Принятие решений	Управления стрессом	Обработка и анализ оперативной информации	Мета когнитивные умения
↓	↓	↓	↓	↓
Селективное внимание. Концентрация на приоритетных целях. Быстрое переключение внимания. Способность применять многозадачный подход	Использование эвристических приёмов и шаблонов. Многокритериальный анализ. Учёт множественных факторов и ограничений	Постепенное привыкание к стрессовым ситуациям. Рефрейминг угрожающих ситуаций. Техника заземления и возвращения к текущему моменту	Методы быстрого сканирования и фильтрации данных. Выделение ключевых паттернов и аномалий. Интеграция информации из множественных источников	Само мониторинг. Осознание собственного когнитивного состояния. Отслеживание уровня усталости и стресса. Диагностика качества принимаемых решений. Оценка собственной производительности
↓	↓	↓	↓	↓
Способы преодоления возникающих при внедрении технологий формирования этих умений препятствий				
Постепенное внедрение с демонстрацией конкретных результатов на пилотных группах. Привлечение авторитетных ветеранов и экспертов в качестве сторонников программы. Проведение информационных кампаний о важности когнитивных навыков в современных условиях. Создание системы наставничества с участием успешно прошедших обучение сотрудников полиции				

Рисунок 1 – Когнитивные умения в профессиональной деятельности полицейских специального назначения

Изучение зарубежного опыта позволяет выявить наиболее эффективные подходы и избежать типичных ошибок при внедрении системы когнитивной подготовки. Так, существует опыт Соединенных Штатов Америки по внедрению Программы SEAL Team Six (Naval Special Warfare Development Group).

Когнитивная подготовка морских котиков содержит следующие блоки:

- Интенсивный 6-месячный курс развития когнитивных навыков.
- Использование передовых нейротехнологий для ускорения обучения.
- Программа "Mental Toughness" для развития психологической устойчивости.
- Интеграция медитативных практик и техник осознанности.

- Виртуальная реальность для моделирования экстремальных условий.

- Биофидбек-тренинг с использованием данных о вариабельности сердечного ритма.

- Когнитивно-поведенческий тренинг для управления стрессом и тревогой.

- Программы развития ситуационной осведомленности с использованием ИИ.

Великобритания имеет свой опыт по программе Special Air Service (SAS) Cognitive Enhancement Program:

Революционный подход к когнитивной подготовке:

- Партнерство с Оксфордским и Кембриджским университетами в области когнитивных наук.

- Использование методов когнитивно-поведенческой терапии третьей волны.

- Интеграция техник майндфулнесс и медитации в военную подготовку.
- Развитие эмоционального интеллекта как ключевой компетенции.
- "Cognitive Resilience" для развития устойчивости к психологическому воздействию.
- Использование принципов нейропластичности для ускорения обучения.
- Тренинги по развитию креативного мышления для поиска нестандартных решений.
- Система peer-to-peer обучения с обменом опытом между подразделениями.

Израильские силы обороны (ЦАХАЛ) применяют программу "Cognitive Edge", которая имеет следующие блоки:

1. Интеграция когнитивного тренинга во все этапы военной подготовки.
2. Использование игровых технологий и геймификации для повышения мотивации.
3. Развитие навыков работы в многокультурной среде.
4. Специализированные программы для различных родов войск.

Уникальные технологии:

1. Собственная разработка VR-симуляторов для городских боевых действий.
2. ИИ-системы для анализа и прогнозирования поведения противника.
3. Мобильные приложения для ежедневного когнитивного тренинга.
4. Интеграция данных разведки в учебные сценарии.

Заключение

Следует отметить, что формирование когнитивных стратегий в структуре профессиональной подготовки сотрудников полиции специального назначения представляет собой не просто дополнение к существующим программам, а качественно новый подход к подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно действовать в условиях неопределенности и высокого риска. Реализация предлагаемых решений будет способствовать не только повышению профессионального мастерства сотрудников, но и обеспечению общественной безопасности, что является конечной целью деятельности правоохранительных органов.

Список источников

1. Дахин А.Н., Ненашев М.Б. Психология выбора цели и что лежит в основе успешного выбора // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (1). С. 16-26.
2. Дахин А.Н., Печурин А.И., Кольванов К.Ю., Беркус В.И. Формирование универсальных компетенций в когнитивной технологии обучения // Школьные технологии. 2023. № 2. С. 18-22.
3. Дахин А.Н. Когнитивная модель в структуре педагогической технологии / Н.В. Ярославцева, А.С. Колухамбеков, А.А. Цыбулько, А.Г. Ширшов, А.Н. Дахин // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2020. № 3 (45). С. 65-76. DOI: 10.32744/pse.2020.3.5.
4. Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English / Nursultan Ruslanovich Zhakupov, Ainur Seitkhanova, Alexander Dakhin // International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE). Vol. 13, No. 2, April 2024, P. 752-758, DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
5. Барбашина Э.В. «Нарративная парадигма» В. Фишера в контексте развития нарративных исследований // Философия науки. 2023. № 3 (98). С. 57-70.
6. Меркулов С.В., Туркин Е.В. Моделирование процесса воспитания готовности к противодействию идеологии экстремизма у военнослужащих Росгвардии // Kant. 2022. № 1 (42). С. 271-277.
7. Лаврентьева З.И., Калугина Л.А. Понятие функциональной грамотности в педагогических исследованиях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 4 (56). С. 167-172.

8. Федосеева И.А. Предпрофильная подготовка подрастающего поколения в современных социокультурных условиях // Специфика педагогического образования в регионах России. 2024. № 1 (17). С. 76-78.

9. Беляков А.А., Дахин А.Н., Левченко Д.В., Нигаматулин В.Р., Кодоева А.Ч., Тухватуллин Б.Т., Ярославцева Н.В. Когнитивная технология обучения: сущность, эффективность и результативность // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2020. № 1 (43). С. 10-23. DOI: 10.32744/pse.2020.1.1.

10. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 3 изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 334 с. (Серия: Авторский учебник).

11. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций: учебник для вузов. СПб.: Питер. 2024. 272 с.

12. Федак Е.И., Егоров А.А. Влияние упражнений армейской тактической стрельбы на психологическую готовность военнослужащих штурмовых групп // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 336-345.

13. Иванов В.В., Мухина Т.Г. Педагогическая технология формирования навыков обращения с оружием в контексте военно-патриотического воспитания // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 181-196.

14. Miendlarzewska E. A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of reward motivation on human declarative memory // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2016. Vol. 61. P. 156-176.

References

1. Dakhin A.N., Nenashev M.B. (2025). The psychology of goal selection and what underlies a successful choice. Siberian Social and Humanitarian Journal. 2025. No. 1 (1). P. 16-26.

2. Dakhin A.N., Pechurin A.I., Kolyvanov K.Yu., Berkus V.I. (2023). Formation of universal competencies in cognitive learning technology. School Technologies. 2023. No. 2. P. 18-22.

3. Dakhin A.N. Cognitive model in the structure of pedagogical technology / N.V. Yaroslavtseva, A.S. Kolukhambekov, A.A. Tsybulko, A.G. Shirshov, A.N. Dakhin. Perspectives of Science and Education. International Electronic Scientific Journal. 2020. No. 3 (45). P. 65-76. DOI: 10.32744/pse.2020.3.5.

4. Dakhin A.N., Zhakupov N.R., Seitkhanova A. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English. International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE). 2024. No. 13 (2). P. 752–758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803

5. Barbashina E.V. W. Fisher’s “Narrative Paradigm” in the context of the development of narrative research. Philosophy of Science. 2023. No. 3 (98). P. 57-70.

6. Merkulov S.V., Turkin E.V. Modeling the process of fostering readiness to counter extremist ideology among servicemen of the Russian National Guard. Kant. 2022. No. 1 (42). P. 271-277.

7. Lavrentyeva Z.I., Kalugina L.A. The concept of functional literacy in pedagogical research. Vocational Education in Russia and Abroad. 2024.No. 4 (56). P. 167-172.

8. Fedoseeva I.A. Pre-profile training of the younger generation in modern socio-cultural conditions. Specifics of Pedagogical Education in the Regions of Russia. 2024. No. 1 (17). No. 76-78.

9. Belyakov A.A., Dakhin A.N., Levchenko D.V., Nigamatulin V.R., Kodoeva A.Ch., Tuhvatullin B.T., Yaroslavtseva N.V. Cognitive learning technology: essence, efficiency, and effectiveness. Perspectives of Science and Education. International Electronic Scientific Journal. 2020. No. 1 (43). P. 10-23. DOI: 10.32744/pse.2020.1.1.

10. Kholodnaya M.A. Psychology of Intelligence. Paradoxes of Research: A Textbook for Undergraduate and Graduate Studies (3rd ed., revised and expanded). M.: Yurayt, 2019. 334 p. (Author’s Textbook Series).

11. Shoigu Yu.S. Psychology of Extreme Situations: A Textbook for Universities. St. Petersburg: Piter. 2024. 272 p.

12. Fedak E.I., Egorov A.A. The impact of army tactical shooting exercises on the psychological readiness of assault group servicemen. Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2025. No. 2. P. 336-345.

13. Ivanov V.V., Mukhina T.G. Pedagogical technology of developing weapon handling skills in the context of military-patriotic education. Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2025. No. 2. P. 181-196.

14. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of reward motivation on human declarative memory // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2016. Vol. 61. P. 156-176.

Информация об авторах

Дахин Александр Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Жарков Андрей Юрьевич, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Alexander N. Dakhin, doctor of pedagogical sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Andrei Yu. Zarkov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 6378.01

EDN: <https://elibrary.ru/BKGLGD>

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К УПРАВЛЕНИЮ БЕСПИЛОТНЫМИ И РОБОТИЗИРОВАННЫМИ СРЕДСТВАМИ ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЫ

Куцман Денис Александрович

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Evgeshka.05@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ современного состояния реализации путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы, выявлены существующие проблемы и определены перспективные направления совершенствования системы подготовки специалистов данного профиля. Автором определены теоретические основы и концептуальные подходы к формированию готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами; проанализировано современное состояние системы подготовки специалистов. В результате автором: 1) произведены систематизация педагогических путей формирования готовности военнослужащих, включающая теоретическую, практическую и психологическую подготовку; 2) выявлены ключевые проблемы и ограничения существующей системы подготовки на организационном, методическом и материально-техническом уровнях; 3) определены критерии и показатели эффективности подготовки военнослужащих к управлению беспилотными средствами; 4) обоснованы перспективные направления совершенствования педагогических путей формирования готовности специалистов с учётом развития технологий и изменения характера вооружённой борьбы.

Ключевые слова: беспилотные средства вооружённой борьбы, роботизированные средства вооружённой борьбы, педагогические пути, эффективность управления БПЛА, военнослужащие.

Для цитирования: Куцман Д.А. Анализ современного состояния реализации педагогических путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 15-33.

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF IMPLEMENTING PEDAGOGICAL APPROACHES TO DEVELOPING MILITARY PERSONNEL'S READINESS TO OPERATE UNMANNED AND ROBOTIC MEANS OF ARMED COMBAT

Denis A. Kutsman

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
Evgeshka.05@mail.ru

Abstract. The article analyzes the current state of implementing approaches to developing military personnel's readiness to operate unmanned and robotic means of armed combat, identifies existing problems, and outlines promising directions for improving the training system for specialists in this field. The author defines the theoretical foundations and conceptual approaches to forming military personnel's readiness to operate unmanned and robotic systems, and examines the current state of the specialist training system. As a result, the author: 1) systematizes pedagogical approaches to developing military personnel's readiness, including theoretical, practical, and psychological training; 2) identifies key issues and limitations within the existing training system at the organizational, methodological, and logistical levels; 3) determines criteria and indicators for assessing the effectiveness of military personnel's training in operating unmanned systems; 4) substantiates promising directions for improving pedagogical approaches to developing specialist readiness, considering technological advancements and changes in the nature of armed conflict.

Keywords: unmanned combat systems, robotic combat systems, pedagogical approaches, UAV operation effectiveness, military personnel

For citation: Kutsman D.A. Analysis of the current state of implementing pedagogical approaches to developing military personnel's readiness to operate unmanned and robotic means of armed combat // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 15-33.

Введение

Степень разработанности проблемы современного состояния реализации педагогических путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы в научной литературе можно охарактеризовать как недостаточную. Если технические аспекты применения беспилотных систем достаточно широко освещены в военно-технических публикациях, а тактические вопросы их использования активно обсуждаются в профессиональном сообществе, то педагогические основы подготовки специалистов данного профиля остаются малоизученными. Отдельные аспекты проблемы рассматривались в работах отечественных исследователей, посвящённых военно-профессиональной подготовке, формированию компетенций военных спе-

циалистов, применению инновационных образовательных технологий. Однако комплексного анализа современного состояния педагогических путей формирования готовности военнослужащих именно к управлению беспилотными и роботизированными средствами до настоящего времени не проводилось.

Зарубежный опыт, прежде всего опыт армий США, Израиля, Великобритании и других стран НАТО, демонстрирует наличие развитых систем подготовки операторов БПЛА, включающих специализированные учебные центры, современную материально-техническую базу, использование передовых симуляционных технологий и виртуальной реальности. Критическое осмысление этого опыта с учётом специфики отечественной военной школы представляется важной исследовательской задачей.

Практическая значимость нашего исследования определяется возможностью использования его результатов для совершенствования образовательных программ военных институтов, разработки методических рекомендаций по подготовке операторов БПЛА и роботизированных систем, обоснования управленческих решений в сфере военного образования. Выявленные проблемы и предложенные пути их решения могут стать основой для модернизации системы военно-профессиональной подготовки в условиях активного внедрения беспилотных технологий.

В данном исследовании представлен теоретический раздел, посвящённый концептуальным основам формирования готовности военнослужащих; аналитическая часть, содержащая характеристику современного состояния системы подготовки в России и за рубежом; описание педагогических путей формирования готовности; анализ существующих проблем и ограничений; обоснование перспективных направлений развития; а также раздел, посвящённый критериям оценки эффективности подготовки специалистов.

Заметим, что сложившаяся геополитическая ситуация предъявляет новые требования к профессиональной подготовке будущих офицеров и военнослужащих, что установлено в исследованиях И.А. Алёхина, А.А. Авуза, А.В. Барабанщикова, Э.В. Барбашина, Н.А. Давыдова, А.Н. Дахина, В.В. Косухина, Т.Г. Мухиной, Б.Т. Тухватуллина, Е.В. Туркина, А.А. Цыбулько, А.Г. Ширшова и др. [1-8].

Актуальность исследования современного состояния реализации педагогических путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы обусловлена рядом взаимосвязанных факторов.

1. Быстрым развитием информационно-коммуникационных технологий (А.Н. Дахин, М.Б. Ненашев, Е.А. Пушкарёва [9, 10, 11, 12]).

2. Особенности процесса управления беспилотными системами, основанного на целом комплексе военно-профессиональных компетенций.

3. Широким масштабом внедрения БПЛА во все виды и рода войск, что обеспечивает потребность в подготовке большого количества квалифицированных операторов в короткий временной период.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют системный подход, позволяющий рассматривать подготовку военнослужащих как сложную многокомпонентную систему (В.В. Гриншкун, Н.Д. Подуфалов, А.И. Савенков, А.А. Мошкин, С.Н. Сорокоумова, N.R. Zhakupov, A. Seitkhanova, A.N. Dakhin [13, 14, 15]); компетентностный подход, определяющий содержание и результаты образовательного процесса; деятельностный подход, ориентированный на формирование практических навыков управления в условиях, максимально приближенных к реальным боевым действиям (А.А. Беляков, А.И. Печурин, К.Ю. Колыванов, В.И. Беркус, В.В. Иванов, Т.Г. Мухина [16, 17, 18]). В работе используются методы теоретического анализа научной литературы и нормативных документов, сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта, систематизации и обобщения педагогических практик (E.I. Belaya, T.Yu. Vasilyeva, E.A. Miendlarzewska, D. Bavelier, S. Schwartz [19, 20, 21]).

Результаты исследования

Следует отметить, что существующая система подготовки военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами в Российской Федерации находится в стадии активного формирования и развития. В настоящее время подготовка специалистов данного профиля осуществляется на нескольких уровнях и в различных форматах, что отражает как многообразие типов беспилотных систем, так и специфику их применения в разных видах и родах войск.

Базовую подготовку операторов БПЛА проходят курсанты профильных военных вузов, среди которых ключевую роль играют Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в Воронеже, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого в Санкт-Петербурге, Михайловская военная артиллерийская академия. В этих учебных заведениях реализуются образовательные программы высшего военного образования, включающие специализации по беспилотным авиационным системам, средствам разведки и целеуказания.

Параллельно функционирует система специализированных учебных центров, ориентированных на ускоренную подготовку и переподготовку военнослужащих. Наиболее значимым из них является 924-й Государственный центр беспилотной авиации Министерства обороны РФ, расположенный в Коломне. Данный центр осуществляет подготовку операторов различных типов БПЛА, от лёгких тактических до средневысотных комплексов большой продолжительности полёта. Кроме того, практически в каждом военном округе созданы учебные подразделения, где проводится начальная подготовка и повышение квалификации специалистов.

Важную роль в системе подготовки играют учебные центры родов войск, где военнослужащие осваивают специфику применения беспилотных средств в интересах конкретных задач: артиллерийской разведки и корректировки огня, инженерной разведки, радиоэлектронной борьбы. Такой дифференцированный подход позволяет формировать не только общие компетенции оператора БПЛА, но и специализированные навыки, необходимые для решения тактических задач в составе конкретных подразделений.

Отдельного внимания заслуживает система подготовки младших специалистов – операторов лёгких тактических БПЛА типа «Oplan-10», «Zala», «Supercam», которые

стали массовым средством разведки на уровне батальона и роты. Здесь доминирует формат краткосрочных курсов продолжительностью от двух недель до двух месяцев, проводимых как в стационарных учебных центрах, так и непосредственно в войсках с привлечением мобильных учебных групп.

Содержание подготовки военнослужащих к управлению беспилотными системами регламентируется федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, квалификационными требованиями к военно-учётным специальностям, а также ведомственными программами обучения, разрабатываемыми Главным управлением боевой подготовки Вооружённых Сил РФ.

Образовательные программы высшего военного образования, реализуемые в военных вузах, рассчитаны на пятилетний срок обучения и включают фундаментальную подготовку по математике, физике, информатике, которая создаёт теоретическую базу для понимания принципов функционирования сложных технических систем. Специальные дисциплины охватывают аэродинамику и динамику полёта, конструкцию беспилотных летательных аппаратов, системы навигации и управления, основы радиоэлектронной борьбы, тактику применения БПЛА в различных видах боевых действий.

Важным компонентом программ является изучение бортового оборудования современных БПЛА: систем технического зрения, инфракрасных и радиолокационных станций, систем целеуказания и поражения. Особое внимание уделяется вопросам обработки и интерпретации разведывательной информации, что требует формирования навыков работы с большими объёмами данных, распознавания объектов на местности, оценки тактической обстановки.

Программы краткосрочной подготовки, реализуемые в учебных центрах, имеют выработанную практическую направленность. Типовая программа подготовки оператора тактического БПЛА включает изучение материальной части конкретного комплекса,

освоение наземной станции управления, отработку процедур предполётной подготовки, выполнение учебных полётов на тренажёре и реальной технике, изучение тактики применения и взаимодействия с другими подразделениями. Продолжительность такой подготовки варьируется от 14 до 60 дней в зависимости от сложности комплекса и уровня базовой подготовки обучаемых.

Действующие образовательные стандарты и программы находятся в состоянии постоянной актуализации. Это обусловлено стремительным развитием технологий, появлением новых типов беспилотных систем, накоплением боевого опыта их применения. Вместе с тем, процесс обновления образовательных программ объективно отстаёт от темпов технологического развития, что создаёт определённые проблемы в подготовке специалистов.

Качество подготовки военнослужащих к управлению беспилотными системами в значительной степени определяется состоянием материально-технической базы учебных заведений и центров. Анализ показывает неравномерность её развития: наряду с современными, хорошо оснащёнными центрами существуют учебные подразделения, испытывающие дефицит учебной техники и тренажёрных средств.

Ведущие военные вузы и специализированные центры располагают современными тренажёрными-симуляционными комплексами, позволяющими отрабатывать навыки управления БПЛА в различных метеоусловиях, при противодействии средств ПВО и радиоэлектронной борьбы противника, в сложной тактической обстановке. Тренажёры воспроизводят функционал наземных станций управления реальных комплексов и обеспечивают высокую степень погружения обучаемых в процесс управления. Использование тренажёров позволяет существенно сократить расход моторесурса дорогостоящей техники и минимизировать риски при первоначальном обучении.

В состав учебных центров входят полигоны для практических полётов, оборудованные взлётно-посадочными площадками, системами наблюдения и связи, имитационными средствами для создания учебно-боевой обстановки. Однако площади и оснащённость полигонов не всегда соответствуют требованиям отработки сложных тактических задач, особенно связанных с групповым применением БПЛА, взаимодействием с артиллерией и авиацией.

Парк учебной техники включает основные типы БПЛА, состоящие на вооружении российской армии: «Орлан-10», «Орлан-30», «Элерон», «Zala», комплексы «Гранат», «Форпост», «Альтиус» и другие. Вместе с тем, количество учебных образцов часто недостаточно для обеспечения необходимого налёта каждого обучаемого, что вынуждает увеличивать долю тренажёрной подготовки в ущерб практическим полётам.

Серьёзной проблемой является отставание поставок учебной техники от темпов принятия на вооружение новых образцов. Ситуация, когда военнослужащие впервые знакомятся с новейшими комплексами уже в ходе боевого применения, является типичной и создаёт дополнительные риски. Это особенно актуально для быстроразвивающегося сегмента малогабаритных FPV-дронов и дронов-камикадзе, массово применяемых в современных конфликтах.

Инфраструктура учебных центров включает учебные классы, оснащённые современными средствами визуализации и компьютерной техникой, библиотеки технической документации, лаборатории для изучения конструкции и систем БПЛА. Однако цифровизация образовательного процесса, создание электронных образовательных ресурсов, внедрение систем дистанционного обучения происходят недостаточно быстро.

Кадровый потенциал военно-учебных заведений и центров подготовки является критическим фактором, определяющим качество формирования специалистов. В настоящее время система подготовки сталки-

вается с комплексом проблем кадрового характера.

Преподавательский состав военных вузов, ведущих подготовку по специальностям, связанным с беспилотными системами, формируется преимущественно из офицеров, имеющих опыт эксплуатации авиационной техники, средств связи и радиоэлектронной борьбы. Многие из них обладают высокой теоретической подготовкой, учёными степенями и званиями. Однако специфика беспилотных технологий такова, что преподаватели вынуждены постоянно осваивать новые системы, изучать опыт боевого применения, что требует непрерывного повышения квалификации.

Острой проблемой является дефицит преподавателей, имеющих практический опыт боевого применения БПЛА. Офицеры, прошедшие через опыт специальной военной операции и других конфликтов, обладают уникальными знаниями тактики применения беспилотных средств, понимают реальные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются операторы. Однако привлечение таких специалистов в систему военного образования затруднено как по организационным причинам, так и в силу того, что многие из них предпочитают продолжать службу в строевых частях.

В учебных центрах, особенно в тех, что созданы в последние годы, инструкторский состав часто формируется из числа сержантов и младших офицеров, прошедших краткосрочную подготовку. Их практический опыт ценен, но методическая подготовка к преподавательской деятельности нередко недостаточна. Это сказывается на качестве передачи знаний и навыков, особенно в части теоретических основ функционирования систем.

Определённые сложности возникают и с привлечением гражданских специалистов – инженеров предприятий-разработчиков БПЛА, специалистов по информационным технологиям, искусственному интеллекту. Режимные ограничения, специфика военной среды, вопросы материального стимулиро-

вания создают барьеры для их эффективной интеграции в образовательный процесс.

Система повышения квалификации преподавателей в области беспилотных технологий развита недостаточно. Стажировки на предприятиях промышленности, участие в научно-исследовательских работах, обмен опытом с зарубежными коллегами носят эпизодический характер. Между тем, динамичное развитие технологий требует, чтобы преподаватели находились на переднем крае научно-технического прогресса.

Положительным моментом является формирование научных школ в ведущих военных вузах, где ведутся исследования по проблемам применения БПЛА, разрабатываются новые образовательные технологии, создаются учебные пособия и методические материалы. Это создаёт основу для преемственности знаний и развития педагогических компетенций преподавательского состава.

Изучение зарубежного опыта подготовки операторов БПЛА представляет значительный интерес как с точки зрения заимствования передовых практик, так и для понимания общих тенденций развития военного образования в условиях технологической трансформации. Наиболее развитые системы подготовки созданы в вооружённых силах США, Израиля, Великобритании, Франции и Германии.

Соединённые Штаты Америки обладают наиболее масштабной и диверсифицированной системой подготовки специалистов по беспилотным системам. Подготовка пилотов средневысотных и высотных БПЛА (MQ-1 Predator, MQ-9 Reaper, RQ-4 Global Hawk) осуществляется на базе Holloman AFB (штат Нью-Мексико) и других авиационных баз. Кандидаты проходят через многоступенчатую систему отбора, включающую психофизиологическое тестирование, проверку когнитивных способностей, оценку склонности к многозадачности.

Образовательная программа подготовки оператора стратегического БПЛА в ВВС США занимает около года и включает

несколько этапов. Начальный этап – теоретическая подготовка по аэродинамике, метеорологии, навигации, авиационному праву. Затем следует этап симуляторной подготовки, где курсанты осваивают системы управления на высокоточных тренажёрах, имитирующих все аспекты полёта и боевого применения. Финальный этап – практические полёты на реальной технике под руководством инструкторов.

Особенностью американской системы является строгое разделение функций между пилотом БПЛА, отвечающим за управление полётом, и оператором полезной нагрузки (сенсором), управляющим разведывательной аппаратурой и вооружением. Каждая из этих специальностей требует отдельной подготовки, хотя базовые программы во многом совпадают.

Для подготовки операторов тактических БПЛА в сухопутных войсках и корпусе морской пехоты США функционируют специализированные школы, где акцент делается на тактику применения, взаимодействие с наземными подразделениями, целеуказание для артиллерии и авиации. Программы обучения более короткие (8-16 недель) и сфокусированы на практических навыках.

Израиль, являющийся одним из мировых лидеров в разработке и применении беспилотных технологий, создал уникальную систему подготовки специалистов. Отбор кандидатов в операторы БПЛА осуществляется на основе результатов психометрических тестов, проводимых при призыве. Предпочтение отдаётся призывникам с высокими показателями логического мышления, пространственного воображения, способности к концентрации внимания.

Базовая подготовка операторов в Школе беспилотной авиации ВВС Израиля длится около восьми месяцев и отличается высокой интенсивностью. Программа построена по принципу постепенного усложнения задач: от управления простейшими учебными дронами до работы с боевыми комплексами типа Heron, Hermes. Значительное внимание

уделяется психологической подготовке, развитию стрессоустойчивости, способности принимать решения в условиях дефицита времени.

Характерной чертой израильского подхода является ранняя специализация и длительный срок службы операторов БПЛА (три года), что позволяет накапливать значительный практический опыт. Выпускники школы сразу включаются в выполнение реальных боевых задач, что обеспечивает постоянную актуализацию учебных программ на основе оперативного опыта.

Великобритания организовала подготовку операторов БПЛА на базе RAF Waddington и других авиационных станций. Британская система заимствовала многие элементы американского опыта, но адаптировала их к своим условиям. Подготовка операторов стратегических БПЛА MQ-9 Reaper длится около 18 месяцев и включает теоретический курс, тренажёрную подготовку и практические полёты. Значительная часть обучения проводится совместно с американскими коллегами, что обеспечивает высокий уровень интероперабельности.

Британские военные активно используют концепцию «встроенного обучения» (embedded training), когда операторы-новички в течение нескольких месяцев работают в составе опытных экипажей, выполняющих реальные боевые задачи. Это позволяет передавать неформализованные знания и навыки, которые сложно транслировать в рамках стандартных образовательных программ.

Франция и Германия в последние годы значительно расширили свои программы подготовки операторов БПЛА. Французская армия создала Центр подготовки экипажей беспилотных систем (CFCU) на авиабазе Cognac, где ведётся обучение операторов системы Reaper и тактических БПЛА. Немецкий бундесвер организовал подготовку на базе учебного центра в Фазберге, делая акцент на подготовке операторов разведывательных БПЛА и систем радиоэлектронной борьбы.

Зарубежный опыт демонстрирует активное внедрение инновационных педагогических технологий в процесс подготовки операторов беспилотных систем. Эти технологии направлены на повышение эффективности обучения, сокращение сроков подготовки, снижение затрат и рисков.

Технологии виртуальной и дополненной реальности получили широкое распространение в системах подготовки операторов БПЛА. Американские ВВС используют VR-симуляторы, которые позволяют обучаемым погружаться в высокореалистичную среду боевого применения дронов. Курсанты надевают VR-шлемы и оказываются в виртуальной кабине наземной станции управления, откуда управляют БПЛА в различных сценариях: от стандартного патрулирования до сложных боевых ситуаций с противодействием ПВО противника.

Технологии дополненной реальности (AR) используются для изучения конструкции и систем БПЛА. Обучаемые с помощью AR-очков могут видеть трёхмерные модели компонентов, «разбирать» и «собирать» виртуальные образцы техники, изучать принципы работы сложных систем без риска повреждения реального оборудования.

Адаптивные системы обучения на базе искусственного интеллекта активно внедряются в зарубежных военных образовательных учреждениях. Эти системы анализируют прогресс каждого обучаемого, выявляют слабые места в его подготовке и автоматически формируют индивидуализированные образовательные траектории. Если курсант испытывает трудности с освоением навигационных систем, программа предложит ему дополнительные упражнения именно по этой теме, адаптируя сложность заданий к его текущему уровню.

Американская армия разработала интеллектуальную обучающую систему GIFT (Generalized Intelligent Framework for Tutoring), которая используется в том числе для подготовки операторов БПЛА. Система отслеживает действия обучаемого в симуляторе, оценивает правильность принимаемых

решений, предоставляет обратную связь и рекомендации по улучшению навыков.

Геймификация образовательного процесса широко применяется для повышения мотивации обучаемых и закрепления практических навыков. Израильские ВВС используют специально разработанные компьютерные игры, имитирующие управление БПЛА, которые курсанты могут использовать для самостоятельной подготовки в свободное время. Игровой формат делает процесс обучения более увлекательным, при этом игры построены на реалистичной физической модели и позволяют отрабатывать тактические приёмы.

Распределённые симуляционные среды позволяют проводить совместные учения операторов БПЛА, находящихся в разных географических точках. Американские ВВС регулярно проводят виртуальные учения, в которых участвуют операторы с различных авиабаз США и союзных стран. В ходе таких учений отрабатывается взаимодействие, обмен разведывательной информацией, координация действий в единой воздушной обстановке.

Технологии анализа больших данных используются для оценки эффективности обучения и прогнозирования успешности курсантов. Образовательные системы накапливают огромные массивы данных о действиях обучаемых в симуляторах, результатах тестов, времени выполнения заданий. Анализ этих данных позволяет выявлять паттерны, характерные для успешных операторов, и корректировать методики обучения.

Смешанное обучение (blended learning), сочетающее традиционные аудиторные занятия с онлайн-компонентами, стало стандартом в зарубежных системах подготовки. Теоретические материалы, видеолекции, интерактивные тесты доступны курсантам через цифровые образовательные платформы. Это позволяет им изучать материал в удобном темпе, многократно возвращаться к сложным темам, а аудиторное время использовать для практических занятий и об-

суждения сложных вопросов с преподавателями.

Ниже произведём сравнительный анализ подходов. Так, предложенный нами сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к подготовке операторов БПЛА позволяет выявить как сильные стороны российской системы, так и области, требующие совершенствования.

Структурная организация. Зарубежные системы подготовки характеризуются большей централизацией и стандартизацией. В США, Израиле, Великобритании существуют единые центры подготовки операторов каждого типа БПЛА, что обеспечивает унификацию программ и высокое качество обучения. Российская система более децентрализована, что имеет как преимущества (гибкость, адаптация к специфике родов войск), так и недостатки (неравномерность качества, дублирование усилий).

Продолжительность и интенсивность подготовки. Зарубежные программы подготовки операторов стратегических БПЛА более длительные (12-18 месяцев против 6-12 месяцев в России для аналогичных систем), что позволяет обеспечить более глубокую подготовку. Вместе с тем, в условиях потребности в быстром наращивании численности специалистов российская система продемонстрировала способность к массовой подготовке операторов тактических БПЛА в короткие сроки.

Отбор кандидатов. Зарубежные системы, особенно израильская и американская, используют более совершенные методы психофизиологического отбора кандидатов, что позволяет минимизировать процент отсева в процессе обучения. Российская система в большей степени полагается на общие критерии профессиональной пригодности, что не всегда оптимально для специфики управления БПЛА.

Материально-техническая база. Зарубежные учебные центры располагают более современной тренажёрной базой, включая VR/AR-системы, высокоточные полномасштабные симуляторы. Российские цен-

тры постепенно наращивают свои возможности, но пока уступают по уровню оснащённости. Вместе с тем, доступ российских обучаемых к реальной технике в ходе практической подготовки зачастую более широкий.

Использование цифровых технологий. Зарубежные системы значительно опережают в плане цифровизации образовательного процесса, использования адаптивных обучающих систем, онлайн-платформ. Российская система только начинает масштабное внедрение этих технологий.

Интеграция боевого опыта. Российская система в настоящее время обладает преимуществом в виде доступа к актуальному и масштабному боевому опыту применения БПЛА. Интенсивность боевого применения беспилотных систем в ходе специальной военной операции беспрецедентна, что создаёт возможности для быстрой актуализации программ обучения и методик подготовки. Зарубежные системы, несмотря на технологическое превосходство, в последние годы накапливали опыт преимущественно в условиях асимметричных конфликтов, что не вполне соответствует реалиям высокоинтенсивного противостояния.

Преемственность и карьерные траектории. Зарубежные системы обеспечивают более длительные сроки службы операторов БПЛА и чёткие карьерные траектории, что способствует накоплению опыта и формированию профессионального сообщества. Российская система находится в процессе формирования соответствующих механизмов.

В целом, сравнительный анализ показывает, что ни одна из систем не обладает абсолютным превосходством. Зарубежные системы более технологичны и методически проработаны, российская система более гибка и обогащена актуальным боевым опытом. Оптимальный путь развития отечественной системы подготовки лежит в критическом осмыслении зарубежного опыта и селективном заимствовании тех практик, которые могут быть эффективно адаптиро-

ваны к российским условиям, при сохранении собственных сильных сторон и традиций военной школы.

Педагогические пути формирования готовности распределены нами на три направления.

1. Теоретическая подготовка, которая представляет собой фундамент профессиональной компетентности операторов беспилотных и роботизированных систем, обеспечивая формирование когнитивного компонента готовности. Несмотря на преимущественно практический характер деятельности оператора, глубокое понимание теоретических основ является необходимым условием осознанного управления сложными техническими системами, принятия обоснованных решений в нестандартных ситуациях и способности к самостоятельному освоению новых типов техники.

Изучение технических характеристик БПЛА и роботизированных систем начинается с освоения базовых инженерно-технических дисциплин. Для операторов беспилотных летательных аппаратов критически важно понимание основ аэродинамики: принципов создания подъёмной силы, факторов, влияющих на устойчивость и управляемость полётом, особенностей различных аэродинамических схем (самолётный тип, мультикоптеры, конвертопланы). Изучаются физические основы полёта, влияние метеорологических условий на лётные характеристики, причины возникновения критических режимов полёта.

Для операторов наземных роботизированных систем теоретическая подготовка включает изучение механики движения колёсных и гусеничных платформ, особенностей преодоления препятствий, распределения нагрузок, влияния типа грунта на проходимость. Важное место занимает изучение манипуляторов и исполнительных механизмов, принципов их работы и управления.

Значительный раздел теоретической подготовки посвящён системам управления и навигации. Обучаемые изучают принципы

работы автопилотов, алгоритмы стабилизации, различные режимы автоматического управления (удержание высоты и курса, следование по маршруту, автоматический возврат на базу). Детально рассматриваются навигационные системы: принципы спутниковой навигации GPS/ГЛОНАСС/Galileo, инерциальные навигационные системы, барометрические высотомеры, системы избегания препятствий. Понимание принципов работы этих систем позволяет оператору адекватно оценивать точность навигации в различных условиях и принимать меры при сбоях.

Особое внимание уделяется системам связи и передачи данных. Изучаются принципы радиосвязи, характеристики различных частотных диапазонов, факторы, влияющие на дальность и надёжность связи (рельеф местности, погодные условия, помехи). Рассматриваются системы шифрования и защиты каналов управления, методы обеспечения помехозащищённости. Обучаемые должны понимать уязвимости каналов связи и способы их защиты от радиоэлектронного противодействия противника.

Изучение энергетических систем включает характеристики различных типов аккумуляторов, двигателей внутреннего сгорания, топливных элементов. Обучаемые осваивают методы расчёта продолжительности полёта или работы системы в зависимости от режима использования, полезной нагрузки, условий эксплуатации. Понимание энергетических ограничений критически важно для планирования боевого применения.

Тактика применения беспилотных средств составляет ключевой раздел теоретической подготовки, связывающий технические знания с военно-профессиональной деятельностью. Обучаемые изучают классификацию беспилотных систем по назначению (разведывательные, ударные, комплексного применения), тактико-техническим характеристикам (дальность, продолжительность полёта, высота применения), способам базирования и запуска.

Детально рассматриваются задачи, решаемые беспилотными средствами в современном бою: ведение разведки в интересах общевойсковых подразделений, целеуказание для артиллерии и авиации, корректировка огня, поиск и поражение целей, обеспечение связи и ретрансляции, радиоэлектронная борьба, обеспечение охраны и обороны объектов. Для каждой задачи изучаются оптимальные тактические приёмы, типовые ошибки, способы повышения эффективности.

Изучаются принципы взаимодействия подразделений БПЛА с другими родами войск: с артиллерией при корректировке огня, с мотострелковыми и танковыми подразделениями при обеспечении их разведывательной информацией, с авиацией при координации действий в воздушном пространстве, с частями РЭБ при обеспечении помехозащиты. Обучаемые осваивают установленные форматы передачи целеуказания, последовательность действий при обнаружении различных типов целей, порядок взаимодействия по радио и через автоматизированные системы управления.

Особое внимание уделяется нормам международного гуманитарного права, применимым к использованию беспилотных систем в вооружённых конфликтах. Изучаются принципы ведения боевых действий (различение комбатантов и гражданских лиц, пропорциональность применения силы, военная необходимость), правила применения оружия, защита гражданских объектов. Обучаемые должны понимать правовые ограничения своей деятельности и уметь принимать решения в соответствии с нормами права.

2. Практическая подготовка составляет сердцевину процесса формирования готовности операторов беспилотных систем, обеспечивая трансформацию теоретических знаний в практические умения и навыки. Специфика операторской деятельности такова, что высокий уровень теоретической подготовки не гарантирует эффективности практической работы – требуются многоча-

совые тренировки для формирования автоматизированных навыков управления, развития сенсомоторной координации, способности быстро и адекватно реагировать на изменения обстановки.

Тренажёрная подготовка является первым и важнейшим этапом практического обучения, позволяющим формировать базовые навыки управления в безопасных контролируемых условиях без риска повреждения дорогостоящей техники. Современные компьютерные тренажёры обеспечивают высокую степень реалистичности моделирования полёта или движения, воспроизводя физику поведения беспилотной системы, влияние внешних факторов, работу всех основных систем.

Тренажёрная подготовка начинается с освоения базовых навыков управления: взлёт и посадка для БПЛА, начало и остановка движения для наземных систем, выполнение простейших манёвров, удержание заданных параметров движения. На начальном этапе используются упрощённые режимы с автоматической стабилизацией, постепенно обучаемые переходят к более сложным режимам, требующим большего участия оператора.

По мере накопления опыта сложность тренажёрных упражнений возрастает. Вводятся усложняющие факторы: неблагоприятные метеоусловия (ветер, осадки, ограниченная видимость), сложный рельеф местности, препятствия, требующие облёта или объезда, отказы отдельных систем, помехи каналам связи. Обучаемые отрабатывают действия в нештатных ситуациях: потеря сигнала GPS, отказ двигателя, повреждение элементов конструкции, вынужденная посадка.

Современные тренажёры позволяют моделировать боевую обстановку: обнаружение и сопровождение целей, противодействие средств ПВО и РЭБ противника, координацию действий с другими подразделениями. Важным элементом является отработка процедур целеуказания и корректировки огня, требующих высокой точности определе-

ния координат и своевременной передачи информации.

Эффективность тренажёрной подготовки существенно повышается при использовании технологий виртуальной реальности (VR), создающих эффект полного погружения в смоделированную среду. VR-тренажёры обеспечивают более естественное восприятие пространственных отношений, развивают пространственное мышление, создают психологическое ощущение реальности происходящего, что способствует более эффективному формированию навыков.

Преимущества тренажёрной подготовки включают безопасность обучения, возможность многократного повторения упражнений до достижения требуемого уровня, воспроизводимость условий для всех обучаемых, возможность моделирования редких и опасных ситуаций, объективную регистрацию действий обучаемого для последующего анализа. Современные тренажёры фиксируют все параметры управления, позволяя детально разбирать ошибки и отслеживать прогресс обучения.

Однако тренажёрная подготовка имеет и ограничения. Даже самые совершенные симуляторы не могут полностью воспроизвести все нюансы реальной техники, особенности восприятия в реальных условиях, психологические аспекты работы с реальной дорогостоящей техникой. Поэтому тренажёрная подготовка должна дополняться практической работой с реальными системами.

Практическая работа с учебной техникой начинается после достижения обучаемыми определённого уровня на тренажёрах. Первоначально используются простые и недорогие системы, позволяющие минимизировать последствия ошибок обучаемых. Для подготовки операторов БПЛА широко применяются малоразмерные мультикоптеры, обладающие хорошей управляемостью и относительно безопасные при падениях. Обучаемые осваивают реальное пилотирование в прямой видимости, затем переходят к управлению по видеотрансляции с камеры,

имитирующему работу оператора реальных боевых систем.

Практические полёты или выходы организуются по программе возрастающей сложности. Начальные упражнения выполняются в простых условиях (безветренная погода, открытая местность, отсутствие препятствий), постепенно условия усложняются. Обучаемые осваивают полёты в различное время суток, в сложных метеословиях, над пересечённой местностью, в стеснённых условиях.

Важным элементом практической подготовки является освоение технического обслуживания и эксплуатации. Обучаемые под руководством инструкторов выполняют предполётную подготовку, настройку систем, послеполётный осмотр, регламентные работы, простейший ремонт. Практическое знание техники позволяет оператору адекватно оценивать её состояние и возможности, своевременно обнаруживать неисправности, принимать обоснованные решения о возможности выполнения задачи.

Отработка работы с целевым оборудованием включает практику ведения наблюдения, поиска объектов по заданным признакам, фото- и видеосъёмки, определения координат целей. Обучаемые осваивают работу в различных режимах (дневное наблюдение, тепловизионный режим), с различными кратностями увеличения, методы компенсации тряски изображения, способы повышения качества получаемой информации.

Полевая практика и учения представляют собой высшую форму практической подготовки, максимально приближающую условия обучения к реальной боевой деятельности. В ходе тактических учений обучаемые применяют беспилотные средства для решения реальных задач в составе подразделений, взаимодействуют с другими родами войск, работают в условиях противодействия условного противника.

Типичные задачи, отрабатываемые на учениях, включают ведение разведки в интересах наступающих или обороняющихся

подразделений, обнаружение и целеуказание по огневым средствам противника, корректировку артиллерийского огня, контроль результатов огневого поражения, обеспечение марша колонн, патрулирование районов и маршрутов. Обучаемые работают в реальном времени, передавая добываемую информацию командованию и взаимодействующим подразделениям, получая от них задачи и уточнения.

На учениях отрабатывается весь цикл боевой работы подразделения: получение задачи, планирование боевого вылета, подготовка техники, выполнение полёта или выхода, обработка добытой информации, составление донесений. Обучаемые сталкиваются с реальными сложностями: изменениями погоды, техническими неисправностями, необходимостью корректировать планы в ходе выполнения задачи, дефицитом времени на принятие решений.

Особую ценность представляют учения с элементами противоборства, где одна из сторон имитирует действия противника, включая работу средств ПВО и РЭБ. Это позволяет обучаемым на практике оценить уязвимость беспилотных систем, освоить тактические приёмы снижения рисков, научиться действовать в условиях противодействия.

Отработка действий в различных тактических ситуациях предполагает формирование гибких навыков применения беспилотных средств, что базируется на теории деятельности [32, 33, 34].

3. Психологическая подготовка операторов беспилотных систем представляет собой специфический и критически важный компонент формирования готовности, значение которого часто недооценивается. Специфика операторской деятельности предъявляет особые требования к психическим процессам, психологическим качествам и эмоциональной сфере личности. Длительная концентрация внимания, обработка больших объёмов визуальной информации, принятие быстрых решений в условиях неопределённости, психологическая

дистанцированность от последствий боевых действий – всё это создаёт уникальные психологические вызовы.

Формирование стрессоустойчивости является первоочередной задачей психологической подготовки. Хотя оператор БПЛА физически находится в относительной безопасности вдали от линии боевого соприкосновения, он испытывает значительный психологический стресс, связанный с ответственностью за дорогостоящую технику, необходимостью принимать решения, от которых зависят жизни людей, работой в условиях дефицита времени и информации, угрозой потери управления из-за противодействия средств РЭБ.

Методы формирования стрессоустойчивости включают постепенное усложнение условий обучения с введением стрессовых факторов. На тренажёрах моделируются критические ситуации: внезапные отказы систем, потеря связи, атаки средств ПВО, необходимость принятия решений в условиях жёстких временных ограничений. Обучаемые многократно проходят через эти ситуации, вырабатывая адекватные алгоритмы реагирования и снижая уровень тревожности при их возникновении.

Важным элементом является обучение техникам саморегуляции: контролю дыхания, мышечной релаксации, когнитивному переосмыслению стрессовых ситуаций. Обучаемые осваивают методы быстрого восстановления психологического равновесия после стрессовых эпизодов, способы поддержания работоспособности в течение длительных периодов напряжённой деятельности.

Психологическая подготовка включает формирование адекватного отношения к ошибкам и неудачам. В процессе обучения неизбежны падения БПЛА, повреждения техники, неуспешное выполнение задач. Важно, чтобы обучаемые воспринимали эти эпизоды как естественную часть процесса обучения, анализировали причины ошибок и извлекали уроки, а не испытывали демотивацию или страх перед повторением ситуации.

Развитие пространственного мышления критически важно для операторов, управляющих удалёнными объектами через видеокамеры. Способность мысленно представлять положение БПЛА в пространстве, траекторию его движения, взаимное расположение аппарата и объектов на земле, основываясь на изображении с камеры и показаниях приборов, является ключевым навыком эффективного управления.

Для развития пространственного мышления используются специальные упражнения: работа с картами и схемами, мысленное вращение объектов, определение траекторий движения, задачи на пространственную визуализацию. Эффективны компьютерные программы-тренажёры, специально разработанные для развития пространственных способностей. Постепенно обучаемые переходят от работы в прямой видимости объекта к управлению только по видеотрансляции, что требует более развитого пространственного воображения.

Особую сложность представляет управление при наблюдении объектов сверху (вид с высоты птичьего полёта), когда привычные пространственные ориентиры искажены. Требуется специальная тренировка способности интерпретировать такие изображения, определять направления движения наблюдаемых объектов, оценивать расстояния и размеры. Сравнение изображения с камеры с картографическими материалами помогает формированию этих навыков.

Формирование способности к многозадачности является ещё одним важным направлением психологической подготовки. Оператор должен одновременно контролировать множество параметров: положение и ориентацию БПЛА в пространстве, показатели высоты, скорости, курса, состояние систем аппарата, уровень заряда батареи, качество сигнала связи, изображение с камер, тактическую обстановку. При этом необходимо принимать решения об изменении режима полёта, направлении движения, использовании целевого оборудования.

Тренировка многозадачности начинается с простых упражнений, где обучаемые параллельно выполняют несколько относительно простых задач, постепенно количество и сложность задач увеличивается. Важно развивать не только способность удерживать в поле внимания несколько объектов одновременно, но и навык правильного распределения внимания, умение выделять приоритетные задачи, быстро переключаться между различными аспектами деятельности.

Современные тренажёры позволяют создавать ситуации высокой информационной загрузки, когда обучаемый должен обрабатывать множество сигналов.

Заключение

Анализ современного состояния системы подготовки военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами, выявленные проблемы и изучение передового опыта позволяют определить стратегические направления её совершенствования. Эти направления должны учитывать как текущие потребности Вооружённых Сил, так и перспективные тенденции развития военного дела, связанные с массовым внедрением автономных систем, искусственного интеллекта, роевых технологий. Первоочередной задачей является приведение содержания образовательных программ в соответствие реалиям современной вооружённой борьбы и перспективам развития беспилотных технологий. Актуализация должна осуществляться по нескольким направлениям. Необходимо существенно расширить блок дисциплин, посвящённых тактике применения БПЛА в условиях высокоинтенсивного конфликта против технологически развитого противника. Опыт специальной военной операции продемонстрировал специфику использования беспилотных средств в условиях активного противодействия систем ПВО, радиоэлектронной борьбы, контрбеспилотной борьбы. Программы должны включать изучение способов преодоления помех, тактики применения в условиях подавления каналов управ-

ления, использования автономных режимов полёта.

Достаточно важным является включение в программы подготовки разделов, посвящённых групповому применению БПЛА и взаимодействию пилотируемой и беспилотной авиации. Современные концепции боевого применения предполагают координированные действия множества беспилотных платформ, создание распределённых разведывательно-ударных систем. Операторы должны обладать навыками управления группами дронов, распределения целей между ними, координации действий в рамках единого тактического плана.

Актуализация программ должна осуществляться на основе систематического анализа боевого опыта. Целесообразно создание постоянно действующих рабочих групп, включающих преподавателей военных вузов, офицеров-практиков, представителей промышленности, которые регулярно анализируют опыт применения БПЛА и вносят соответствующие коррективы в содержание обучения. Цикл актуализации программ должен быть сокращён с нескольких лет до 6-12 месяцев.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и автономных систем радикально меняет характер беспилотных платформ. Современные и перспективные БПЛА всё в большей степе-

ни способны принимать решения самостоятельно, без постоянного участия оператора. Это требует фундаментальных изменений в подготовке специалистов. Образовательные программы должны включать базовый курс по основам искусственного интеллекта и машинного обучения. Операторы должны понимать принципы работы алгоритмов компьютерного зрения, которые позволяют дронам автоматически обнаруживать и классифицировать объекты; алгоритмов планирования траекторий, обеспечивающих автономную навигацию; систем поддержки принятия решений. Это не означает, что каждый оператор должен стать специалистом по ИИ, но базовое понимание возможностей и ограничений интеллектуальных систем критически важно.

Особое внимание должно уделяться подготовке к работе с автономными и полуавтономными системами. В перспективных БПЛА оператор будет выполнять роль не столько пилота, сколько супервизора, определяющего общие задачи и контролирующего их выполнение автономной системой. Это требует развития новых компетенций: способности формулировать задачи на языке, понятном ИИ-системе; умения оценивать адекватность действий автономной системы; готовности вмешаться в автоматическое управление в критических ситуациях.

Список источников

1. Алёхин И.А., Авуза А.А., Давыдов Н.А. Внедрение учебных информационно-дидактических систем в образовательную деятельность высших учебных заведений // Известия Российской академии образования. 2021. № 3 (55). С. 119-129.
2. Алёхин И.А., Авуза А.А., Туркин Е.В. и др. Военная педагогика: учебник / Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.). М., 2024. 414 с.
3. Барабанчиков А.В. Военная педагогика и психология. М.: Воениздат, 2018. 312 с.
4. Барбашина Э.В. «Нарративная парадигма» В. Фишера в контексте развития нарративных исследований // Философия науки. 2023. № 3 (98). С. 57-70.
5. Васильев Д.С., Туркин Е.В., Мухина Т.Г. Подготовка курсантов военных вузов для выполнения задач в условиях Арктики // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1. С. 247-260.
6. Тухватуллин Б.Т., Мухина Т.Г. Военно-профессиональная подготовка будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации: монография / Б.Т. Тухватуллин, Т.Г. Мухина. Новосибирск: НВИ, 2022.

7. Дахин А.Н. Когнитивная модель в структуре педагогической технологии / Н.В. Ярославцева, А.С. Колухамбеков, А.А. Цыбулько, А.Г. Ширшов, А.Н. Дахин // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2020. № 3 (45). С. 65-76. DOI: 10.32744/pse.2020.3.5.
8. Косухин В.В., Дьячков А.А. Взаимосвязь кадетский корпус – военный институт как важная составляющая формирования социальной зрелости будущего офицера // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (19). С. 52-56. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/06/009.pdf>. (дата обращения: 26.08.2025). EDN: NMKUOA.
9. Дахин А.Н. Индивидуальность в цифровой среде / А.Н. Дахин // Педагогика. 2023. № 2, Т. 87. С. 16-22.
10. Дахин А.Н. Педагогика больших языковых моделей // Педагогика. 2025. № 2, Т. 89. С. 5-16.
11. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Персонализированное машинное обучение // Педагогика. 2025. № 6, Т. 89. С. 49-60.
12. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Pushkarev Yu.V., Pushkareva I.Yu., Begalinova K.K., Pushkareva E.A. Assessment Future Evolution of Massive Open Online Courses (MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring). Russian Journal of Regional Studies. 2024; 32(1):144-162. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162>.
13. Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English / N.R. Zhakupov, A. Seitkhanova, A.N. Dakhin // International Journal of Evaluation and Research in Education 2024. No. 2, Vol. 13. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
14. Гриншкун В.В. О построении теоретико-методологических основ развития образовательных систем в условиях трансформационных процессов современного социума / В.В. Гриншкун, Н.Д. Подуфалов, А.И. Савенков // Педагогика. 2025. № 7, Т. 89. С. 5-27.
15. Мошкин А.А., Сорокоумова С.Н. Опыт применения контекстного обучения в условиях профессиональной подготовки курсантов вузов Росгвардии // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 218-227.
16. Беляков А.А., Дахин А.Н., Левченко Д.В., Нигаматулин В.Р., Кодоева А.Ч., Тухватуллин Б.Т., Ярославцева Н.В. Когнитивная технология обучения: сущность, эффективность и результативность // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2020. № 1 (43). С. 10-23. DOI: 10.32744/pse.2020.1.1.
17. Иванов В.В., Мухина Т.Г. Педагогическая технология формирования навыков обращения с оружием в контексте военно-патриотического воспитания // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 181-196.
18. Дахин А.Н., Печурин А.И., Колыванов К.Ю., Беркус В.И. Формирование универсальных компетенций в когнитивной технологии обучения // Школьные технологии. 2023. № 2. С. 18-22.
19. Belaya E.I., Vasilyeva T.Yu. The technology of formation of the Russian civic identity through the national personosphere as an axiological resource. Perspektivy nauki i obrazovania = Perspectives of Science and Education, 2025. No. 3. P. 24-39. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.2>.
20. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of reward motivation on human declarative memory // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2016. Vol. 61. P. 156-176.
21. Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English / Nursultan Ruslanovich Zhakupov, Ainur Seitkhanova, Alexander Dakhin // International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE). Vol. 13, No. 2, April 2024, P. 752-758, DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.

22. Меркулов С.В., Туркин Е.В. Моделирование процесса воспитания готовности к противодействию идеологии экстремизма у военнослужащих Росгвардии // *Kant*. 2022. № 1 (42). С. 271-277.

23. Сукнёв Д.А., Дахин А.Н., Евстифеев А.В. Теоретические основы психолого-педагогической подготовки военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач при резко меняющейся оперативной обстановке // *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2024. № 4. С. 360-370.

24. Лаврентьева З.И., Калугина Л.А. Понятие функциональной грамотности в педагогических исследованиях // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2024. № 4 (56). С. 167-172.

25. Меркулов С.В. Эмоционально-волевая устойчивость как основополагающий компонент готовности будущих офицеров к противодействию влиянию идеологии экстремизма / С.В. Меркулов, С.Н. Сорокоумова // *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2024. № 4 (22). С. 127-136.

26. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Мотивация в действии или Деятельность как мотивация // *Педагогика*. 2024. № 12, Т. 88. С. 72-82.

27. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Деятельность как способ познания своей индивидуальности // *Народное образование*. 2025. № 6. С. 113-126.

28. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций: учебник для вузов. СПб.: Питер. 2024. 272 с.

29. Дахин А.Н., Ненашев М.Б. Психология выбора цели и что лежит в основе успешного выбора // *Сибирский социально-гуманитарный журнал*. 2025. № 1 (1). С. 16-26.

30. Федак Е.И., Егоров А.А. Влияние упражнений армейской тактической стрельбы на психологическую готовность военнослужащих штурмовых групп // *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2025. № 2. С. 336-345.

31. Терёхина Е.Е. К вопросу о системах управления беспилотными воздушными судами / Е.Е. Терёхина // *Молодой ученый*. 2023. № 12 (459). С. 16-19. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/459/100988> (дата обращения: 26.08.2025).

32. Выготский Л.С. Психология / Л.С. Выготский. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с. (Серия «Мир психологии»).

33. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2001. 702 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).

34. Зинченко В.П. Нужно ли преодоление постулата непосредственности? // *Вопросы психологии*. 2009. № 2. С. 3-20.

References

1. Alyokhin I.A., Avuza A.A., Davydov N.A. Implementation of educational information-didactic systems in the educational activities of higher educational institutions // *Proceedings of the Russian Academy of Education*. 2021. No. 3 (55). P. 119-129.

2. Alyokhin I.A., Avuza A.A., Turkin E. V. et al. *Military Pedagogy. Textbook / Series 76 Higher Education*. (1st ed.). M., 2024. 414 p.

3. Barabanshchikov A.V. *Military Pedagogy and Psychology*. Moscow: Voenizdat, 2018. – 312 p.

4. Barbashina E.V. Walter Fisher's "Narrative Paradigm" in the context of the development of narrative research // *Philosophy of Science*. 2023. No. 3 (98). P. 57-70.

5. Vasiliev D.S., Turkin E.V., Mukhina T.G. Training cadets of military universities for performing tasks in Arctic conditions // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 1. P. 247-260.

6. Tukhvatullin B.T., Mukhina T.G. Military-Professional Training of Future Officers of the National Guard Troops of the Russian Federation: Monograph. Novosibirsk: NVI, 2022.
7. Dakhin A.N., Yaroslavtseva N.V., Kolukhambekov A.S., Tsybulko A.A., Shirshov A.G. The cognitive model in the structure of pedagogical technology // *Perspectives of Science and Education. International Electronic Scientific Journal*. 2020. No. 3 (45). P. 65-76. DOI: 10.32744/pse.2020.3.5
8. Kosukhin V.V., Dyachkov A.A. The relationship between cadet corps and military institute as an important component of forming the social maturity of a future officer // *Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*. 2022. № 2 (19). С. 52-56. [Electronic resource]. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/06/009.pdf>. (date of access: 26.08.2025). EDN: NMKUOA.
9. Dakhin A.N. Individuality in the digital environment // *Pedagogy*. 2023. No. 2, Vol. 87. P. 16-22.
10. Dakhin A.N. Pedagogy of large language models // *Pedagogy*. 2025. No. 2, Vol. 89. P. 5-16.
11. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Personalized machine learning // *Pedagogy*. 2025. No. 6, Vol. 89. P. 49-60.
12. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Pushkarev Yu.V., Pushkareva I.Yu., Begalinova K.K., Pushkareva E.A. Assessment of Future Evolution of Massive Open Online Courses (MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024; 32(1):144-162. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162>.
13. Dakhin A.N., Zhakupov N.R., Seitkhanova A. Development of a multilingual online course with language support for teaching physics in English // *International Journal of Evaluation and Research in Education*. 2024. No. 2, Vol. 13. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
14. Grinshkun V.V., Podufalov N.D., Savenkov A.I. On building theoretical and methodological foundations for the development of educational systems under the transformational processes of modern society // *Pedagogy*. 2025. No. 7, Vol. 89. P. 5-27.
15. Moshkin A.A., Sorokoumova S.N. Experience in applying contextual learning in the professional training of cadets of National Guard higher educational institutions // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 2. P. 218-227.
16. Belyakov A.A., Dakhin A.N., Levchenko D.V., Nigmatulin V.R., Kadoeva A.Ch., Tukhvatullin B.T., Yaroslavtseva N.V. Cognitive learning technology: essence, efficiency, and effectiveness // *Perspectives of Science and Education*. 2020. No. 1 (43). P. 10-23. DOI: 10.32744/pse.2020.1.1.
17. Ivanov V.V., Mukhina T.G. Pedagogical technology for developing weapon-handling skills in the context of military-patriotic education // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 2. P. 181-196.
18. Dakhin A.N., Pechurin A.I., Kolyvanov K.Yu., Berkus V.I. Formation of universal competencies in cognitive learning technology // *School Technologies*. 2023. No. 2. P. 18-22.
19. Belaya E.I., Vasilyeva T.Yu. The technology of forming Russian civic identity through the national personosphere as an axiological resource. *Perspectives of Science and Education*, 2025. No. 3. P. 24-39. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.2>.
20. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of reward motivation on human declarative memory // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2016. Vol. 61. P. 156-176.
21. Dakhin A.N., Zhakupov N.R., Seitkhanova A., Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with language support for teaching physics in English // *IJERE*. Vol. 13, No. 2, April 2024, P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
22. Merkulov S.V., Turkin E.V. Modeling the process of developing readiness to counter extremist ideology among National Guard servicemen // *Kant*. 2022. No. 1 (42). P. 271-277.

23. Suknyov D.A., Dakhin A.N., Evstifeev A.V. Theoretical foundations of psychological and pedagogical training of military personnel to perform service-combat tasks in rapidly changing operational environments // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2024. No. 4. P. 360-370.

24. Lavrenteva Z.I., Kalugina L.A. The concept of functional literacy in pedagogical research // *Professional Education in Russia and Abroad*. 2024. No. 4 (56). P. 167-172.

25. Merkulov S.V., Sorokoumova S.N. Emotional-volitional stability as a fundamental component of future officers' readiness to resist extremist ideology // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2024. No. 4 (22). P. 127-136.

26. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Motivation in action, or activity as motivation // *Pedagogy*. 2024. No. 12, Vol. 88. P. 72-82.

27. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Activity as a way of understanding one's individuality // *Public Education*. 2025. No. 6. P. 113-126.

28. Shoigu Yu.S. *Psychology of Extreme Situations*. Textbook for universities. St. Petersburg: Piter, 2024. 272 p.

29. Dakhin A.N., Nenashev M.B. Psychology of goal selection and what lies at the basis of successful choice // *Siberian Social and Humanitarian Journal*. 2025. No. 1 (1). P. 16-26.

30. Fedak E.I., Egorov A.A. The influence of army tactical shooting exercises on the psychological readiness of assault group servicemen // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 2. P. 336-345.

31. Teryokhina E. E. On unmanned aerial vehicle control systems // *Young Scientist*. 2023. No. 12 (459). P. 16-19. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/459/100988> (date of access: 26.08.2025).

32. Vygotsky L.S. *Psychology*. M.: EKSMO-Press, 2000. 1008 p. (Series "The World of Psychology").

33. Rubinstein S.L. *Fundamentals of General Psychology*. St. Petersburg: Piter, 2001. 702 p. (Series "Masters of Psychology").

34. Zinchenko V.P. Is overcoming the postulate of immediacy necessary? // *Questions of Psychology*. 2009. No. 2. P. 3-20.

Информация об авторе

Куцман Денис Александрович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Denis A. Kutsman, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 23.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 23.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 6378.01

EDN: <https://elibrary.ru/DLYQAN>

ПОДГОТОВКА ВОЕНОСЛУЖАЩИХ К УПРАВЛЕНИЮ БПЛА: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Куцман Денис Александрович

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Evgeshka.05@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ современного состояния реализации путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы, выявлены существующие проблемы и определены перспективные направления совершенствования системы подготовки специалистов данного профиля. Автором определены теоретические основы и концептуальные подходы к формированию готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами; проанализировано современное состояние системы подготовки специалистов. В результате автором: 1) произведены систематизация педагогических путей формирования готовности военнослужащих, включающая теоретическую, практическую и психологическую подготовку; 2) выявлены ключевые проблемы и ограничения существующей системы подготовки на организационном, методическом и материально-техническом уровнях; 3) определены критерии и показатели эффективности подготовки военнослужащих к управлению беспилотными средствами; 4) обоснованы перспективные направления совершенствования педагогических путей формирования готовности специалистов с учётом развития технологий и изменения характера вооружённой борьбы.

Ключевые слова: беспилотные средства вооружённой борьбы, роботизированные средства вооружённой борьбы, психолого-педагогический аспект, эффективность управления БПЛА, военнослужащие.

Для цитирования: Куцман Д.А. Подготовка военнослужащих к управлению БПЛА: психолого-педагогический аспект // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 34-46.

TRAINING MILITARY PERSONNEL FOR UAV OPERATION: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT

Denis A. Kutsman

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Evgeshka.05@mail.ru

Abstract. The article examines the current state of implementing approaches to developing the readiness of military personnel for operating unmanned and robotic systems of armed combat, identifying existing problems, and determining promising directions for improving the training system of specialists in this field. The author defines the theoretical foundations and conceptual approaches to forming military personnel's readiness to operate unmanned and robotic systems and analyzes the current state of the specialist training system. As a result, the author:

1) systematizes pedagogical approaches to developing military personnel's readiness, including theoretical, practical, and psychological preparation; 2) identifies key problems and limitations of the existing training system at organizational, methodological, and technical levels; 3) determines criteria and indicators of the effectiveness of training military personnel for operating unmanned systems; 4) substantiates promising directions for improving pedagogical methods of forming specialists' readiness, taking into account technological development and changes in the nature of armed combat.

Keywords: unmanned combat systems, robotic combat systems, psychological and pedagogical aspect, UAV operation effectiveness, military personnel.

For citation: Kutsman D.A. Training military personnel for UAV operation: psychological and pedagogical aspect // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 34-46.

Введение

Современный этап развития военного дела характеризуется масштабной технологической трансформацией, в центре которой находится активное внедрение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), наземных роботизированных комплексов и автономных систем вооружения. Опыт локальных военных конфликтов последних лет убедительно демонстрирует, что беспилотные и роботизированные средства перестали быть вспомогательными элементами боевых действий и превратились в ключевой фактор достижения военного превосходства. События в Сирии, Нагорном Карабахе, специальная военная операция на Украине показали критическую важность эффективного применения БПЛА для разведки, целеуказания, нанесения ударов и корректировки огня артиллерии.

В этих условиях перед военной педагогикой встаёт стратегическая задача формирования принципиально нового типа военного специалиста, способного эффективно управлять сложными техническими системами, принимать решения в условиях высокой неопределённости и информационной перегрузки, интегрировать возможности беспилотных средств в общую систему управления войсками. Традиционные подходы к военно-профессиональной подготовке, ориентированные на управление классическими видами вооружения и военной техники, требуют существенного переосмысления и модернизации. Современная конъюнктура применения технологий предъяв-

ляет новые требования к профессиональной подготовке военнослужащих, что установлено в исследованиях И.А. Алёхина, А.А. Авуза, А.Н. Дахина, А.А. Дьячкова, В.В. Косухина, Т.Г. Мухиной, Б.Т. Тухватуллина, Е.В. Туркина, А.А. Цыбулько и др. [1-6].

Актуальность исследования психолого-педагогических аспектов формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, стремительное развитие технологий опережает темпы обновления содержания военного образования, что создаёт разрыв между требованиями современного боя и уровнем подготовки специалистов. Во-вторых, специфика управления беспилотными системами требует интеграции технических, тактических и психологических компетенций, что предполагает разработку междисциплинарных образовательных программ. В-третьих, массовое внедрение БПЛА во все виды и рода войск создаёт потребность в подготовке значительного количества операторов различной квалификации в сжатые сроки.

Материалы и методы

Методологическую основу нашего исследования составляют системный подход, представленный в работах И.А. Алёхина, Н.А. Давыдова, С.В. Меркулова, Е.В. Туркина, З.И. Лаврентьевой [2, 7, 8], позволяющий рассматривать профессиональную подготовку в комплексе психолого-педагогических аспектов; деятельностный подход, рас-

крытый Л.С. Выготским, В.П. Зинченко, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым [9, 10, 11], ориентированный на анализ военно-профессиональных компетенций именно в контексте конкретной подготовки военнослужащих к управлению БПЛА и роботизированными средствами; компетентностный подход, направленный на формирование профессионально значимых «сильных» компетенций, описанный А.А. Беляковым, В.И. Беркусом, А.Н. Дахиным, Т.Г. Мухиной, С.Н. Сорокоумовой, Д.А. Сукнёвым, Б.Т. Тухватуллиным, А.А. Цыбулько [6, 12, 13, 14, 15, 16].

В качестве методов исследования использовались системный анализ научной литературы, контент-анализ нормативных документов подготовки военнослужащих, сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта применения БПЛА, экспертный опрос специалистов-практиков. В результате применения этих методов нам удалось, во-первых, предпринять попытку комплексного анализа роли специальных умений в подготовке военнослужащих к управлению БПЛА и разработки системного подхода к формированию готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы. Во-вторых, выявить специфические умения, объединённые в «компетентность», необходимую для эффективного применения и управления беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы. В-третьих, спроектировать педагогические условия профессиональной подготовки военнослужащих, готовых управлять БПЛА, определив для этого ключевые компетенции оператора беспилотных систем; технические, тактические и психологические требования к этим специалистам; обосновать междисциплинарный характер подготовки современных военнослужащих. Значимость данной работы заключается в возможности использования её результатов для совершенствования программ подготовки современных военнослужащих, разработки специализированных

тренинговых программ, направленных на развитие управленческих умений, создания системы оценки готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы.

Результаты исследования

Для вхождения в проблему исследования определим концептуальные подходы к формированию готовности военных специалистов. Формирование готовности военнослужащих к профессиональной деятельности является центральной проблемой военной педагогики и психологии. В контексте подготовки специалистов по управлению беспилотными и роботизированными средствами эта проблема приобретает особую актуальность в силу специфики деятельности, высокой технологической сложности объектов управления и динамично меняющихся условий их применения.

Заметим, что понятие готовности в военной педагогике традиционно рассматривается как интегральное качество личности, представляющее собой сложное психологическое образование, включающее мотивационные, познавательные, эмоциональные и волевые компоненты. В классических работах отечественных психологов готовность определяется как состояние мобилизации психологических и психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное выполнение определённых действий. Применительно к военно-профессиональной деятельности готовность рассматривается не только как временное состояние, но и как устойчивая характеристика личности, формируемая в процессе обучения и воспитания [17-24].

В современной военной педагогике выделяют несколько видов готовности: общую готовность к военной службе, готовность к выполнению конкретных должностных обязанностей, готовность к боевым действиям в особых условиях, психологическую готовность к экстремальным ситуациям. Готовность к управлению беспилотными и роботизированными средствами представляет

собой специфический вид профессиональной готовности, объединяющий элементы технической, тактической и операторской подготовки.

Структура готовности военнослужащих к управлению БПЛА может быть представлена следующими взаимосвязанными психолого-педагогическими компонентами.

1. Мотивационно-ценностный компонент включает осознание значимости беспилотных технологий для современной вооружённой борьбы, интерес к освоению новых технических средств, стремление к профессиональному росту в данной области, ответственность за результаты боевого применения управляемых систем. Формирование устойчивой мотивации особенно важно с учётом того, что деятельность оператора БПЛА часто носит монотонный характер, требует длительной концентрации внимания и может не сопровождаться непосредственным ощущением опасности, характерным для традиционных видов боевой деятельности.

2. Когнитивный компонент представляет собой систему знаний, необходимых для эффективного управления беспилотными средствами. Это включает знание технических характеристик и конструктивных особенностей различных типов БПЛА и роботизированных систем, понимание принципов их функционирования, знание систем управления и каналов связи, правил эксплуатации и технического обслуживания. Особое значение имеют знания в области тактики применения беспилотных средств, их возможностей и ограничений в различных условиях обстановки, способов взаимодействия с другими подразделениями и средствами поражения.

3. Операциональный (деятельностный) компонент охватывает практические умения и навыки управления беспилотными системами: навыки пилотирования или управления движением, работы с полезной нагрузкой (камерами, сенсорами, целевым оборудованием), анализа получаемой информации, принятия решений в динамически ме-

няющейся обстановке. Этот компонент также включает умения по техническому обслуживанию, диагностике неисправностей, действиям в нештатных и аварийных ситуациях.

4. Психофизиологический компонент связан с развитием психических процессов и качеств, необходимых для операторской деятельности: пространственного мышления и воображения, распределения и переключения внимания, оперативной памяти, сенсомоторной координации, эмоциональной устойчивости, способности к длительной концентрации. Управление беспилотными средствами предъявляет специфические требования к зрительному анализу, вестибулярному аппарату, нервно-мышечной координации оператора.

5. Рефлексивно-оценочный компонент предполагает способность к самоанализу своей деятельности, оценке её эффективности, выявлению ошибок и их причин, корректировке действий на основе обратной связи. Для оператора БПЛА критически важна способность к адекватной оценке ситуации, своих возможностей и ограничений управляемой системы, что позволяет принимать взвешенные решения и избегать неоправданного риска.

Специфика профессиональной деятельности операторов БПЛА и роботизированных систем существенно отличается от традиционных военных специальностей и определяет особые требования к их подготовке. Во-первых, это опосредованный характер взаимодействия с объектом управления через технические интерфейсы, что требует развитого пространственного воображения и способности к ментальному моделированию ситуации. Оператор не находится непосредственно в управляемом аппарате и воспринимает обстановку через камеры и сенсоры, что создаёт особые когнитивные трудности.

Во-вторых, деятельность оператора характеризуется высокой информационной насыщенностью: необходимо одновременно контролировать множество параметров

полёта или движения, состояние систем аппарата, изменения тактической обстановки, показания датчиков и камер. Это требует развитой способности к распределению внимания и многозадачности.

В-третьих, операторская деятельность часто протекает в условиях дефицита времени на принятие решений, особенно при обнаружении целей, угрозах со стороны противника или возникновении технических неполадок. Способность к быстрому анализу ситуации и принятию адекватных решений в условиях неопределённости становится критически важной.

В-четвёртых, управление беспилотными средствами требует понимания технологических и физических ограничений систем: дальности действия, продолжительности полёта, погодных ограничений, особенностей каналов связи и возможностей противодействия им. Оператор должен постоянно оценивать технические риски и планировать действия с учётом этих ограничений.

В-пятых, деятельность оператора носит выраженный интеллектуальный характер и требует постоянного обучения в связи с быстрым развитием технологий. Новые типы беспилотных систем, обновления программного обеспечения, появление новых тактических приёмов применения требуют от специалиста готовности к непрерывному профессиональному развитию.

Психологические особенности деятельности операторов БПЛА включают феномен «психологической дистанцированности» от последствий своих действий, что может влиять на принятие решений о применении оружия. Оператор, находящийся в безопасности вдали от поля боя, может испытывать меньший стресс в момент выполнения боевой задачи, но впоследствии сталкиваться с отсроченными психологическими последствиями. Это требует особого внимания к вопросам психологической подготовки и сопровождения специалистов.

Формирование готовности к управлению беспилотными и роботизированными средствами должно строиться на основе систем-

ного подхода, предполагающего целенаправленное развитие всех компонентов готовности в их взаимосвязи. Нельзя ограничиваться только технической подготовкой или только отработкой практических навыков – необходима комплексная работа по формированию личности военного профессионала нового типа, сочетающего качества технического специалиста, тактика и психологически устойчивого бойца.

Для подготовки современных военнослужащих активно применяется компетентностный подход (Е.Е. Терёхина, Е.И. Федак, А.А. Егоров, Е.А. Miendlarzewska, К.К. Begalinova, Е.А. Pushkareva, А.Н. Dakhin [24-29]).

Современная парадигма военного образования всё более ориентируется на компетентностный подход, который в отличие от традиционной знаниевой модели акцентирует внимание на способности применять полученные знания и навыки для решения реальных профессиональных задач. Применительно к подготовке операторов беспилотных и роботизированных систем этот подход приобретает особое значение, поскольку эффективность их деятельности определяется не столько объёмом теоретических знаний, сколько умением действовать в сложных, динамично меняющихся условиях боевой обстановки.

Компетенция в педагогической науке определяется как интегративная характеристика личности, включающая знания, умения, навыки, личностные качества и опыт, необходимые для успешного выполнения определённой деятельности. Профессиональная компетентность представляет собой системное проявление совокупности компетенций, обеспечивающих эффективное решение профессиональных задач. Компетентностный подход предполагает переход от передачи информации к формированию способностей действовать в профессиональных ситуациях, что требует изменения методов обучения в сторону активных, практико-ориентированных форм.

Ключевые компетенции оператора беспилотных систем можно классифицировать на несколько групп.

Технические компетенции составляют основу профессиональной деятельности оператора. Ниже приведём список данного вида компетенций.

1. Компетенции в области устройства и функционирования беспилотных систем: понимание аэродинамических принципов полёта (для БПЛА), механики движения (для наземных роботов), принципов работы силовых установок, систем управления, навигации, связи и передачи данных.

2. Компетенции в эксплуатации и техническом обслуживании: умение осуществлять предполётную или предпусковую подготовку, настройку систем, калибровку датчиков, диагностику неисправностей, выполнение регламентных работ, оценку технического состояния.

3. Компетенции в работе с программным обеспечением: освоение интерфейсов наземных станций управления, программирование полётных заданий, настройка параметров автоматических режимов, обработка телеметрических данных, работа с программами обработки изображений и видео.

4. Компетенции в области информационных технологий: понимание принципов цифровой связи, шифрования данных, работы GPS/ГЛОНАСС навигации, основ киберзащиты управляющих систем от электронного противодействия (А.Н. Дахин, М.Б. Ненашев, Е.А. Пушкарёва и др. [28, 30, 31, 32]).

Операторские компетенции непосредственно связаны с управлением беспилотными средствами в различных условиях.

Компетенции пилотирования или управления движением: владение техникой взлёта, посадки, полёта или движения в различных режимах (ручное управление, автоматические режимы, комбинированное управление), выполнение манёвров, работа в сложных метеоусловиях или на пересечённой местности.

Компетенции навигации и ориентирования: умение работать с картографическими материалами, планировать маршруты с учётом рельефа местности и воздушной или наземной обстановки, корректировать курс в реальном времени, обеспечивать точность выхода в заданные районы.

Компетенции в работе с целевым оборудованием: управление камерами (оптическими, тепловизионными), сенсорами и датчиками, системами целеуказания, при необходимости – системами вооружения, обработка и интерпретация получаемой информации.

Компетенции действий в нештатных ситуациях: умение распознавать признаки технических неисправностей, принимать решения при отказах систем, выполнять аварийную посадку или эвакуацию, действовать при потере связи, противодействии средств РЭБ противника.

Тактические компетенции определяют способность эффективно применять беспилотные средства для решения боевых задач.

- Компетенции разведки: умение вести визуальную разведку местности и объектов, обнаруживать и идентифицировать цели, оценивать характер их деятельности, документировать обнаруженное фото- и видеосъёмкой, передавать разведывательную информацию в установленных форматах.

- Компетенции целеуказания: способность определять координаты обнаруженных целей, оценивать их параметры для выбора средств поражения, осуществлять наведение огневых средств, корректировать огонь артиллерии или ударов авиации, оценивать результаты поражения.

- Компетенции планирования боевого применения: умение ставить задачи подчинённым (при наличии), планировать боевые вылеты или выходы с учётом тактической обстановки, метеоусловий, технических возможностей, взаимодействовать с другими подразделениями.

- Компетенции в области тактики противоборства: понимание возможностей противника по обнаружению и поражению

БПЛА, знание тактических приёмов снижения уязвимости, умение противодействовать средствам ПВО и РЭБ противника, скрытность действий.

Аналитические и когнитивные компетенции обеспечивают интеллектуальную составляющую деятельности:

- Компетенции анализа обстановки: способность быстро оценивать большие объёмы визуальной информации, выявлять значимые детали, отличать важное от второстепенного, обнаруживать замаскированные объекты, распознавать признаки подготовки противника к действиям.

- Компетенции принятия решений: умение анализировать альтернативы в условиях неопределённости и дефицита времени, прогнозировать развитие ситуации, оценивать риски, выбирать оптимальный вариант действий, нести ответственность за последствия решений.

- Компетенции работы с информацией: умение систематизировать разведывательные данные, составлять донесения и отчёты, документировать боевую работу, использовать автоматизированные системы обработки информации, обеспечивать информационную безопасность.

Коммуникативные компетенции связаны с взаимодействием в рамках боевого расчёта и с другими подразделениями:

- Компетенции взаимодействия в расчёте: при работе в составе экипажа (оператор-пилот, оператор полезной нагрузки, специалист связи) – умение координировать действия, распределять функции, поддерживать эффективную коммуникацию, взаимостраховку.

- Компетенции внешнего взаимодействия: умение поддерживать связь с командованием, передавать информацию взаимодействующим подразделениям, работать в рамках единого информационного пространства, использовать установленные форматы и протоколы обмена данными.

Психологические компетенции определяют способность эффективно действовать в условиях боевого стресса:

- Стрессоустойчивость: способность сохранять работоспособность и принимать адекватные решения в условиях опасности, при дефиците времени, информационной перегрузке, после длительных периодов монотонной работы.

- Эмоциональная регуляция: умение управлять своими эмоциями, избегать импульсивных действий, поддерживать концентрацию внимания, справляться с психологическими последствиями участия в боевых действиях.

- Мотивационная устойчивость: способность поддерживать высокий уровень мотивации при выполнении рутинных задач, преодолевать трудности обучения и освоения новой техники, стремление к профессиональному совершенствованию.

Этические и правовые компетенции приобретают особое значение в контексте применения беспилотных систем:

- Правовая компетентность: знание международного гуманитарного права, национального законодательства, регулирующего применение беспилотных средств, правил использования воздушного пространства, ответственности за нарушения.

- Этическая компетентность: понимание морально-этических аспектов применения дистанционно управляемых систем вооружения, способность принимать этически обоснованные решения, соблюдение принципов избирательности и пропорциональности при применении силы.

Междисциплинарный характер подготовки операторов беспилотных систем проявляется в необходимости интеграции знаний и навыков из различных областей, а также определении критериев и показателей эффективности подготовки военнослужащих. Так, система оценки готовности включает теоретические знания и их глубину; практические навыки управления; тактическую грамотность; психологическую устойчивость. Методы диагностики, релевантные данной тематике: тестирование и компьютерное моделирование; практические зачёты на тренажё-

рах; анализ действий в учебно-боевых ситуациях.

Заметим, что военный специалист должен обладать компетенциями инженера-техника (для понимания устройства и обслуживания техники), программиста (для работы с программным обеспечением), летчика или водителя (для управления движением), разведчика (для ведения наблюдения и анализа обстановки), артиллериста (для целеуказания и корректировки огня), специалиста по связи (для обеспечения устойчивого управления). Такая широта требуемых компетенций создаёт серьёзные вызовы для системы подготовки и требует

тщательной разработки образовательных программ.

Формирование компетенций не может осуществляться последовательно – технические, затем тактические, затем психологические. Компетентностный подход предполагает интегративное обучение, в котором различные аспекты подготовки переплетаются и взаимно усиливают друг друга. Теоретические занятия должны дополняться практической работой, тренажёрная подготовка – полевыми учениями, индивидуальное обучение – групповой работой. Ниже на рисунке 1 представим структурную схему процесса формирования готовности военнослужащих.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К УПРАВЛЕНИЮ БЕСПИЛОТНЫМИ И РОБОТИЗИРОВАННЫМИ СРЕДСТВАМИ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Рисунок 1 – Схема процесса формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы

В завершение отметим, что важнейшим принципом компетентностного подхода является ориентация на конечный результат – способность выпускника эффективно решать реальные боевые задачи. Это требует постоянной корректировки содержания обучения с учётом опыта боевого применения,

изменения тактики противника, появления новых технологий. Система оценки должна фокусироваться не на воспроизведении заученной информации, а на демонстрации практических умений в ситуациях, максимально приближенных к реальным условиям деятельности.

Заключение

В данном исследовании проведён комплексный анализ современного состояния реализации педагогических путей формирования готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами вооружённой борьбы, выявлены существующие проблемы и определены перспективные направления совершенствования системы подготовки специалистов данного профиля. Нами определены теоретические основы и концептуальные подходы к формированию готовности военнослужащих к управлению беспилотными и роботизированными средствами; проанализировано современное состояние системы подготовки специалистов в отечественных военно-учебных заведениях и учебных центрах; изучены зарубежный опыт подготовки операторов БПЛА и роботизированных си-

стем, выявлены передовые практики, применимые в отечественных условиях.

Основными результатами являются: 1) систематизация педагогических путей формирования готовности военнослужащих, включающая теоретическую, практическую и психологическую подготовку; 2) выявление ключевых проблем и ограничений существующей системы подготовки на организационном, методическом и материально-техническом уровнях; 3) определение критериев и показателей эффективности подготовки военнослужащих к управлению беспилотными средствами; 4) обоснование перспективных направлений совершенствования педагогических путей формирования готовности специалистов с учётом развития технологий и изменения характера вооружённой борьбы.

Список источников

1. Алёхин И.А., Авуза А.А., Давыдов Н.А. Внедрение учебных информационно-дидактических систем в образовательную деятельность высших учебных заведений // Известия Российской академии образования. 2021. № 3 (55). С. 119-129.
2. Алёхин И.А., Авуза А.А., Туркин Е.В. и др. Военная педагогика: учебник / Сер. 76 Высшее образование. (1-е изд.). М., 2024. 414 с.
3. Васильев Д.С., Туркин Е.В., Мухина Т.Г. Подготовка курсантов военных вузов для выполнения задач в условиях Арктики // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1. С. 247-260.
4. Тухватуллин Б.Т., Мухина Т.Г. Военно-профессиональная подготовка будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации: монография / Б.Т. Тухватуллин, Т.Г. Мухина. Новосибирск: НВИ, 2022.
5. Косухин В.В., Дьячков А.А. Взаимосвязь кадетский корпус – военный институт как важная составляющая формирования социальной зрелости будущего офицера // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (19). С. 52-56. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/06/009.pdf>. (дата обращения: 26.08.2025). EDN: NMKUOA.
6. Дахин А.Н. Когнитивная модель в структуре педагогической технологии / Н.В. Ярославцева, А.С. Колухамбеков, А.А. Цыбулько, А.Г. Ширшов, А.Н. Дахин // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. – 2020. № 3 (45). С. 65-76. DOI: 10.32744/pse.2020.3.5.
7. Меркулов С.В., Туркин Е.В. Моделирование процесса воспитания готовности к противодействию идеологии экстремизма у военнослужащих Росгвардии // Kant. 2022. № 1 (42). С. 271-277.
8. Лаврентьева З.И., Калугина Л.А. Понятие функциональной грамотности в педагогических исследованиях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 4 (56). С. 167-172.

9. Выготский Л.С. Психология / Л.С. Выготский. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с. (Серия «Мир психологии»).
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2001. 702 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
11. Зинченко В.П. Нужно ли преодоление постулата непосредственности? // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 3-20.
12. Беляков А.А., Дахин А.Н., Левченко Д.В., Нигаматулин В.Р., Кодоева А.Ч., Тухватуллин Б.Т., Ярославцева Н.В. Когнитивная технология обучения: сущность, эффективность и результативность // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2020. № 1 (43). С. 10-23. DOI: 10.32744/pse.2020.1.1.
13. Сукнёв Д.А., Дахин А.Н., Евстифеев А.В. Теоретические основы психолого-педагогической подготовки военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач при резко меняющейся оперативной обстановке // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 4. С. 360-370.
14. Иванов В.В., Мухина Т.Г. Педагогическая технология формирования навыков обращения с оружием в контексте военно-патриотического воспитания // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 181-196.
15. Меркулов С.В. Эмоционально-волевая устойчивость как основополагающий компонент готовности будущих офицеров к противодействию влиянию идеологии экстремизма / С.В. Меркулов, С.Н. Сорокоумова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 4 (22). С. 127-136.
16. Дахин А.Н., Печурин А.И., Колыванов К.Ю., Беркус В.И. Формирование универсальных компетенций в когнитивной технологии обучения // Школьные технологии. 2023. № 2. С. 18-22.
17. Гриншкун В.В. О построении теоретико-методологических основ развития образовательных систем в условиях трансформационных процессов современного социума / В.В. Гриншкун, Н.Д. Подуфалов, А.И. Савенков // Педагогика. 2025. Т. 89. № 7. С. 5-27.
18. Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English / N.R. Zhakupov, A. Seitkhanova, A.N. Dakhin // International Journal of Evaluation and Research in Education 2024. No. 2, Vol. 13. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
19. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Мотивация в действии или Деятельность как мотивация // Педагогика. 2024. № 12, Т. 88. С. 72-82.
20. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Деятельность как способ познания своей индивидуальности // Народное образование. 2025. № 6. С. 113-126.
21. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций: учебник для вузов. СПб.: Питер. 2024. 272 с.
22. Дахин А.Н., Ненашев М.Б. Психология выбора цели и что лежит в основе успешного выбора // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (1). С. 16-26.
23. Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English / Nursultan Ruslanovich Zhakupov, Ainur Seitkhanova, Alexander Dakhin // International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE). No. 2, Vol. 13. April 2024, P. 752-758, DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
24. Федак Е.И., Егоров А.А. Влияние упражнений армейской тактической стрельбы на психологическую готовность военнослужащих штурмовых групп // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 336-345.
25. Мошкин А.А., Сорокоумова С.Н. Опыт применения контекстного обучения в условиях профессиональной подготовки курсантов вузов Росгвардии // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2. С. 218-227.

26. Терёхина Е.Е. К вопросу о системах управления беспилотными воздушными судами / Е.Е. Терёхина // Молодой ученый. 2023. № 12 (459). С. 16-19. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/459/100988> (дата обращения: 26.08.2025).
27. Belaya E.I., Vasilyeva T.Yu. (2025). The technology of formation of the Russian civic identity through the national personosphere as an axiological resource. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2025 No. 3. P. 24-39. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.2>.
28. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Pushkarev Yu.V., Pushkareva I.Yu., Begalinova K.K., Pushkareva E.A. Assessment Future Evolution of Massive Open Online Courses (MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024; 32(1):144-162. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162>.
29. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of reward motivation on human declarative memory // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2016. Vol. 61. P. 156-176.
30. Дахин А.Н. Индивидуальность в цифровой среде / А.Н. Дахин // Педагогика. 2023. № 2, Т. 87. С.16-22.
31. Дахин А.Н. Педагогика больших языковых моделей // Педагогика. 2025. № 2, Т. 89. С. 5-16.
32. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Персонализированное машинное обучение // Педагогика. 2025. № 6, Т. 89. С. 49-60.

References

1. Alyokhin I.A., Avuza A.A., Davydov N.A. Implementation of Educational Information-Didactic Systems in the Educational Activities of Higher Educational Institutions // *Proceedings of the Russian Academy of Education*. 2021. No. 3 (55). P. 119-129.
2. Alyokhin I.A., Avuza A.A., Turkin E.V., et al. *Military Pedagogy. Textbook. Series 76 Higher Education*. (1st ed.). M., 2024. 414 p.
3. Vasiliev D.S., Turkin E.V., Mukhina T.G. Training Cadets of Military Universities for Tasks in Arctic Conditions // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 1. P. 247-260.
4. Tukhvatullin B.T., Mukhina T.G. *Military-Professional Training of Future Officers of the National Guard Troops of the Russian Federation: Monograph*. Novosibirsk: NVI, 2022.
5. Kosukhin V.V., Dyachkov A.A. The Relationship Between the Cadet Corps and the Military Institute as an Important Component of Forming the Social Maturity of a Future Officer // *Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*. 2022. No. 2 (19). P. 52-56. [Electronic resource]. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/06/009.pdf>. EDN: NMKUOA. (date of access: 26.08.2025).
6. Dakhin A.N., Yaroslavtseva N.V., Kolukhambekov A.S., Tsybulko A.A., Shirshov A.G. Cognitive Model in the Structure of Pedagogical Technology // *Perspectives of Science and Education. International Electronic Scientific Journal*. 2020. No. 3 (45). P. 65-76. DOI: 10.32744/pse.2020.3.5.
7. Merkulov S.V., Turkin E.V. Modeling the Process of Educating Readiness to Counteract Extremist Ideology among National Guard Servicemen // *Kant*. 2022. No. 1 (42). P. 271-277.
8. Lavrentyeva Z.I., Kalugina L.A. The Concept of Functional Literacy in Pedagogical Research // *Professional Education in Russia and Abroad*. 2024. No. 4 (56). P. 167-172.
9. Vygotsky L.S. *Psychology*. M.: EKSMO-Press, 2000. 1008 p. (Series "The World of Psychology").
10. Rubinstein S.L. *Foundations of General Psychology*. St. Petersburg: Piter, 2001. 702 p.
11. Zinchenko V.P. Is Overcoming the Postulate of Immediacy Necessary? // *Questions of Psychology*. 2009. No. 2. P. 3-20.

12. Belyakov A.A., Dakhin A.N., Levchenko D.V., Nigmatulin V.R., Kodoeva A.Ch., Tukhvatullin B.T., Yaroslavtseva N.V. Cognitive Learning Technology: Essence, Efficiency, and Effectiveness // *Perspectives of Science and Education*. 2020. No. 1 (43). P. 10-23. DOI: 10.32744/pse.2020.1.1
13. Suknyov D.A., Dakhin A.N., Evstifeev A.V. Theoretical Foundations of Psychological and Pedagogical Training of Servicemen for Service-Combat Tasks under Rapidly Changing Operational Conditions // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2024. No. 4. P. 360-370.
14. Ivanov V.V., Mukhina T.G. Pedagogical Technology for Developing Skills in Handling Weapons in the Context of Military-Patriotic Education // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 2. P. 181-196.
15. Merkulov S.V., Sorokoumova S.N. Emotional-Volitional Stability as a Fundamental Component of Future Officers' Readiness to Counteract the Influence of Extremist Ideology // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2024. No. 4 (22). P. 127-136.
16. Dakhin A.N., Pechurin A.I., Kolyvanov K.Yu., Berkus V.I. Formation of Universal Competencies in Cognitive Learning Technology // *School Technologies*. 2023. No. 2. P. 18-22.
17. Grinshkun V.V., Podufalov N.D., Savenkov A.I. On Building the Theoretical and Methodological Foundations for the Development of Educational Systems in the Context of the Transformational Processes of Modern Society // *Pedagogy*. 2025. Vol. 89. No. 7. P. 5-27.
18. Dakhin A.N., Zhakupov N.R., Seitkhanova A. Development of a Multilingual Online Course with Language Support for Teaching Physics in English // *International Journal of Evaluation and Research in Education*. 2024. No. 2, Vol. 13. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
19. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Motivation in Action or Activity as Motivation // *Pedagogy*. 2024. No. 12, Vol. 88. P. 72-82.
20. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Activity as a Way of Understanding One's Individuality // *National Education*. 2025. No. 6. P. 113-126.
21. Shoigu Yu.S. *Psychology of Extreme Situations. Textbook for Universities*. St. Petersburg: Piter, 2024. 272 p.
22. Dakhin A.N., Nenashev M.B. Psychology of Goal Selection and What Underlies Successful Choice // *Siberian Socio-Humanitarian Journal*. 2025. No. 1 (1). P. 16-26.
23. Dakhin A.N., Zhakupov N.R., Seitkhanova A. Development of a Multilingual Online Course with Language Support for Teaching Physics in English // *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*. No. 2, Vol. 13. April 2024. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.
24. Fedak E.I., Egorov A.A. The Impact of Army Tactical Shooting Exercises on the Psychological Readiness of Assault Group Servicemen // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 2. P. 336-345.
25. Moshkin A.A., Sorokoumova S.N. Experience in Using Contextual Learning in the Professional Training of Cadets of National Guard Universities // *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*. 2025. No. 2. P. 218-227.
26. Teryokhina E.E. On the Issue of Unmanned Aerial Vehicle Control Systems // *Young Scientist*. 2023. No. 12 (459). P. 16-19. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/459/100988> (date of access: 26.08.2025).
27. Belaya E.I., Vasilyeva T.Yu. The Technology of Forming Russian Civic Identity Through the National Personosphere as an Axiological Resource. *Perspectives of Science and Education*. 2025. No. (3). P. 24-39. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.3.2>.
28. Ashilova M.S., Begalinov A.S., Pushkarev Yu.V., Pushkareva I.Yu., Begalinova K.K., Pushkareva E.A. Assessment of the Future Evolution of Massive Open Online Courses

(MOOCs): SWOT Analysis (Global and Regional Measuring). Russian Journal of Regional Studies. 2024; 32 (1): 144-162. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.144-162>.

29. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of Reward Motivation on Human Declarative Memory // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2016. Vol. 61. P. 156-176.

30. Dakhin A.N. Individuality in the Digital Environment // Pedagogy. 2023. No. 2, Vol. 87. P. 16-22.

31. Dakhin A.N. Pedagogy of Large Language Models // Pedagogy. 2025. No. 2, Vol. 89. P. 5-16.

32. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Personalized Machine Learning // Pedagogy. 2025. No. 6, Vol. 89. P. 49-60.

Информация об авторе

Куцман Денис Александрович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Denis A. Kutsman, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 23.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 23.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 378.01

EDN: <https://elibrary.ru/GVAIHL>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Мельник Елена Олеговна¹

Иванов Евгений Вячеславович²

^{1, 2} Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

¹melnikzz@yandex.ru, ²evgeniy.ivanov@novsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы профилактики асоциального поведения обучающихся. Актуальность исследования обусловлена ростом числа проявлений девиантных и асоциальных форм поведения среди молодежи в условиях современных социальных и информационных вызовов. Представлено подробное определение асоциального поведения, выделены его основные виды: девиантное, делинквентное, криминальное, суицидальное, буллинг и другие. Проанализированы ключевые теоретические подходы к профилактике асоциального поведения: педагогический, психолого-педагогический, правовой, социально-организационный и методологический (деятельностный, аксиологический, личностно-ориентированный и др.). Особое внимание уделяется необходимости комплексного, междисциплинарного и системного характера профилактической работы в образовательной среде. Описаны современные рекомендации для образовательных организаций, направленные на создание безопасной и поддерживающей среды, развитие просоциальных ценностей и профилактику негативных явлений среди обучающихся. Сделан вывод о значимости интеграции различных методов и ресурсов для повышения эффективности профилактики асоциального поведения.

Ключевые слова: асоциальное поведение, профилактика, обучающиеся, девиантность, делинквентность, педагогические подходы, образовательная среда, междисциплинарность, ценности, психолого-педагогическая поддержка.

Для цитирования: Мельник Е.О., Иванов Е.В. Теоретические основы профилактики асоциального поведения обучающихся: понятие, виды и современные подходы // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 47-55.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF PREVENTING ASOCIAL BEHAVIOR AMONG STUDENTS: CONCEPT, TYPES, AND MODERN APPROACHES

Elena O. Melnik¹, Evgeniy V. Ivanov²

^{1, 2} Yaroslav the wise Novgorod state university, Veliky Novgorod, Russia

¹melnikzz@yandex.ru, ²evgeniy.ivanov@novsu.ru

Abstract. The article examines the theoretical foundations of the prevention of antisocial behavior among students. The relevance of the study is due to the increasing incidence of deviant and antisocial forms of behavior among young people in the context of modern social and informational challenges. The paper provides a detailed definition of antisocial behavior and identifies its main types: deviant, delinquent, criminal, suicidal, bullying, and others. The main

theoretical approaches to the prevention of antisocial behavior are analyzed, including pedagogical, psychological-pedagogical, legal, socio-organizational, and methodological (activity-based, axiological, personality-oriented, etc.) approaches. Particular attention is paid to the need for a comprehensive, interdisciplinary, and systematic nature of preventive work in the educational environment. The article describes modern recommendations for educational organizations aimed at creating a safe and supportive environment, developing prosocial values, and preventing negative phenomena among students. The conclusion emphasizes the importance of integrating various methods and resources to improve the effectiveness of antisocial behavior prevention.

Keywords: antisocial behavior, prevention, students, deviance, delinquency, pedagogical approaches, educational environment, interdisciplinarity, values, psychological and pedagogical support.

For citation: Melnik E.O., Ivanov E.V. Theoretical foundations of preventing asocial behavior among students: concept, types, and modern approaches // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 47-55.

Введение

Актуальность профилактики асоциального поведения среди учащихся не вызывает сомнений: в современных условиях (социальная нестабильность, усиленный информационный фон, военные реалии) возрастает риск девиантных форм активности подростков. Асоциальное (антиобщественное) поведение – это преднамеренная деструктивная активность личности, направленная на нарушение сложившейся системы социальных норм и принципов. Подросток, проявляющий такое поведение, сознательно нарушает морально-правовые правила, зачастую не испытывая чувства вины за свои поступки. Специалисты отмечают, что сегодня фиксируется широкий перечень биологических и социально-психологических факторов риска асоциального поведения: от индивидуальных особенностей нервной системы до нестабильной социально-экономической ситуации, искажения ценностных ориентиров, негативного влияния СМИ и проблем семейного воспитания. Это подчеркивает необходимость комплексной системной профилактики, интегрирующей усилия педагогов, психологов, родителей и государственных структур.

Понятие и виды асоциального поведения обучающихся

Определение. Как справедливо отмечает З.К. Давлетбаева, под асоциальным поведе-

нием мы понимаем «субъектно-деструктивную активность человека, направленную на удовлетворение потребностей посредством социально неприемлемых форм поведения», характеризующуюся «преднамеренным и осознанно-умышленным характером» и выражающуюся в «различных социальных отклонениях» – от нарушения норм морали до тяжких преступлений. Иными словами, асоциальное поведение – это сознательное противодействие общественным правилам с прямым или косвенным вредом для других. В отечественной литературе термины «асоциальное» и «антисоциальное» поведение зачастую используются как синонимы [1, с. 3846].

Классификация и виды. Асоциальное поведение включает широкий спектр форм. По З.К. Давлетбаевой, в его состав входят агрессивные, аморальные (девиантные), делинквентные и криминальные направления. Соответственно, к асоциальному поведению относятся умышленные агрессивные акты (избиения, угрозы, травля и т.д.), аморальные деяния (обман, воровство и проч.), административно-правонарушительные действия и преступления. Помимо этого, к асоциальным проявлениям причисляют аддиктивные поведения (наркомания, алкоголизм), суицидальное поведение и буллинг [11, с. 4]. Примеры: подростковая драка (агрессия), групповое воровство (амо-

ральное), вовлечение в наркокультуру (аддикция), попытка суицида, травля сверстника в школе (буллинг). На практике чаще всего наблюдаются сочетания форм: например, агрессия в сочетании с аддикцией или мелкими преступлениями [1, с. 3849].

Таким образом, асоциальное поведение подростков характеризуется нарушением социализации и дефицитом просоциальных ценностей, что проявляется в широком спектре негативных действий (агрессия, асоциальные привычки, противоправные деяния). Признаками таких нарушений считаются сознательность, вредность для окружения, аморальность и системность поведения.

Теоретические подходы к профилактике асоциального поведения

Профилактика асоциального поведения – это система научно-обоснованных мер, нацеленных на предупреждение его возникновения и развития. Подходы к ней могут быть рассмотрены в разных плоскостях:

- Педагогические теории. Фундаментальным является комплексный и системный подход: воспитательная работа строится с учётом социальной среды (семьи, школы, общества) и индивидуальных особенностей учащегося. Теоретически здесь опираются на идеи классиков педагогики (Л. Толстой, К.Д. Ушинский) о нравственном воспитании и современных «деятельностных» моделей [15, с. 77].

- Системный подход рассматривает школьную семью, коллектив и внешнюю среду как единую систему, где дисфункции в одном компоненте (например, семейных отношениях) приводят к отклонениям в поведении школьника. Макарова и соавторы подчёркивают: различные отклоняющиеся поведения подростков (наркомания, алкоголизм, воровство и др.) часто имеют общие факторы риска, что позволяет разработать универсальные первичные профилактические меры на этапе предболезни [2, с. 942]. Важен аксиологический подход – ориентация на формирование ценностных ориентаций личности. А.Г. Зяблова подчёркивает,

что построение программы профилактики асоциального поведения на основе аксиологических принципов предполагает выработку у подростков устойчивой системы просоциальных ценностных установок, что снижает желание «идти против системы» [8, с. 76]. Воспитательная цель таких программ – укрепить в школьниках идеалы честности, ответственности, дружбы и т.д.

- Психолого-педагогические теории. Эти подходы фокусируются на индивидуальной психике и социально-психологических механизмах. Например, личностно-ориентированный подход предполагает учёт уникальных черт, мотивов и потребностей каждого ребёнка. Согласно моделям превенции, внимание к личности ученика – ключевой фактор: знание характера, темперамента, жизненных планов позволяет объяснить его поведение и выстроить «ключи» для коррекции. Именно поэтому психологи-педагоги стремятся создать условия, в которых ребёнок чувствует себя значимым: поддерживают самостоятельность, развивают саморефлексию, повышают мотивацию [3, с. 87]. Деятельностный подход (основанный на идеях Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева) делает акцент на организованной активности учащихся. По З.К. Давлетбаевой, деятельность как воспитательное средство помогает формировать и развивать субъектность школьника, позволяя ему направить излишек энергии в творческое русло, а не в асоциальные действия. Это выражается в вовлечении детей в кружки, спортивные секции, социальные проекты. В совместной деятельности взрослых и детей вырабатываются общие ценности и нормы: «педагог не передаёт готовые образцы нравственной культуры, а создаёт их вместе с детьми». Такая активная методика способствует росту самооценки ребёнка, развитию навыков самоконтроля и ответственности [13, с. 110].

- Правовые подходы. Юридическая составляющая профилактики опирается на законы и нормативные документы, регламентирующие ответственность несовершенно-

летних. В школах внедряются просветительские программы по правовым знаниям и последствиям правонарушений. На уровне государства действуют концепции и законы (например, Федеральная концепция профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних), задающие общую стратегию. Правовой (охранительный) компонент проявляется и при непосредственном участии полиции и инспекции по делам несовершеннолетних: проводятся лекции о вреде преступлений и наркомании, разъясняются юридические последствия девиантных поступков [14, с. 109]. Однако одних запретов мало: эффективность проявляется лишь при сочетании правового воспитания с социально-педагогической работой.

- Социально-организационные теории. Включают социально-психологические, социологические и организационные меры. Важен социальный картографический подход – анализ факторов окружения: выяснение, в каких классах или районах больше рискованных подростков, и целенаправленная работа там. Создаются комплексы социального сопровождения: участие психологов, соцработников и психологических служб (ТПМПК, РПЦ) в выявлении «групп риска». Организуются профилактические мероприятия (беседы, тренинги, культурно-досуговые проекты) с вовлечением родителей и общественности. На региональном уровне формируют советы профилактики (в составе администрации школы, правоохранительных органов, родителей) для координации мер [10, с. 95]. Такой межведомственный подход считается обязательным: накопленный теоретический и практический материал часто остаётся «узко дисциплинарным» (медицинским, психологическим, юридическим и т.д.), что затрудняет действенную профилактику. Объединяя усилия разных специалистов, можно создавать комплексные стратегии, учитывающие все детерминанты поведения подростков [4, с. 57].

- Методологические подходы. В современной практике превентивной работы вы-

деляются: комплексный (единая стратегия с учётом всех факторов), системный (работа с личностью в контексте семьи, школы, общества), личностно-ориентированный, деятельностный, аксиологический и др. З.К. Давлетбаева в своей модели превенции объединяет превентивный, личностно-ориентированный, событийный и деятельностный подходы. Так, превентивный подход основан на антиципации – умении предвидеть и предотвращать нежелательные сценарии: педагоги изучают индивидуальные особенности детей и выстраивают воспитательный процесс с опережающей коррекцией. Это означает, что воспитатель действует, исходя из прогноза развития ситуации, а не только реагирует на уже проявившееся девиантное поведение [8, с. 77]. Важный принцип – диагностика и коррекция, когда полная психодиагностика служит основой для своевременной помощи. Личностно-ориентированный метод позволяет учитывать внутренние установки ученика и соотносить их с критериями поведения. Деятельностный подход организует совместную деятельность взрослых и детей по выработке общих целей, тем самым стимулируя у подростков внутреннюю мотивацию к позитивному поведению [7, с. 675].

В международной и российской практике сложился консенсус о том, что только сочетание разных методов даёт результат. Различные теории профилактики (от социальных проектов до программ психокоррекции) дополняют друг друга.

Мировой и российский опыт профилактики

Опыт показывает, что в разных странах превенция асоциального поведения строится на схожих принципах: ранняя диагностика, психолого-педагогическая поддержка, пропаганда здорового образа жизни, правовое просвещение. Во многих школах мира (особенно в зонах конфликта или в сельской глубинке) действует программа социальных наставников и дополнительного образования, направленная на включение подростков в позитивную среду.

В российских военно-образовательных учреждениях (кадетских классах, суворовцах) практикуется военно-патриотическое воспитание как средство профилактики. Например, в школе создан военный патриотический клуб, где дети учатся дисциплине, истории и получают физическую подготовку – это позволяет «детям и подросткам почувствовать, что они нужны и полезны обществу», что является профилактикой девиантности (см. практический опыт педагогов) [4, с. 56]. В кадетских корпусах уделяют внимание сохранению здоровья и адаптации подростков: организуются анкетирования, спортивные секции, психологическое сопровождение – всё это снижает стресс адаптации к новым требованиям и тем самым уменьшает риск девиантного поведения. Обобщая мировой и российский опыт, можно сказать: эффективность профилактики асоциального поведения зависит от создания в образовательной среде благоприятного ценностно-смыслового поля, системной работы психологической службы и взаимодействия с внешними инстанциями [9, с. 59].

Рекомендации для образовательных организаций

На основе теории и практики можно сформулировать следующие практические шаги профилактики:

- Ранняя диагностика и мониторинг. Регулярно выявлять детей «группы риска»: проводить опросы, анкетирования, наблюдать за учащимися с трудностями обучения и поведением. Вовлекать школьного психолога и социального педагога для психологического обследования и разработки индивидуальных программ поддержки.

- Создание безопасной и поддерживающей среды. Формировать в классах и школе атмосферу доверия и взаимоуважения. Проводить уроки и внеклассные мероприятия на темы здорового образа жизни, гражданской позиции и этики [6, с. 305]. Организовать группы поддержки и тренинги по управлению гневом, стрессом, разрешению конфликтов. Обеспечивать детям возмож-

ности для творчества, спорта, общественных дел (кружки, волонтерские проекты), давая им альтернативу асоциальным занятиям.

- Системность и междисциплинарность. Профилактика должна быть непрерывной и объединять усилия учителей, психологов, классных руководителей, администрации школы, социальных служб и правоохранителей. Как отмечено в официальных методических рекомендациях, необходимо задействовать в работе с подростками не только школьный персонал, но и родителей, органы опеки и мэрию. Для каждой социальной проблемы (насилие, суицид, буллинг, аддикции) разрабатываются тематические мероприятия и программы (например, «Навигатор профилактики»), и координация усилий осуществляется через советы профилактики.

- Роль педагогов и специалистов. Каждый участник системы играет важную роль. Классный руководитель – наставник класса: организует воспитательную работу, отслеживает психоэмоциональное состояние учеников, взаимодействует с родителями. Учитель-предметник – ответственный за удержание интереса к учёбе и созданию позитивной мотивирующей обстановки на уроках [5, с. 1125]. Школьный психолог помогает в выявлении проблем, проводит тренинги и консультации для детей и учителей. Социальный педагог и куратор (советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями) налаживают связи с внешними службами и организуют социальные проекты, информируют родителей о профилактике. Важно, чтобы все специалисты регулярно повышали квалификацию в области превентивной работы и могли применять современные методики (медиация, арт-терапия, групповые тренинги) [12, с. 209].

- Работа с родителями. Профилактика асоциального поведения невозможна без вовлечения семьи. Методические рекомендации содержат разделы по взаимодействию с

родителями. Школа должна проводить семейные консультации, родительские собрания, совместные просветительские мероприятия (лекции по безопасности, правовым последствиям, здоровью). Формирование родительских компетенций и доверительных отношений дома – залог того, что подросток получит поддержку и ограничение в нужные моменты.

Таким образом, профилактика асоциального поведения в образовательном учреждении должна быть системной и междисциплинарной: она включает образовательные программы, воспитательные практики, психологическое сопровождение и социальную поддержку. Долгосрочность и комплексность мероприятий обеспечат формирование у учащихся устойчивых навыков социальной адаптации и ценностей, препятствующих девиантности.

Заключение

Анализ теоретических источников и практик профилактики показывает, что комплексный подход, объединяющий педагогические, психологические, правовые и социальные методы, наиболее перспективен. В качестве итогового вывода можно отметить: эффективная профилактика асоциального поведения школьников требует реализации превентивных программ, ориентированных на формирование у детей просоциальных ценностей и навыков позитивного взаимодействия. Ожидаемый эффект – снижение числа правонарушений и конфликтов среди обучающихся, улучшение психологического климата в классах и повышение уровня социальной адаптации детей. Актуальность таких мер для практики очевидна: они способствуют благоприятному развитию молодого поколения и безопасности образовательной среды.

Список источников

1. Давлетбаева З.К. Теоретические подходы к превенции асоциального поведения учащихся общеобразовательных учреждений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3846-3850. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-koncept.ru/2014/55034.htm> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Макарова Л.П., Матусевич М.С., Бахтин Ю.К., Соловьёв А.В. О необходимости системного подхода к профилактике социальных отклонений у подростков и молодёжи // Молодой учёный. 2014. №3 (62). С. 941-943. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9265> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Зяблова А.Г. Структура и содержание программы профилактики асоциального поведения несовершеннолетних на основе аксиологического подхода // Полицейская деятельность. 2025. № 2.
4. Фадеева С.А. Система профилактики асоциального поведения обучающихся в основной школе: регламенты, модели, результаты // Ведомости УИС. 2023. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-profilaktiki-asotsialnogo-povedeniya-obuchayuschih-sya-v-osnovnoy-shkole-reglamenty-modeli-rezultaty> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Данова Н.Ю. Профилактика асоциального поведения молодёжи: социально-педагогическая деятельность // Вестник ТГУ. 2023. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-asotsialnogo-povedeniya-molodezhi-sotsialno-pedagogicheskaya-deyatelnost> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Бура Л.В. Комплекс воспитательно-профилактических мероприятий предупреждения асоциального поведения обучающихся старшего школьного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleks-vospitatelno-profilakticheskikh-meropriyatij-preduprezhdeniya-asotsialnogo-povedeniya-obuchayuschih-sya-starshego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 20.10.2025).

7. Якимова Е.А., Волков В.Е., Томнов И.В. Профилактика асоциального поведения подростков в процессе секционных занятий спортом // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-asotsialnogo-povedeniya-podrostkov-v-protssesse-sektsionnyh-zanyatiy-sportom> (дата обращения: 20.10.2025).

8. Зяблова А.Г. Структура и содержание программы профилактики асоциального поведения несовершеннолетних на основе аксиологического подхода // Полицейская деятельность. 2025. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-soderzhanie-programmy-profilaktiki-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnih-na-osnove-aksiologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 20.10.2025).

9. Бурсакова М.С. Педагогические проблемы развития асоциального поведения подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-problemy-razvitiya-asotsialnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 20.10.2025).

10. Садовникова Ж.В. Система работы школы по профилактике деструктивного поведения учащихся // Наука и школа. 2024. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-raboty-shkoly-po-profilaktike-destruktivnogo-povedeniya-uchaschihsya> (дата обращения: 20.10.2025).

11. Садовникова Ж.В. Ресурсы общеобразовательной школы в профилактике деструктивного поведения подростков // Известия ВГПУ. 2024. № 10 (193). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursy-obscheobrazovatelnoy-shkoly-v-profilaktike-destruktivnogo-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 20.10.2025).

12. Левченко Н.В., Терентьева Н.Ю. Подготовка будущих педагогов к работе по профилактике асоциального поведения учащихся образовательных организаций // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-buduschih-pedagogov-k-rabote-po-profilaktike-asotsialnogo-povedeniya-uchaschihsya-obrazovatelnyh-organizatsiy> (дата обращения: 20.10.2025).

13. Чухин С.Г., Чухина Е.В. Профилактика деструктивного поведения обучающихся в условиях системного формирования российской гражданской идентичности школьников // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. № 1 (76). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-destruktivnogo-povedeniya-obuchayuschihsva-v-usloviyah-sistemnogo-formirovaniya-rossiyskoy-grazhdanskoy-identichnosti> (дата обращения: 20.10.2025).

14. Зяблова А.Г. Структура и содержание программы профилактики асоциального поведения несовершеннолетних на основе аксиологического подхода // Полицейская деятельность. 2025. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-soderzhanie-programmy-profilaktiki-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnih-na-osnove-aksiologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 20.10.2025).

15. Книжникова С.В. Профилактика девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы: затруднения и ошибки // Российский девиантологический журнал. 2023. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-deviantnogo-povedeniya-v-usloviyah-obscheobrazovatelnoy-shkoly-zatrudneniya-i-oshibki> (дата обращения: 20.10.2025).

References

1. Davletbaeva Z.K. Theoretical Approaches to the Prevention of Asocial Behavior among Students in General Education Institutions // Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2014. Vol. 20. P. 3846-3850. [Electronic resource]. URL: <https://e-koncept.ru/2014/55034.htm> (date of access: 20.10.2025).
2. Makarova L.P., Matusевич M.S., Bakhtin Yu.K., Solovyov A.V. On the Need for a Systematic Approach to the Prevention of Social Deviations in Adolescents and Young Adults // Young Scientist. 2014. No. P. 941-943. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9265> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Zyablova A.G. Structure and Content of the Program of Prevention of Asocial Behavior of Minors on the Basis of the Axiological Approach // Police Activity. 2025. No. 2.
4. Fadeeva S.A. The system of prevention of antisocial behavior among students in secondary schools: regulations, models, and results // Vedomosti UIS. 2023. No. 11. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-profilaktiki-asotsialnogo-povedeniya-obuchayu-sc-hihnya-v-osnovnoy-shkole-reglamenty-modeli-rezultaty> (date of access: 20.10.2025).
5. Danova N.Yu. Prevention of antisocial behavior of youth: social and pedagogical activity // Bulletin of TSU. 2023. No. 5. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-asotsialnogo-povedeniya-molodezhi-sotsialno-pedagogicheskaya-deya-tel-nost> (date of access: 20.10.2025).
6. Bura L.V. Complex of educational and preventive measures prevention of antisocial behavior of students of senior school age // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 78-1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleks-vospitatelno-profilakticheskikh-meropriyatiy-preduprezhdeniya-asotsialnogo-povedeniya-obuchayuschihnya-starshego-shkolnogo> (date of access: 20.10.2025).
7. Yakimova E.A., Volkov V.E., Tomnov I.V. Prevention of asocial behavior of teenagers during sectional sports // Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. No. 81-2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-asotsialnogo-povedeniya-podrostkov-v-protse-ssesie-sektsionnyh-zanyatiy-sportom> (date of access: 20.10.2025).
8. Zyablova A.G. Structure and Content of the Program for the Prevention of Asocial Behavior among Minors Based on the Axiological Approach // Police Activities. 2025. No. 2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-soderzhanie-programmy-profilaktiki-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnih-na-osnove-aksiologicheskogo-podkhoda> (date of access: 20.10.2025).
9. Bursakova M.S. Pedagogical problems of the development of asocial behavior in adolescents // Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. No. 80-4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-problemy-razvitiya-asotsialnogo-povedeniya-podrostkov> (date of access: 20.10.2025).
10. Sadovnikova Z.V. School's system of working to prevent destructive behavior of students // Science and School. 2024. No. 3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-raboty-shkoly-po-profilaktike-destruktivnogo-povedeniya-uchaschihsya> (date of access: 20.10.2025).
11. Sadovnikova Z.V. Resources of secondary schools in the prevention of destructive behavior of adolescents // Izvestiya VGPU. 2024. № 10 (193). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursy-obsheobrazovatelnoy-shkoly-v-profilaktike-destruktivnogo-povedeniya-podrostkov> (date of access: 20.10.2025).
12. Levchenko N.V., Terentyeva N.Yu. Preparation of future teachers to work on the prevention of antisocial behavior of students in educational organizations // Problems modern pedagogical education. 2021. No. 71-1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/podgotovka-buduschih-pedagogov-k-rabote-po-profilaktike-asotsialnogo-povedeniya-uchaschihsya-obrazovatelnyh-organizatsiy (date of access: 20.10.2025).

13. Chukhin S.G., Chukhina E.V. Prevention of destructive behavior of students in the conditions of systemic formation of russian civil identity of schoolchildren // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2024. No. 1 (76). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-destruktivnogo-povedeniya-obuchayuschihsya-v-usloviyah-sistemnogo-formirovaniya-rossiyskoy-grazhdanskoy-identichnosti> (date of access: 20.10.2025).

14. Zyablova A.G. The structure and content of the program for the prevention of antisocial behavior of minors based on an axiological approach // Policing. 2025. No. 2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-soderzhanie-programmy-profilaktiki-asotsialnogo-povedeniya-nesovershennoletnih-na-osnove-aksiologicheskogo-podkhoda> (date of access: 20.10.2025).

15. Knizhnikova S.V. Prevention of deviant behavior in secondary schools: difficulties and mistakes // Russian Deviantological Journal. 2023. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-deviantnogo-povedeniya-v-usloviyah-obscheobrazovatelnoy-shkoly-zatrudneniya-i-oshibki> (date of access: 20.10.2025).

Информация об авторах

Мельник Елена Олеговна, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Новгородская область, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41).

Иванов Евгений Вячеславович, доктор педагогических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Новгородская область, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41).

Information about the authors

Elena O. Melnik, Yaroslav the wise Novgorod state university (173003, Novgorod Region, Veliky Novgorod, ul. Bolshaya Sankt-Peterburgskaya, 41).

Evgeniy V. Ivanov, doctor of pedagogical sciences, professor, Yaroslav the wise Novgorod state university (173003, Novgorod Region, Veliky Novgorod, ul. Bolshaya Sankt-Peterburgskaya, 41).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 316.31.4+159.97+159.923

EDN: <https://elibrary.ru/JMYVTP>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА

Оспенников Сергей Валентинович

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Ospennikov@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются содержательные характеристики исторической памяти и приводится мнение, что историческая память сохраняется и передается в культурно-исторической форме, реализуемой в процессе общественного взаимодействия, что определяет ее роль как культурного образующего фактора российского общества. Анализируются причины пробелов социокультурного развития личности на основе ценностей, исторически сложившихся в современном российском обществе. Выражается мнение, что в долгосрочной перспективе проблема функционирования исторической памяти в индивидуальном и общественном сознании имеет риск ее обострения, что требует культурно-исторической интеграции общества в целях противодействия угрозам ее функционирования.

Ключевые слова: историческая память, общество, культурное пространство, личность, ментальная война.

Для цитирования: Оспенников С.В. Историческая память в культурном пространстве общества // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 56-60.

HISTORICAL MEMORY IN THE CULTURAL SPACE OF SOCIETY

Sergey V. Ospennikov

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Ospennikov@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the substantive characteristics of historical memory and presents the opinion that historical memory is preserved and transmitted in a cultural and historical form, realized in the process of social interaction, which determines its role as a cultural forming factor of Russian society. The reasons for the gaps in the socio-cultural development of the individual are analyzed based on the values that have historically developed in modern Russian society. The opinion is expressed that in the long term, the problem of the functioning of historical memory in individual and public consciousness has the risk of its aggravation, which requires cultural and historical integration of society in order to counteract threats to its functioning.

Keywords: historical memory, society, cultural space, personality, mental war.

For citation: Ospennikov S.V. Historical memory in the cultural space of society // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 56-60.

Проблема сохранения исторической памяти, ее защиты от посягательств различного рода сложна и требует поиска ответов на отдельные частные вопросы ее функциони-

рования. Мы обнаруживаем, что тенденция угасания исторической памяти с каждым новым поколением характеризуется еще более глубоким разрывом в понимании индивидом своей исторической принадлежности к Родине. В этом заключается главная идея исторической памяти, в которой принадлежность человека к своей стране, ее истории и культуре является личной живой памятью, основанной на соотношении своей жизни с социокультурным опытом общества и ангажированной в будущее (принцип историзма). Историческая память – это не застывшее в своей материальной и событийной неподвижности прошлое, а пластичное и развивающееся в деятельности человека психическое свойство памяти, определяющее ценностно-смысловые и мировоззренческие установки его личности. С.Л. Братченко говорит о том, что культура – это не образцы, а способы действий с ними, и обучение – это передача культуры в виде деятельности. На этой основе человек становится способен сделать что-то сам, передавать культурное во внешний мир [2].

Таким образом, существует не память, а субъект, который хранит воспоминания (В. Дильтей). Все, что он помнит и с чем связаны надежды на будущее – это представления, которые «существуют только здесь, в настоящем живущего человека» [3, с. 11].

Многие исследователи вопросов исторической памяти полагают, что ее временные рамки распространяются на передачу памяти о событиях исторического прошлого от поколения к поколению, и то в ближайшей ретроспективе, что справедливо только частично. Вследствие ограниченности времени жизни человека мы можем перенимать сведения от не более чем двух поколений предшественников – это наши родители и деды. Так формируется автобиографическая память человека, которая позволяет ему помнить в ретроспективе дальше, расширяя временные рамки его жизни. Там же, где люди лишены этой возможности, историческая память не заканчивается, им приходит-

ся обращаться к документальному и материальному содержанию их истории, которая неразрывно связана с культурой и зафиксирована летописями, запечатлена в произведениях литературы, живописи (иконописи), архитектуре, музыке, народном фольклоре, традициях, и других материальных свидетельствах времени. Таким образом, историческая память в одной социокультурной среде обеспечивает возможность преодолевать пространственные и временные дистанции, сохранять ценностные ориентиры.

По мнению Н.Я. Большуновой, утрата или искажение автобиографической памяти, в которую вплетена история, ведет к формированию маргинальной личности: человека без культуры, без Родины, без семьи, без родного языка [1]. Присваивая собственную культуру самим себе, люди сохраняют историческую память о своем прошлом и могут ответить на вопрос «Кто мы, куда и зачем мы идем?», передать картину своего мирозерцания новым поколениям сограждан. Культура – это зеркало, которое держат перед нами предки, чтобы мы могли разглядеть себя.

В этом неоспоримо прослеживается культурно-историческая теория развития, обоснованная Л.С. Выготским [4]. Роль самой памяти, как психического процесса, также является ведущей, поскольку человек, просыпаясь в каждый новый день, не оказывается отчужден от самого себя, а помнит, кто он и все, что с ним связано, даже если не вспоминает все и сразу – в этом заключается переход памяти в индивидуальное сознание личности.

Важный вывод касается и условий развития исторической памяти, главное из которых – культурное взаимодействие в обществе. И если говорить о культуре не отдельного индивида, а общества в целом, то данная связь между разными людьми является теми узами, которые соединяют их в народ. То, как мы ощущаем себя единой общностью – это наш социокультурный код, сохраняемый и делящийся во времени не как исторический факт, а как его чувственное

переживание. Однако отпечаток социокультурного кода бледнеет по уровню снижения нашей личной ментальной культуры (по уровню наших душ), не обладая которой человек не сможет передать культурный код в сознание молодежи и юношества, а, с другой стороны, – историческая память является объектом воздействия в рамках ведения ментальной войны против населения Российской Федерации, в которой наиболее уязвима та же молодежь, не склонная обращаться к книгам.

Так, в мае 2025 года студентам 14 вузов Новосибирска был задан вопрос – кто из героев Великой Отечественной войны изображен на фотографии? Из 90 человек только 48 узнали Алексея Маресьева. Михаила Егорова, водружавшего знамя Победы над Рейхстагом, узнали 4 человека, более уверенно узнавали Зою Космодемьянскую, а всех вместе правильно назвали только 2 человека. 40 из 90 человек в Алексее Маресьеве «узнали» Александра Покрышкина и Ивана Кожедуба, а 5 из 90 человек вообще никого не узнали.

К собственному незнанию добавляется и сознательное искажение исторической правды. Вопреки сложившейся в СССР практике, когда учебники по истории разрабатывались научной группой, в современной России где ученикам узнать правду, кроме учебников, поскольку другой правды они не знают? Поскольку в современной России авторство может принадлежать одному ученому, чье субъективное мнение неизбежно теряет в своей чистоте и правдивости настолько, насколько оно субъективно и не основано на достоверных источниках.

Вместе с тем, благоприятной средой исчезновения исторической памяти являются образовавшиеся в социокультурном самознании индивида пустоты (культурное беспомыслие), которые заполняются чуждым содержанием. Поэтому наиболее эффективной мерой сохранения исторической памяти является ассимиляция и аккомодация индивидуальным и коллективным сознанием

культуры и ценностей, исторически сложившихся в российском обществе. Их следует сделать своими, личностными, придать им значение ведущего жизненного мотива, «что делает возможным автономное стратегическое планирование и воплощение многоэтапной деятельности, направленной на отдаленную в будущее цель, вопреки ситуативным факторам» [6, с. 90]. И в этом процессе должны быть задействованы все социальные и духовные кластеры общества: семья, школа, высшие образовательные организации и непосредственно социум. Тогда психика индивида (решето, процеживающее мир) будет «отсекать» все, что не соответствует ее ведущим мотивам жизни, а историческая память будет под надежной защитой от угроз, среди которых О.С. Дейнека рассматривает политическую неолиберальную конъюнктуру, направленную на дискредитацию государства, разрушение культурно-исторической солидарности народов России путем формирования негативного образа исторического прошлого нашей страны, привития молодому поколению комплекса национальной неполноценности и страха утраты индивидуального суверенитета, поскольку все коллективное противоречит установке на индивидуализм [5]. Но рассматривать эти угрозы следует с оговоркой в том, что их интериоризация может произойти только в сознании личности с неразвитыми мировоззренческими установками, которой не на чем устоять.

Данные неолиберальные фобии искажают и внешний план исторической памяти: сносятся кладбища и памятники советским воинам, освобождавшим страны Восточной Европы; ставится под сомнение правдивость исторических событий и фактов (исторический ревизионизм), насаждается русофобия (Украина, Прибалтика и др.).

Следовательно, правдивость истории становится важным условием исторической памяти, в которой должны оставаться не только позитивные события – ошибки и достижения не могут быть отделены друг от друга. Возможно поэтому в Китае отказались

развенчать культ личности Мао Дзэдуна, что увидели в этом опасность предать память поколений, которые десятилетия строили свою страну. Это убеждает в том, что противоестественно поменять память на ее полезную часть так же, как нельзя поменять свою мать на другую, которая будет лучше о тебе заботиться, или родиться и прожить жизнь в другой стране, воспоминания о которой будут только приятными. «Ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь бы другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую нам Бог послал», – писал А.С. Пушкин в письме к П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.

Неприятные воспоминания являются тягостными и нежелательными, по этой причине их стараются забыть, уйти от реальности в свою пользу, и, например, в современной Германии вообще принято избегать разговоров о преступлениях третьего Рейха. Однако забывание прошлого влечет за со-

бой дурную повторяемость ошибок, из которых не извлекается смысл. Согрешить и раскаяться – такой подход удобен и освобождает от ответственности. Поэтому не может быть исторической памяти в рафинированном виде – принимать и помнить следует все, для этого не нужно зубрить даты, нужно делать выводы.

Таким образом, культурно-историческая форма сохранения исторической памяти в ее ценностно-смысловом и эмоциональном восприятии является опорой мировоззренческого центра личности, наполняет сферу духовных и интеллектуальных потребностей личности и общества в целом, отвечает стратегическим задачам обеспечения ментального суверенитета государства. Эти задачи растянуты во времени и не получится увидеть, когда и какие усилия принесут пользу, но по истечении времени результат будет заметен и станет признаком функционирования исторической памяти в обществе.

Список источников

1. Большунова Н.Я., Кононова Т.А. Историческая память как основа личности // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. ст. XIII Межвузовской науч.-практич. конференции с международным участием: в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. В.В. Косухина. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. С. 14-21.
2. Братченко С.Л. Курс лекций по психологии личности. «Экзистенциальная психология глубинного общения». [Электронный ресурс]. URL: <https://rideo.tv/video/50272/> (дата обращения: 12.08.2025).
3. Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 5-18.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Дейнека О.С. Деформация исторической памяти как инструмент манипуляций Запада в геополитике. Профессиональное интернет издание «Психологическая газета». [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-32346082_456239603 (дата обращения: 12.08.2025).
6. Нуркова В.В. Автобиографическая память / В.В. Нуркова // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. № 1.

References

1. Bolshunova N.Ya., Kononova T.A. Historical Memory as the Basis of Personality // Directions and Prospects for the Development of Education in Military Institutes of the National

Guard Troops of the Russian Federation: collection of Scientific Articles of the XIII Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation: in 2 Parts. Part 2 / edited by V. V. Kosukhin. Novosibirsk: Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovleva of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2021, pp. 14-21.

2. Bratchenko S.L. Course of lectures on personality psychology. "Existential psychology of deep communication". [Electronic resource]. URL: <https://rideo.tv/video/50272/> (date of access: 12.08.2025).

3. Buller A., Linchenko A.A. Cultural Memory as a Subject of Philosophical Reflection // Dialogue with Time. 2019. Issue 66. Pp. 5-18.

4. Vygotsky L.S. Thinking and speech / L.S. Vygotsky // Psychology of human development. Moscow: Smysl Publishing House; Eksmo Publishing House, 2005. 1136 p.

5. Deineka O.S. Deformation of historical memory as a tool of Western manipulation in geopolitics. Professional online publication "Psychological Newspaper". [Electronic resource]. URL: https://vk.com/video-32346082_456239603 (accessed: 12.08.2025).

6. Nurkova V.V. Autobiographical Memory / V.V. Nurkova // Scientific and Educational Portal "Great Russian Encyclopedia". 2023. No. 1.

Информация об авторе

Оспенников Сергей Валентинович, кандидат психологических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Sergey V. Ospennikov, candidate of philological sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 316.6

EDN: <https://elibrary.ru/MCTEPH>

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАТРИОТИЗМА: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Помуран Наталья Николаевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

pomnatnik@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала этнопсихологических ресурсов, а именно традиционных ценностей патриотизма, зафиксированных в прецедентных текстах (русских народных пословицах), для формирования патриотизма и гражданской идентичности у современной молодежи. Автор выдвигает гипотезу о связи между распространенностью патриотических пословиц в языке (частотой в Национальном корпусе русского языка) и их способностью служить основой для воспитания. В исследовании использован метод незаконченных предложений, позволивший выявить, насколько респонденты знакомы с традиционными формулами и их смыслами. Результаты показали, что эффективными ресурсами являются пословицы с высокой частотой употребления и семантической прозрачностью для молодежи. Делается вывод о том, что прецедентные тексты, отвечающие этим критериям, могут стать основой для формирования патриотических ценностей.

Ключевые слова: патриотизм, гражданская идентичность, этнопсихологические ресурсы, молодежь, патриотическое воспитание, русские пословицы, прецедентные тексты, ценностные ориентации.

Для цитирования: Помуран Н.Н. Этнопсихологические основы патриотизма: воспитательный потенциал русских пословиц // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 61-67.

ETHNOPSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF PATRIOTISM: THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF RUSSIAN PROVERBS

Natalia N. Pomuran

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

pomnatnik@mail.ru

Abstract. The paper studies the potential of ethnopsychological resources, namely traditional patriotic values recorded in precedent texts (Russian folk proverbs), for developing patriotism and civic identity in young people. The author proposes a hypothesis about a connection between the prevalence of patriotic proverbs in the language (their frequency in the National Corpus of the Russian Language) and their efficacy in fostering patriotic values. The sentence completion technique has been employed, which revealed how familiar respondents are with the traditional formulas and their meanings. The results showed that proverbs with high frequency of use and

semantic transparency for young people are effective resources. It is concluded that precedent texts fulfilling these criteria can serve as a potential resource for instilling patriotic values.

Keywords: patriotism, civic identity, ethnopsychological resources, youth, patriotic education, Russian proverbs, precedent texts, values.

For citation: Pomuran N.N. Ethnopsychological foundations of patriotism: the educational potential of russian proverbs // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 61-67.

Введение

Формирование патриотических ценностей, чувства любви к Родине и готовности к самопожертвованию остается одной из приоритетных задач в воспитательной работе с молодежью. В связи с этим в последнее время в педагогическом дискурсе наблюдается лавинообразный рост числа работ, посвященных проблеме патриотического воспитания.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что основная характеристика процесса патриотического воспитания – это его целенаправленность [1]. Отмечается, что воспитательный компонент должен быть обязательной составляющей всех учебных дисциплин, в первую очередь гуманитарных и социально-экономических [2]. На практике в вузах патриотическое воспитание осуществляется в рамках различных мероприятий, таких как конкурсы, круглые столы и конференции [3]. В этой связи представляется актуальным поиск основ, на которые можно опираться в воспитательной работе по формированию патриотизма и гражданской идентичности.

Цель настоящего исследования – оценить потенциал этнопсихологических ресурсов, а именно традиционных ценностей патриотизма, нашедших вербальное выражение в прецедентных феноменах русского языка, для формирования патриотизма и гражданской идентичности.

Мы выдвинули гипотезу, согласно которой ресурсный потенциал феноменов, отражающих этнопсихологические ценности патриотизма и любви к Родине и нашедших вербальное выражение в русском языке, связан со степенью их распространенности (частоты встречаемости в НКРЯ) [4].

Определение понятия «патриотизм» затруднено из-за разнообразия научных подходов. Его интерпретируют по-разному: как воспитание преданности родине, как чувство связи с отечеством, как лояльность власти или как любовь к своей культуре [5, 6, 7]. Так или иначе, ученые сходятся в том, что патриотизм означает преданность стране, желание ее защищать и вносить вклад в ее развитие. В социальной психологии этот феномен часто анализируется в контексте гражданской идентичности – ощущение себя частью страны.

В отличие от термина «патриотическое воспитание», понятие «гражданская социализация» гораздо шире, так как процесс социализации не имеет возрастных или пространственных ограничений. Согласно традиционному для социальной психологии определению, социализация (включая гражданскую социализацию как ее разновидность) охватывает «все социальные процессы, благодаря которым индивид усваивает определенную систему норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве члена общества» [8, с. 274]. Социализация подразумевает не только усвоение индивидом социального опыта, но и активное воспроизводство усвоенной системы. Процесс гражданской социализации связывают с формированием гражданской идентичности и трактуют его как осознание причастности к сообществу граждан того или иного государства [9].

Соглашаясь с вышесказанным, отметим, что при планировании воспитательного процесса важнейшей задачей является поиск оснований, которые могли бы послужить опорой как в ходе гражданской социализации, так и в процессе целенаправленного формирования патриотизма – патриотическо-

го воспитания. Одним из значимых условий передачи социального опыта являются мезофакторы, к которым относят этнос или нацию. С точки зрения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, процесс социализации личности детерминирован не только этнокультурой, но и фактом рождения в конкретную историческую эпоху.

В этнопсихологической концепции А.Д. Карнышева социализация личности представлена как процесс, в ходе которого личность через взаимодействие с этносом усваивает нормы, ценностные ориентации, приобретает знания и умения, позволяющие ей выполнять предписанные ей роли в структуре этноса, а также систему оценочных стереотипов, влияющих на уровень самооценки [10]. В недавних работах ученый, отводя важную роль в развитии взаимоотношений этносов полиэтничности (на примере этносов Сибири), все же отмечает, что процессы индигенизации, «подчеркивания конкретным этносом приоритета собственных характеристик и традиций в социально-экономическом и культурном развитии», необходимо принимать во внимание как один из мощнейших факторов развития этноса [11, с. 9]. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на процессы глобализации и распространение мультикультурализма, в психологическом отношении личность нельзя рассматривать в отрыве от национально-психологических особенностей ее этнической группы, которые выполняют роль побудительных сил в жизнедеятельности и определяют поведение.

Как известно, своеобразие психологии этноса транслируется через языковые средства, которые содержат уникальные для того или иного народа культурные концепты. Один из известных ученых-исследователей кросс-культурной психологии Д. Мацумото замечает, что «индивид впитывает в себя самую сущность культуры через язык, и, пользуясь языком, он или она укрепляют концепцию своей культуры» [12, с. 264]. Поэтому, чтобы понять ресурсный потенциал психологии этноса в формировании па-

триотических ценностей и гражданской идентичности, обратимся к языку народа, к часто воспроизводимым (прецедентным) в среде этноса феноменам. В лингвистическом дискурсе текст относят к прецедентному, если он известен широкому кругу носителей языка, распространен и достаточно часто воспроизводится, а также содержит элементы культуры (маркирован), присутствующие данному сообществу [13, с. 16].

Не вдаваясь в дискуссию о критериях отнесения текста к прецедентным, согласимся с мнением некоторых ученых-лингвистов о том, что прецедентными свойствами обладают народные пословицы – «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение» [14, с. 100].

Материалы и методы

В нашем исследовании приняли участие 56 человек, из них 8 курсантов военного вуза и 48 студентов гражданского вуза. Все участники обучаются по программам гуманитарного направления.

В исследовании мы использовали метод незаконченных предложений. Респондентам было предложено дописать окончание 7 русских народных пословиц, отражающих патриотические ценности и смыслы, а также осознание причастности к своему этносу и стране. Для оценки значимости различий использовался критерий ϕ^* Фишера (угловое преобразование Фишера).

Условно все пословицы можно разделить на четыре тематические группы:

1. Пословицы, отражающие чувство любви к Родине, основанное на осознании разделения мира на «свое» и «чужое» и предпочтении «своего» (3 пословицы). Например: «Родная сторона – мать, чужая – мачеха».

2. Пословицы, отражающие аффективный компонент патриотизма, эмоциональную привязанность к родной земле (3 пословицы): «Где кто родился, там и пригодился».

3. Пословицы, отражающие поведенческий компонент патриотизма, готовность действовать в защиту Отечества (1 пословица). Например: «С родной земли умри – не сходи».

Результаты исследования

Критерием отбора пословиц для тестирования послужила частота вхождения, зафиксированная в Национальном корпусе русского языка (таблица 1).

сированная в Национальном корпусе русского языка (таблица 1).

Таблица 1 – Частота употребления пословиц в НКРЯ

№	Пословица	Количество вхождений (НКРЯ)
1.	Кто где родился, там и пригодился	15
2.	Хорошо там, где нас нет	13
3.	Всяк кулик свое болото хвалит	9
4.	В своем доме и стены помогают	2
5.	Родная сторона – мать, чужая – мачеха	1
6.	За морем веселье – да чужое, а у нас и горе – да свое	1
7.	С родной земли умри – не сходи	1

Анализ частоты употребления пословиц, согласно НКРЯ, показывает, что в текстах сохраняется ограниченное число классических фольклорных формул патриотической направленности; они также не отразились и в корпусе устной речи (<https://ruscorpora.ru/>).

связано с частотой их употребления, зафиксированной в Национальном корпусе русского языка (таблица 2). Чем больше вхождений зафиксировано в НКРЯ (более 10 примеров), тем ближе воспроизведение к оригиналу (различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$). При этом у пословиц № 1 и 2 основная часть примеров употребления зафиксирована после 2000 года.

Анализ ответов респондентов показал, что дословное воспроизведение пословиц

Таблица 2 – Воспроизведение оригинала пословиц респондентами

№	Пословица	Воспроизведение оригинала пословицы	
		чел.	%
1.	Кто где родился, там и пригодился	52	93
2.	Хорошо там, где нас нет	46	82
3.	Всяк кулик свое болото хвалит	10	18
4.	В своем доме и стены помогают	8	14
5.	Родная сторона – мать, чужая – мачеха	16	29
6.	За морем веселье – да чужое, а у нас и горе – да свое	11	20
7.	С родной земли умри – не сходи	5	9

По результатам исследования респонденты демонстрируют высокую стабильность ответов при воспроизведении пословицы «Кто где родился, там и пригодился». Это указывает на высокую культурную насыщенность и однозначную когнитивную доступность данной ценностной формулировки. Согласно данным корпуса, эта пословица достаточно часто используется в современных текстах, а первое вхождение зафиксировано в 1970 году.

высокий процент воспроизведения оригинального варианта. При этом одним из испытуемых представлен вариант окончания из другого прецедентного текста – «там, там, где смородина растет». Эта строка взята из известной песни группы «Любэ» под названием «Главное, что есть ты у меня», в которой создан образ мирной, домашней обстановки, контрастирующей с местом, где находится лирический герой. Возможно, представленный вариант отражает эмоциональное состояние респондента. У двух студентов пословица также акту-

Анализ интерпретации пословицы «Хорошо там, где нас нет» также показывает

ализировала ностальгические чувства по домашнему / семейному очагу: «хорошо там, где дом» и «хорошо там, где нас ждут». Это указывает на сильную ценность локальности / принадлежности к месту у испытуемых.

Интересные данные получены при анализе воспроизведения пословицы «Всяк кулик свое болото хвалит». Часть респондентов в обеих подгруппах (6 курсантов и 9 студентов) затруднилась с ответом, а наличие незавершенных фраз, таких как: «Всяк кулик свое счастье...», – свидетельствует о меньшей семантической понятности этой пословицы для современной молодежи. Трудности воспроизведения, вероятно, связаны с незнанием значения слова «кулик», что было выявлено в процессе исследования. Несмотря на то, что из 9 вхождений пословиц в НКРЯ 3 относятся к периоду с 2000-х годов, современная молодежь не знакома с семантикой слова «кулик». Некоторые варианты интерпретации иллюстрируют тенденцию к личностному самоуважению и защите индивидуального пространства, отстаиванию «своего»: «Всяк кулик свое болото охраняет», «Всяк кулик своё добро бережет», «Всяк кулик свое возьмет», «Всяк кулик свое отечество любит».

Количество точных воспроизведений оригинала пословицы «В своем доме и стены помогают» в обеих подгруппах респондентов невелика. Предложенные варианты отражают яркую бытовую и семейную семантику («стены греют/лечат») или нейтрально-описательные преобразования («стены краше, милее, ярче»). Это говорит о том, что локальная идентичность, чувство гордости и ответственности за свою малую родину остаются основой самосознания.

Доля точного воспроизведения пословиц, у которых зафиксировано всего по одному

вхождению в НКРЯ, невелика (29 %, 20 %, 9 %), а различия между ними статистически незначимы. Данные пословицы породили множество перефразов, в основном отражающих деление мира на «свое» и «чужое» и стойкое предпочтение «своего»: «Родная сторона – мать, чужая – враг», «За морем веселье – да чужое, а у нас – родное».

Выводы

Результаты исследования показывают, что незаконченные пословицы, обладающие свойством прецедентности, активируют культурно-доминантный вариант и патриотическую семантику. В то же время незаконченные пословицы, утратившие свойство прецедентности, актуализируют ассоциативные или рифмующиеся варианты, а также социально-ожидаемые ответы.

Таким образом, ценности и смыслы, получившие вербализацию в прецедентах текстах, могут стать ресурсной основой воспитания патриотизма и гражданской идентичности в том случае, если они:

- во-первых, характеризуются семантической прозрачностью для современной молодежи;

- во-вторых, часто встречаются в современных текстах различной жанровой направленности (имеют более 10 вхождений).

Основным ограничением исследования стала несбалансированность выборки в подгруппах, из-за которой провести сравнительный анализ интерпретаций пословиц не представилось возможным. Перспективными направлениями для последующих работ видятся: 1) формирование репрезентативных и сбалансированных выборок; 2) применение качественного анализа для изучения индивидуальных стратегий завершения незаконченных пословиц.

Список источников

1. Глазунова И.Н. Патриотическое воспитание старшекласников в учебно-воспитательной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Липецк, 2002. 174 с.
2. Быков А.К. Актуальные проблемы теории и практики патриотического воспитания студентов вуза // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. № 1 (46) С. 47-60.

3. Бухтояров Н.И., Шахова Н.М., Князева О.Н. Патриотическое воспитание как одно из приоритетных направлений формирования личности студента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 2. С. 123-126.

4. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.09.2025).

5. Даль В.И. Патриотизм // Материал из Викицитатника. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/Патриотизм> (дата обращения: 30.09.2025).

6. Мазур М.А., Ванюкова Я.А. Эволюция понятий патриотизма и патриотического воспитания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 4 (43). С. 51-53.

7. Iivars A., Dimdins G., Priedols M., Gaina V., and Leja V. The Opposing Roles of Patriotism and Nationalism in Explaining Trust in a Political System. *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Vol. 10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101131>.

8. Андреева Г.М. Социальная психология: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 376 с.

9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.

10. Карнышев А.Д. Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. № 3 (26). С. 509-517.

11. Карнышев А.Д., Карнышева О.А. Атрибуты генеалогии и сибирской транскультурной психологии как источники представлений о моделях многополярного мира // Сибирский психологический журнал. 2024. № 92. С. 6-25. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/992731826.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

12. Психология и культура = Culture and psychology: [современные исследования]. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева: Олма-Пресс, 2002. 416 с.

13. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5-18.

14. Савенкова Л.Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во рост. Ун-та, 2002. 240 с.

References

1. Glazunova I.N. Patriotic education of high school students in educational activities: diss. ... cand. of ped. sciences: dis. ... kand. ped. nauk]. Lipetsk, 2002. 174 p.

2. Bykov A.K. Aktual'nye problemy teorii i praktiki patrioticheskogo vospitaniya studentov vuza // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 2024. No. 1 (46). P. 47-60.

3. Bukhtoyarov N.I., Shakhova N.M., Knyazeva O.N. Patrioticheskoe vospitanie kak odno iz prioritnykh napravlenii formirovaniya lichnosti studenta // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. 2020. No. 2. P. 123-126.

4. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data of access: 30.09.2025).

5. Dal' V.I. Patriotism // *Vikitsitatnik*. [Electronic resource]. URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/Патриотизм> (data of access: 30.09.2025).

6. Mazur M.A., Vanyukova Ya.A. Evolyutsiya ponyatii patriotizma i patrioticheskogo vospitaniya // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2010. № 4 (43). P. 51-53.

7. Iivars A., Dimdins G., Priedols M., Gaina V., and Leja V. The Opposing Roles of Patriotism and Nationalism in Explaining Trust in a Political System // *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Vol. 10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101131>.

8. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya: Ucheb. dlya vuzov*. M.: Aspekt Press, 2000. 376 p.

9. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya*. M.: Institut psikhologii RAN, «Akademicheskii proekt», 1999. 320 p.

10. Karnyshev A.D. *Ekonomicheskii patriotizm: gosudarstvennye, etnoregional'nye i lichnostnye aspekty* // *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*. 2016. No. 3 (26). P. 509-517.

11. Karnyshev A.D., Karnysheva O.A. *Atributy genealogii i sibirskoi transkul'turnoi psikhologii kak istochniki predstavlenii o modelyakh mnogopolyarnogo mira* // *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. 2024. No. 92. P. 6-25. [Electronic resource]. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/992731826.pdf> (data of access: 30.09.2025).

12. *Psikhologiya i kul'tura = Culture and psychology: [sovremennye issledovaniya]*. Saint Petersburg: Praim-Evroznak; M: Neva: Olma-Press, 2002. 416 p.

13. Karaulov Yu.N. *O russkom yazyke zarubezh'ya* // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1992. No. 6. P. 5-18.

14. Savenkova L.B. *Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. 240 p.

Информация об авторе

Помуран Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Natalia N. Pomuran, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, novosibirsk, ul. klyuch-kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 02.11.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 796.89 - 355 - 378.1
EDN: <https://elibrary.ru/MRBXUW>

*Если драка неизбежна, бить надо первым.
Президент России В.В. Путин*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ АРМЕЙСКОМУ РУКОПАШНОМУ БОЮ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БОЙЦОВ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РОСГВАРДИИ

Чудаков Александр Юрьевич¹
Утюганов Алексей Анатольевич²
Бондаренко Сергей Анатольевич³

^{1, 2, 3} Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
¹chief.chudakov@yandex.ru, ²outioganov@mail.ru, ³givi1969@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования системы подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии через призму педагогических принципов и методов обучения армейскому рукопашному бою (далее – АРБ). Анализируется специфика боевой деятельности спецподразделений, определяющая требования к физической и психологической подготовке личного состава. Особое внимание уделяется обоснованию выбора и адаптации педагогических подходов, направленных на формирование у бойцов необходимых навыков, мотиваций и компетенций в условиях реального ближнего боя. Предлагаются конкретные методические рекомендации по организации и проведению занятий по АРБ, учитывающие современные тенденции в области боевой подготовки и спортивных единоборств. Данная статья посвящена анализу и систематизации педагогических подходов, наиболее целесообразных для обучения армейскому рукопашному бою в системе подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии, с целью повышения качества их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: армейский рукопашный бой, спецподразделения, Росгвардия, психолого-педагогические принципы, методы обучения и воспитания, боевая подготовка, физическая подготовка, психологическая подготовка, тактика, самооборона.

Для цитирования: Чудаков А.Ю., Утюганов А.А., Бондаренко С.А. Психолого-педагогические принципы и методы обучения армейскому рукопашному бою в системе подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 68-77.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PRINCIPLES AND METHODS OF TEACHING ARMY HAND-TO-HAND COMBAT IN THE TRAINING SYSTEM FOR SPECIAL FORCES SOLDIERS OF THE RUSSIAN GUARD

Alexander Yu. Chudakov¹, Alexey A. Utiyuganov², Sergey A. Bondarenko³

^{1, 2, 3} Military order of Zhukov academy of the national guard of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
¹chief.chudakov@yandex.ru, ²outioganov@mail.ru, ³givi1969@rambler.ru

Abstract. The article discusses the current issues of improving the training system for special forces soldiers of the Russian Guard through the prism of pedagogical principles and methods of teaching army hand-to-hand combat (ARB). The article analyzes the specifics of the combat activities of special forces, which determine the requirements for the physical and psychological training of personnel. Special attention is paid to substantiating the choice and adaptation of pedagogical approaches aimed at developing the necessary skills, motivations and competencies in real close combat. Specific methodological recommendations on the organization and conduct of ARB classes are proposed, taking into account current trends in the field of combat training and martial arts. This article is devoted to the analysis and systematization of pedagogical approaches that are most appropriate for teaching army hand-to-hand combat in the training system for special forces soldiers of the Russian Guard, in order to improve the quality of their professional training.

Keywords: army hand-to-hand combat, special forces, Rosgvardiya, psychological and pedagogical principles, methods of education and upbringing, combat training, physical training, psychological training, tactics, self-defense.

For citation: Chudakov A.Yu., Utiyuganov A.A., Bondarenko S.A. Psychological and pedagogical principles and methods of teaching army hand-to-hand combat in the training system for special forces soldiers of the Russian guard // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 68-77.

Введение

Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия), включающая элитные спецподразделения, является ключевым звеном в обеспечении безопасности государства. Несмотря на передовое вооружение, успех бойцов спецназа в сложных ситуациях, особенно при нейтрализации и захвате вооруженных противников, во многом определяется их мастерством в рукопашном бою. Поэтому армейский рукопашный бой занимает одно из центральных мест в их подготовке. Исторический опыт, в частности отдельные неудачи Советской армии в конфликтах с Японией (Халхин-Гол, 1939) и Финляндией (Зимняя война, 1939-1940), наглядно показал, что недостаточная подготовка к ближнему бою и переходу от огневого контакта к рукопашной схватке может иметь серьезные последствия [1, 2, 3, 4].

Жестокие ближние рукопашные схватки, где успех зависел от физической мощи, скорости реакции, выносливости и владения телом, выявили острую потребность в структурированном обучении армейскому рукопашному бою. Опыт Великой Отечественной войны и последующих конфлик-

тов способствовал дальнейшему развитию АРБ. Вслед за этими войнами и столкновениями началось создание и внедрение в армейскую подготовку специализированных программ рукопашного боя [1, 3, 5]. Были разработаны соответствующие руководства, усовершенствованы методики и созданы приемы, адаптированные к реальным боевым условиям. Современный АРБ, применяемый для подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии, представляет собой сплав различных боевых искусств и прикладных техник, направленных на эффективное обезвреживание противника в реальных ситуациях [6]. Подготовка включает не только ударную технику (кулаками, ногами, локтями, коленями, головой), но и болевые приемы, удушения, броски, подсечки, подкаты и т.д., а также защиту от холодного и огнестрельного оружия.

Современные условия несения службы, участие в специальной военной операции (далее – СВО) и контртеррористических операциях (далее – КТО), бойцам спецподразделений Росгвардии предъявляют высочайшие требования к их профессиональной готовности. Эффективное выполнение служебно-боевых задач, зачастую в

условиях повышенного риска и стресса, невозможно без высокого уровня физической подготовленности, выносливости, ловкости и, конечно же, владения навыками рукопашного боя. Армейский рукопашный бой является неотъемлемой частью системы боевой подготовки, позволяющей бойцу эффективно действовать в ближнем бою, нейтрализовать противника и защитить себя и товарищей [1, 5, 7]. Однако эффективность обучения АРБ напрямую зависит от применяемых педагогических принципов и методов. Простое механическое освоение приемов не гарантирует их успешного применения в реальной боевой ситуации. Необходимо учитывать психологические аспекты, особенности нервно-мышечной системы, а также специфику задач, решаемых спецподразделениями Росгвардии.

Результаты исследования

Деятельность бойцов спецподразделений Росгвардии характеризуется высокой степенью риска для жизни и здоровья, непредсказуемостью сценариев и необходимостью мгновенного реагирования на изменяющуюся обстановку. Задачи, такие как участие в непосредственных боевых действиях на линии боевого соприкосновения в зоне СВО, проведение контртеррористических операций, задержание вооруженных преступников, обеспечение безопасности в зонах повышенной напряженности, требуют от личного состава не только физической силы и выносливости, но и исключительной психологической устойчивости. В условиях ближнего боя, где пространство для маневра ограничено, а противник может быть вооружен, навыки армейского рукопашного боя становятся критически важным инструментом выживания и успешного выполнения поставленной задачи. Скорость реакции, точность движений, умение применять приемы самообороны, обезвреживания (обезоруживания) и фиксации преступников (боевиков) в условиях стресса, физического перенапряжения и усталости, а также способность действовать в команде – все это формируется в процессе целенаправлен-

ной подготовки. Особое внимание следует уделять развитию навыков самообороны и выживания, позволяющих бойцу эффективно противостоять вооруженному противнику, а также техник, направленных на нейтрализацию угрозы с минимальным применением табельного оружия и силы, что соответствует принципам законности и правопорядка.

Психолого-педагогические принципы в обучении и воспитании бойцов спецподразделений войск национальной гвардии России подразумевают систематичность и последовательность, и предполагают построение учебной программы таким образом, чтобы каждый последующий этап опирался на прочно усвоенные предыдущие. Начинать следует с базовых стоек, перемещений, самостраховок и ударной техники, постепенно переходя к более сложным комбинациям, броскам и болевым приемам. Важно, чтобы освоение каждого элемента сопровождалось пониманием его тактического назначения [2, 8]. Принцип наглядности и доступности реализуется через демонстрацию техники инструктором, использование учебных видеоматериалов и презентаций, иллюстрирующих правильное выполнение и распространенные ошибки, а также через четкие и лаконичные объяснения. Методические пособия и наглядные стенды также играют важную роль. Принцип сознательности и активности направлен на формирование у бойцов осознанного отношения к процессу обучения. Они должны понимать, зачем им необходимы те или иные навыки, как они помогут им в реальной боевой ситуации. Стимулирование самостоятельной работы, поиск оптимальных решений и инициативность в отработке приемов способствуют более глубокому усвоению учебного материала. Принцип индивидуализации и дифференциации учитывает, что каждый боец обладает уникальными физическими данными, определенным уровнем подготовки, опытом службы и психологическими особенностями. Поэтому нагрузка, сложность упражнений и методы обучения

должны быть адаптированы к индивидуальным возможностям каждого обучаемого. Это позволяет избежать нервно-физических перегрузок, выгорания, травм и максимально раскрыть потенциал каждого бойца. Прочность усвоения знаний и навыков достигается за счет многократного повторения, закрепления навыков в различных условиях, в том числе в условиях, имитирующих стрессовые ситуации. Доведение техники до автоматизма является ключевым фактором для ее эффективного применения в реальном рукопашном и ножевом бою. Связь теории с практикой предполагает, что теоретические знания о тактике применения приемов армейского рукопашного боя, правилах ведения ближнего боя и особенностях противодействия противнику должны неразрывно сочетаться с их практической отработкой. Изучение тактических схем должно сопровождаться их моделированием на практике [1, 3, 8].

Методы словесной передачи включают в себя лекции, беседы и инструктажи, направленные на формирование у бойцов теоретической базы, понимание тактических аспектов применения АРБ, а также правил безопасности и оказания первой само- и взаимопомощи [8, 13]. Важно, чтобы информация была изложена доступно и с учетом специфики задач спецподразделений. Методы наглядной передачи – это демонстрация приемов инструктором, показ образцового выполнения, использование учебных видеоматериалов, которые позволяют бойцам визуально воспринимать технику и анализировать ее. Методы практического упражнения и тренировок являются основой обучения АРБ. Имитационные упражнения позволяют отработать отдельные элементы и связки приемов без партнера или с минимальным сопротивлением, что особенно важно для начального этапа обучения и для отработки сложных движений. Упражнения с партнером – это парная отработка психолого-педагогических принципов приемов борьбы и рукопашного боя, где постепенно увеличивается сопротивление и усложняются

условия, что способствует развитию координации и чувства дистанции. Учебные спарринги являются важным этапом, моделирующим реальные боевые ситуации с соблюдением правил безопасности и страховки. Они направлены на развитие тактического мышления, умения применять приемы в условиях активного вооруженного противодействия и принимать решения в динамично меняющейся обстановке [14]. Комплексные упражнения включают в себя отработку последовательности действий в типовых боевых ситуациях, например, при задержании вооруженного преступника, где элементы рукопашного боя интегрируются с тактическими действиями и применением спецсредств. Методы стимулирования и мотивации играют ключевую роль в поддержании высокого уровня вовлеченности бойцов в процесс обучения и воспитания. Создание соревновательной атмосферы, поощрение за успехи, использование игровых форм обучения, а также формирование чувства ответственности и командного духа способствуют более эффективному усвоению материала. Методы контроля и оценки включают в себя тестирование физической подготовленности, оценку техники выполнения приемов, анализ действий в учебных спаррингах и наблюдение за поведением в стрессовых ситуациях [6, 9]. Это позволяет своевременно выявлять пробелы в подготовке (переподготовке) и корректировать учебный и воспитательный процессы с учетом обстоятельств и складывающейся ситуации в стране [2].

Тактическая направленность обучения АРБ для спецподразделений Росгвардии означает, что акцент делается на приемы, которые позволяют быстро и эффективно нейтрализовать противника, минимизируя риск для себя и окружающих [15, 16]. Это могут быть приемы болевого контроля, удержания, а также техники, направленные на обезоруживание с последующей фиксацией. Применение в ограниченном пространстве является критически важным аспектом, поскольку многие операции спец-

подразделений проводятся в лесополосах, тесных помещениях, салонах транспортных средств или в условиях плотной городской (сельской) застройки. Отработка техник, эффективных в таких условиях, требует специальной физической и психологической подготовки. Взаимодействие с табельным оружием – это неотъемлемая часть подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии. Навыки рукопашного боя должны быть интегрированы с умением применять штатное оружие, включая приемы обезоруживания противника, защиты от вооруженного нападения и использования оружия в ближнем бою. Психологическая подготовка является не менее важной, чем физическая. Формирование психологической устойчивости, умения действовать под давлением, сохранять хладнокровие и принимать быстрые и верные решения в экстремальных условиях – это задачи, которые должны решаться параллельно с освоением технических навыков. Использование современных технологий открывает новые возможности для повышения эффективности обучения. Применение последующего видеонализа с методикой «стоп-кадр» для разбора ошибок или акцентирования (демонстрации) правильных действий, симуляторов и интерактивных тренажеров позволяет бойцам специальных подразделений получать более реалистичный опыт и быстрее совершенствовать свои навыки [6].

1. Специфика боевой деятельности и требования к подготовке бойцов:

а) анализ задач, решаемых спецподразделениями Росгвардии (задержание опасных преступников, ликвидация незаконных вооруженных формирований, обеспечение общественной безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций, охрана важных объектов и должностных лиц и т.д.);

б) определение ключевых навыков, необходимых бойцу в ближнем бою: скорость реакции, сила, выносливость, координация движений, умение применять приемы и оружие в ограниченном пространстве, психологическая устойчивость [5, 17];

в) влияние стрессовых факторов на эффективность боевых действий и необходимость их учета при обучении.

2. Психолого-педагогические принципы обучения АРБ в подразделениях спецназа Росгвардии основаны на:

а) индивидуальном подходе: учитываются характерологические особенности личности, воинская специальность и имеющийся служебный и боевой опыт, общефизические данные, физиологические особенности, психологические особенности и уровень спортивной подготовки каждого бойца [6, 10];

б) принципе систематичности и последовательности подготовки, построение учебного процесса идет от простого к сложному (поэтапно), от освоения базовых техник к их комплексному применению в различных ситуациях, с постоянным повторением и совершенствованием отработанных навыков, с последующим усложнением обстановки;.

в) принципе наглядности и доступности, с использованием демонстраций видеоматериалов, презентаций, плакатов, четких объяснений, примеров из практики, адаптированных к уровню подготовки обучаемых;

г) принципе сознательности и активности, основанном на формировании у бойцов понимания цели и значения каждого упражнения, каждого элемента, каждого приема, стимулирование их самостоятельности и инициативы в освоении материала;

д) принципе индивидуализации и дифференциации с учетом индивидуальных физических и психологических особенностей каждого бойца, для подбора физических нагрузок и методов обучения в соответствии с их возможностями [5, 18];

е) принципе прочности усвоения, основанном на многократном повторении, закреплении теоретических и практических навыков в различных условиях, доведение их до автоматизма;

ж) принципе связи теории с практикой, интеграция теоретических знаний о тактике применения приемов АРБ с их непосредственной отработкой в условиях, максимально приближенных к реальным [8];

з) принципе практической направленности обучения, когда большая часть тренировок посвящена отработке приемов АРБ в спаррингах и имитационных ситуациях, максимально приближенных к реальным условиям служебно-боевой деятельности;

и) принципе специальной психологической подготовки, когда обучение включает в себя элементы стрессоустойчивости, работу с агрессией и развитие быстрой реакции в экстремальных условиях ближнего боя;

к) принципе применения современных методик и технологий, таких как видеоанализ, симуляторы, интерактивные тренажеры и подробный разбор тренировок, использование манекенов и тренажеров, что позволяет существенно повысить эффективность обучения и снизить риск получения спортивных травм [6, 10].

3. Методы обучения АРБ, адаптированные для спецподразделений:

а) методы словесной передачи включающие лекции, беседы, инструктажи, объяснения, направленные на формирование теоретической базы и понимания тактических аспектов [8];

б) методы наглядной передачи с демонстрацией приемов инструктором, просмотр учебных видеоматериалов, показ образцового выполнения приема (упражнения).

4. Методы практического упражнения АРБ:

а) имитационные упражнения для отработки отдельных элементов и связок приемов без партнера, с манекеном или с минимальным сопротивлением партнера;

б) упражнения с партнером, когда происходит парная отработка приемов с постепенным увеличением сопротивления и усложнением условий;

в) учебные спарринги с моделированием реальных учебно-боевых ситуаций с соблюдением правил безопасности, направленные на развитие тактического мышления и навыков применения приемов в условиях противодействия [8];

г) комплексные упражнения для отработки последовательности действий в типовых боевых ситуациях, включающих элементы рукопашного боя, задержания, обезоруживания, фиксации, конвоирования [19];

д) методы стимулирования и мотивации, направленные на создание соревновательной атмосферы, поощрение за успехи, с использованием игровых форм обучения и формирование чувства ответственности за свою подготовку, подготовку сослуживцев, укрепление морального и командного духа;

е) методы контроля и оценки с целью определения уровня готовности и усвоения теоретических знаний и практических навыков, тестирование физической подготовленности, оценка техники выполнения приемов, анализ действий в учебных спаррингах, наблюдение за поведением в стрессовых ситуациях [20].

5. Особенности применения АРБ в условиях спецподразделений:

а) тактическая направленность, акцент на приемы, позволяющие быстро и эффективно нейтрализовать противника, минимизируя риск для себя и окружающих [8];

б) применение АРБ в ограниченном пространстве, отработка техник и приемов, эффективных в условиях тесных помещений, транспорта, при выполнении задач по задержанию и обезвреживанию;

в) взаимодействие с оружием, интеграция навыков рукопашного боя с применением штатного холодного и огнестрельного оружия (штык-ножа, армейского ножа, кинжала, автомата Калашникова, малой саперной лопатки, шлема стального, подручных средств и т.д.), включая приемы обезоруживания и защиты от вооруженного противника [1];

г) дополнительная психологическая подготовка для формирования психологической устойчивости, умения действовать под давлением, принимать быстрые и верные решения в экстремальных условиях и при дефиците времени и средств [11]. Особое внимание уделяется этическим и духовно-нравственным аспектам применения руко-

пашного боя, с целью минимизации вреда для себя и задерживаемых лиц при условии гарантированного обезвреживания (обезоруживания) без стремления убивать или специально травмировать (калечить) противника в «любом» случае [12].

Заключение

Эффективная подготовка бойцов спецподразделений Росгвардии по армейскому рукопашному бою требует комплексного подхода, основанного на глубоком понимании стоящих перед ними задач и специфики их служебно-боевой деятельности. Применение научно обоснованных педагогических принципов, методов обучения и воспитания, адаптированных к условиям работы спецподразделений, позволяет формировать у личного состава не только технические навыки нападения и защиты, но и необходимые психологические качества, тактическое мышление и способность действовать в экстремальных ситуациях [8]. Систематическое совершенствование учебного процесса, основанное на принципах систематичности, сознательности, индивидуализации и проч-

ности усвоения, а также использование разнообразных методов, от имитационных упражнений до комплексных тактических задач, способствует повышению уровня профессиональной готовности бойцов Росгвардии. Дальнейшее развитие системы подготовки должно включать интеграцию современных педагогических технологий и постоянный анализ эффективности применяемых методик для обеспечения максимальной боеспособности подразделений [6].

Армейский рукопашный бой является неотъемлемой частью боевой подготовки бойцов спецподразделений Росгвардии [1, 5]. Его эффективное применение в служебной деятельности напрямую связано с уровнем подготовки, основанной на тщательно разработанных педагогических принципах и современных методиках обучения, позволяющих обеспечивать безопасность сотрудников и граждан, а также эффективно выполнять поставленные перед спецподразделениями служебные или боевые задачи.

Список источников

1. Ашихин А.В. Рукопашный бой в системе подготовки сотрудников спецподразделений силовых структур // Наука-2020: Наука, спорт, туризм: материалы II Всероссийской научно-практической конференции 23-24.06.2018. Орёл. № 3 (19). 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nauka-2020.ru> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Боровенский А.А. Содержание и направленность курса профессиональной переподготовки сотрудников ОВД к деятельности в режиме чрезвычайной ситуации и в период введения военного положения / А.А. Боровенский, А.А. Горелов // В сборнике проблемы физического образования в силовых ведомствах (структурах): содержание, направленность, технологии, организация. Сборник статей по материалам VIII международного научного конгресса. СПб., 2022. С. 153-155.
3. Воронов В.М. Возникновение и истоки становления смешанных единоборств / В.М. Воронов, А.А. Горелов, Г.А. Ивахненко, О.Г. Румба, Е.А. Клоков // Теория и практика физической культуры. 2021. № 7. С. 7-9.
4. Ирхин В.Н. Историческое развитие отечественного армейского рукопашного боя как вида спорта / В.Н. Ирхин, Р.Ф. Ольденбургер, М.С. Коренева, Н.В. Репина // Теория и практика физической культуры. 2022. № 6. С. 84-85.
5. Захаров Е.Н. Рукопашный бой / Е.Н. Захаров, А.В. Карасев, А.А. Сафонов / М.: «Культура и традиции», 1994. 27 с.
6. Ашкинази С.М. Современные проблемы и перспективы развития армейского рукопашного боя / С.М. Ашкинази, А.И. Турков, А.П. Чумляков // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2020. № 4. С. 5-8.

7. Камнев Р.В. Этапы становления и развития боевых систем рукопашного боя / Р.В. Камнев, А.Г. Карасев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 6 (124). С. 87-90.
8. Казачков Г.В. Тактика спецназа. Ростов н/Д: «Феникс», 2006. 275 с.
9. Горелов А.А. Методы тестирования и контрольных испытаний в научных исследованиях в сфере физической культуры и спорта / А.А. Горелов, О.Г. Румба, А.В. Сысоев, Е.Р. Яхонтов // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2020. № 2 (58). С. 14-26.
10. Ирхин В.Н. Анализ особенностей становления и развития в России военно-прикладного вида спорта «Армейский рукопашный бой» в 80-90-х гг. XX века / В.Н. Ирхин, Р.Ф. Ольденбургер // Культура физическая и здоровье. 2022. № 1. С. 277-278.
11. Чудаков А.Ю. Психологическое обеспечение деятельности военнослужащих войск национальной гвардии в зоне специальной военной операции / А.Ю. Чудаков, А.А. Утюганов, С.А. Бондаренко // Вестник Военной академии войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 3 (32). С. 278-287.
12. Горелов А.А. О духовно-нравственных детерминантах в системе спортивных единоборств / А.А. Горелов, А.И. Голиков, Н.В. Никифоров, О.Г. Румба // Олимпийский спорт: педагогическое наследие Д.П. Коркина и современное олимпийское движение. Материалы IV Международной научно-практической конференции в рамках проведения международного турнира по вольной борьбе, посвященного памяти заслуженного тренера СССР Д.П. Коркина. Якутск, 2021. С. 106-108.
13. Чудаков А.Ю. Правила оказания первой помощи: учебно-методическое пособие / А.Ю. Чудаков, А.А. Горелов, А.А. Утюганов. СПб., 2025. 159 с.
14. Лукашев М.Н. Рукопашный бой в России в первой половине 20-го века. М.: «Будо-Спорт», 2003. 73 с.
15. Никифоров Н.В. Формирование и совершенствование механизмов управления движениями и их взаимосвязей в процессе подготовки спортсменов в спортивных единоборствах / Н.В. Никифоров, В.А. Максимович, В.В. Руденик, А.Н. Никифоров, А.Ю. Чудаков // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация. Материалы IX Международного научного конгресса. Чебоксары, 2024. С. 390-392.
16. Обвинцев А.А. Смешанные единоборства: истоки и реальность / А.А. Обвинцев, В.М. Воронов, А.А. Горелов // Спорт, человек, здоровье: сборник материалов конгресса. Ред.: В.А. Таймазов. 2017. С. 436-439.
17. Приказ Росгвардии от 29 марта 2018 года № 100 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации».
18. Сущенко В.П. Профессионально-прикладная физическая подготовка военнослужащих подразделений специального назначения Вооружённых сил Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Воен. ин-т физ. культуры. СПб., 2006. 45 с.
19. Намазов А.К. Психологическое обеспечение физической подготовки спортсмена / А.К. Намазов, К.А. Намазов, А.А. Горелов // Олимпийский спорт: педагогическое наследие Д.П. Коркина и современное олимпийское движение. Материалы IV Международной научно-практической конференции в рамках проведения международного турнира по вольной борьбе, посвященного памяти заслуженного тренера СССР Д.П. Коркина. Якутск, 2021. С. 203-206.
20. Чудаков А.Ю. Медицинская и психологическая поддержка в боевой подготовке бойцов Росгвардии / А.Ю. Чудаков, А.А. Жуков, Р.И. Гусейнов // Актуальные вопросы организации здравоохранения и общественного здоровья в современных условиях: повышение эффективности, дальнейшие пути развития. СПб., 2025. С. 96-104.

References

1. Ashikhin A.V. Hand-to-hand combat in the training system of special forces personnel of law enforcement agencies // Science-2020: Science, sports, tourism: materials of the II All-Russian scientific and practical conference 06.23-24.2018. Orel. No. 3 (19). 23 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.nauka-2020.ru> (data of access: 12.09.2025).
2. Borovensky A.A. Content and focus of the course of professional retraining of internal affairs agencies employees for activities in an emergency situation and during the introduction of martial law / A.A. Borovensky, A.A. Gorelov // In the collection of problems of physical education education in law enforcement agencies (structures): content, focus, technologies, organization. Collection of articles based on the materials of the VIII international scientific congress. St. Petersburg, 2022. P. 153-155.
3. Voronov V.M. The emergence and origins of mixed martial arts / V.M. Voronov, A.A. Gorelov, G.A. Ivakhnenko, O.G. Rumba, E.A. Klokov // Theory and practice of physical education. 2021. No. 7. P. 7-9.
4. Irkhin V.N. Historical Development of Domestic Army Hand-to-Hand Combat as a Sport / V.N. Irkhin, R.F. Oldenburger, M.S. Koreneva, N.V. Repina // Theory and Practice of Physical Culture. 2022. No. 6. P. 84-85.
5. Zakharov E.N. Hand-to-Hand Combat / E.N. Zakharov, A.V. Karasev, A.A. Safonov / M.: "Culture and Traditions", 1994. 27 p.
6. Ashkinazi S.M. Current Problems and Prospects for the Development of Army Hand-to-Hand Combat / S.M. Ashkinazi, A.I. Turkov, A.P. Chumlyakov // Current Issues of Physical and Special Training of Law Enforcement Officers. 2020. No. 4. P. 5-8.
7. Kamnev R.V. Stages of Formation and Development of Hand-to-Hand Combat Systems / R.V. Kamnev, A.G. Karasev // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2015, No. 6 (124). P. 87-90.
8. Kazachkov G.V. Special Forces Tactics. Rostov n/D: "Phoenix", 2006. 275 p.
9. Gorelov A.A. Testing and Control Trial Methods in Scientific Research in Physical Culture and Sports / A.A. Gorelov, O.G. Rumba, A.V. Sysoev, E.R. Yakhontov // New in Psychological and Pedagogical Research. 2020. No. 2 (58). P. 14-26.
10. Irkhin V.N. Analysis of the Features of the Formation and Development of the Military-Applied Sport "Army Hand-to-Hand Combat" in Russia in the 1980s-90s / V.N. Irkhin, R.F. Oldenburger // Physical Culture and Health. 2022. No. 1. P. 277-278.
11. Chudakov A.Yu. Psychophysiological Support for the Activities of National Guard Troops in the Special Military Operation Zone / A.Yu. Chudakov, A.A. Utyuganov, S.A. Bondarenko // Bulletin of the Military Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation. 2025. No. 3 (32). P. 278-287.
12. Gorelov A.A. On Spiritual and Moral Determinants in the System of Combat Sports / A.A. Gorelov, A.I. Golikov, N.V. Nikiforov, O.G. Rumba // In the collection: Olympic Sport: the Pedagogical Legacy of D.P. Korkin and the Modern Olympic Movement. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference within the Framework of the International Freestyle Wrestling Tournament Dedicated to the Memory of Honored Coach of the USSR D.P. Korkin. Yakutsk, 2021. P. 106-108.
13. Chudakov A.Yu. First Aid Rules / A.Yu. Chudakov, A.A. Gorelov, A.A. Utyuganov / Study Guide. St. Petersburg, 2025. 159 p.
14. Lukashev M.N. Hand-to-hand combat in Russia in the first half of the 20th century. Moscow: "Budo-Sport", 2003. 73 p.
15. Nikiforov N.V. Formation and improvement of movement control mechanisms and their interrelations in the process of training athletes in combat sports / N.V. Nikiforov, V.A. Maksimovich, V.V. Rudenik, A.N. Nikiforov, A.Yu. Chudakov // In the collection:

Problems of physical education education: content, focus, methodology, organization. Proceedings of the IX International Scientific Congress. Cheboksary, 2024. P. 390-392.

16. Obvintsev A.A. Mixed martial arts: origins and reality / A.A. Obvintsev, V.M. Voronov, A.A. Gorelov // In the collection: Sport, Man, Health. Collection of Congress Materials. Editor: V.A. Taymazov. 2017. P. 436-439.

17. Order of the Russian National Guard of March 29, 2018, No. 100 "On Approval of the Manual on Physical Training in the Troops of the National Guard of the Russian Federation."

18. Sushchenko, V.P. Professional and Applied Physical Training of Military Personnel of Special Forces Units of the Armed Forces of the Russian Federation: Abstract of a Doctor of Pedagogical Sciences Dissertation / Military Institute of Physical Culture. St. Petersburg, 2006. 45 p.

19. Namazov A.K. Psychological Support for Athletes' Physical Training / A.K. Namazov, K.A. Namazov, A.A. Gorelov // In the collection: Olympic Sport: the Pedagogical Legacy of D.P. Korokin and the Modern Olympic Movement. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference within the Framework of the International Freestyle Wrestling Tournament Dedicated to the Memory of Honored Coach of the USSR D.P. Korokin. Yakutsk, 2021. P. 203-206.

20. Chudakov A.Yu. Medical and Psychological Support in the Combat Training of Russian National Guard Soldiers / A.Yu. Chudakov, A.A. Zhukov, R.I. Guseinov // In the collection: Current Issues in the Organization of Healthcare and Public Health in Modern Conditions: Improving Efficiency, Further Development Paths. St. Petersburg, 2025. P. 96-104.

Информация об авторах

Чудаков Александр Юрьевич, доктор медицинских наук, профессор, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Утюганов Алексей Анатольевич, доктор психологических наук, доцент, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Бондаренко Сергей Анатольевич, кандидат военных наук, доцент, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Information about the authors

Alexander Y. Chudakov, doctor of medical sciences, professor, Military order of Zhukov academy of the national guard of the Russian Federation (198206, St. Petersburg, ul. Pilot Pilutov, 1).

Alexey A. Utiyuganov, candidate of philological sciences, associate professor, Military order of Zhukov academy of the national guard of the Russian Federation (198206, St. Petersburg, ul. Pilot Pilutov, 1).

Sergey A. Bondarenko, candidate of military sciences, associate professor, Military order of Zhukov academy of the national guard of the Russian Federation (198206, St. Petersburg, ul. Pilot Pilutov, 1).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 81

EDN: <https://elibrary.ru/MRQXFC>

ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Арбузова Наталия Александровна¹

Семенова Людмила Алексеевна²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹Arbuzova_77@mail.ru ²lastim123@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено проблеме межъязыковой интерференции в профессиональном переводе военно-политических текстов. Актуальность темы обусловлена ростом геополитической напряженности, информационного противоборства и необходимостью безошибочной оперативности перевода аналитических материалов, докладов и СМИ, где семантические неточности могут привести к манипуляциям. Целью является изучение многоаспектности интерференции и выявление уровней ее проявления (лексико-семантического, синтаксического, прагматико-стилистического, идеологического). На материале статей National Interest и переводов ИноСМИ проанализированы кальки, семантические сдвиги, синтаксические переносы и прагматические адаптации. Выявлены причины деструктивной интерференции (буквализм, дефицит компетенций, временные рамки) и предложены рекомендации по минимизации рисков. Подчеркнута роль интерферентного перевода как инструмента идеологической адаптации с методическими решениями для профессиональной подготовки.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, уровни межъязыковой интерференции, переводческие ошибки, переводческие трансформации, фоновые знания, интерферентный перевод, прагматика.

Для цитирования: Арбузова Н.А., Семенова Л.А. Проблема межъязыковой интерференции в профессиональном переводе // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 78-87.

PHILOLOGICAL SCIENCES

INTERLINGUAL INTERFERENCE IN PROFESSIONAL TRANSLATION PRACTICE

Nataliya A. Arbuzova¹, Lyudmila A. Semyonova²

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹Arbuzova_77@mail.ru ²lastim123@gmail.com

Abstract. This study addresses the issue of interlingual interference in the professional translation of military-political texts. The relevance of the topic stems from the growth of

information warfare and the need for error-free operational translation of analytical materials, reports, and media content, where semantic inaccuracies can lead to manipulations. The aim is to examine the multifaceted nature of interference and identify its levels of manifestation (lexico-semantic, syntactic, pragmatiko-stylistic, and ideological). Based on articles from the National Interests and InoSMI translations, calques, semantic shifts, syntactic transfers, and pragmatic adaptations are analyzed. The causes of destructive interference are identified, and recommendations for minimizing risks are proposed. The research highlights the role of interference translation as a tool for ideological adaptation, offering methodological tools to improve quality.

Keywords: interlingual interference, levels of interlingual interference, translation errors, translation transformations, background knowledge, interference translation, pragmatics.

For citation: Arbuzova N.A., Semyonova L.A. Interlingual interference in professional translation practice // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 78-87.

Введение

Актуальность исследования проблемы межъязыковой интерференции и поиска путей ее преодоления в сфере профессионального перевода обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Возрастающая геополитическая и информационная напряженность, рост межгосударственной конфронтации и гибридных угроз выводят сферу межгосударственной безопасности и военно-политической аналитики на передний край информационного противоборства. В этих условиях стремительно растет объем аналитических материалов, докладов, заявлений и материалов СМИ, требующих безошибочного оперативного перевода, где малейшая смысловая неточность может быть использована для манипуляций, эскалации напряженности и формирования сложных нарративов. При этом ставки переводческой точности здесь исключительно высоки. Ошибки, вызванные межъязыковой интерференцией, то есть непроизвольным влиянием системы родного языка, часто носят имплицитный характер. Они проявляются в выборе эквивалентов с неидентичными коннотациями (например, «expansion» vs «распространение»), в синтаксических кальках, искажающих логику высказывания, или в неверной интерпретации культурно-обусловленных концептов («deterrence», «security», «guarantee»). Подобные искажения могут привести к фатальной ошибке при передаче прагматических значений, та-

ких как оценка интенций, угроз или обязательств сторон.

Особую сложность проблеме придает недостаточная изученность интерференции именно в специальных дискурсах. Несмотря на обширную теоретическую базу, ее специфические проявления в узкопрофессиональном подъязыке военно-политической аналитики, для которой характерны высокая терминологическая плотность, эвфемизмы, стандартизированные клише и имплицитные смыслы, исследованы фрагментарно. В этой связи существует насущная практическая потребность в методических решениях, заключающаяся в разработке целевых практико-ориентированных инструментов (чек-листов, алгоритмов верификации терминов, упражнений на различение концептуальных пар), позволяющих переводчикам-профессионалам минимизировать подобные риски.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется сочетанием экстралингвистических факторов и интралингвистических задач, что делает разработку эффективных путей ее преодоления не только научно значимой, но и практически востребованной задачей, прямым вкладом в обеспечение четкости и надежности международного диалога.

Рассмотрим сущность понятия «интерференция» и механизмы ее возникновения. Согласно определению В.А. Виноградова, интерференция – это «взаимодействие язы-

ковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка». Отклонения от нормы и системы неродного языка, вызванные влиянием родного, он считает выражением процесса интерференции [1, с. 197].

Важно отметить, что существует не только отрицательный, но и положительный подход к определению межъязыковой интерференции. С одной стороны, интерференция может трактоваться как ошибка или «нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [2, с. 4]; с другой стороны, данное явление рассматривается как «положительный перенос» – мотивированное использование сходных моделей родного языка при освоении неродного [3, с. 55]. О двойственной природе межъязыкового взаимодействия говорит и В.Н. Комиссаров: «в теории перевода следует рассматривать все виды интерференции при переводе: как нежелательные, так и целесообразные» [4, с. 103]. Н.К. Гарбовский различает статический билингвизм (чередование языков в зависимости от среды) и динамический (одновременная актуализация двух языков и культур в переводе), где переводчик становится точкой их соприкосновения [5, с. 318-321].

Анализ подходов к определению понятия «интерференция» выявил ее двунаправленный характер. Традиционно она рассматривается как влияние родного языка на иностранный, однако в ходе межкультурной коммуникации наблюдается и обратный процесс: интенсивное применение конструкций на иностранном языке может приводить к появлению данных элементов в речи билинга и на родном языке. В данной связи на первый план выходит взаимодействие лингвистических и психолингвистических аспектов интерференции, что имеет особое значение в процессе перевода. Осознание роли межъязыковой интерференции неотделимо от природы перевода, который, будучи комплексным и целостным, подраз-

деляется на виды, каждый из которых требует специфического подхода и соблюдения правил для достижения адекватности [6, с. 127]. Е.В. Черных предлагает понимать под межъязыковой интерференцией в переводе «процесс взаимодействия языков в сознании переводчика, а также результат такого взаимодействия, который выражается в проявлении элементов одного языка в системе другого и может носить как конструктивный, так и деструктивный характер» [7, с. 108].

В процессе профессиональной деятельности переводчик постоянно поддерживает баланс между двумя языковыми системами, подвергаясь интерферирующему влиянию «молчащего» языка. Необходимость в постоянном переключении кодов и быстром подборе переводческих эквивалентов служит причиной высокой когнитивной нагрузки. Переводчику следует учитывать не только результаты взаимодействия языков, но и культур, что лежит в основе межъязыковой интерференции в переводе. Согласно классификации Л.Л. Нелюбина, перевод подразделяется на художественный («функционирующий в сфере художественной литературы») и специальный, который обслуживает «определенные отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой» [7, с. 246, 208].

Интерференция является системным явлением в профессионально ориентированной коммуникации. В.В. Алимов предлагает рассматривать интерференцию «в условиях профессионально ориентированной коммуникации в системной связи текстовой, коммуникативной и культурной составляющей» [8, с. 5]. Данные тенденции наблюдаются и в области перевода общественно-политического текста, где интерференция становится инструментом не только лингвистического, но и культурно-идеологического трансфера. Это связано, в первую очередь, со спецификой медийного дискурса, представляющего собой идеологически нагруженный и прагматически ориентированный объект перевода. Переводчик здесь выступает не просто

механическим транслятором, а экспертом-медиатором между двумя сложными реальностями. Его задача заключается в том, чтобы обеспечить не только лингвистическую точность, но и прагматическую адекватность, соответствующую целевой аудитории и ее идеологической направленности. По мнению Г.Э. Вахромеевой, интерференция возникает при двуязычии и языковом контакте, а ее носителем становится сам индивид – участник коммуникации на неродном языке или переводчик, который замещает элементы одной языковой системы средствами другой, что провоцирует акцент, буквальный перевод, семантические искажения и отклонения от исходного текста, хотя иногда способствует эффективно общению или переводу [10, с. 21].

Интерференция перестает быть лишь маркером лингвистической компетенции переводчика, превращаясь в сложный инструмент, отражающий борьбу приоритетов, а именно противоречия между буквальной точностью и адаптацией, между сохранением авторского стиля и соблюдением норм целевого языка, а в конечном счете, между нейтральной трансляцией сообщения и его идеологической или культурной фильтрацией для конкретной аудитории.

Особый интерес представляет собой термин «интерферентный перевод», отражающий суть сложного и многогранного межязыкового взаимодействия, основанного на смешении норм исходного языка с нормами целевого. Интерферентный перевод представляет собой не просто набор лингвистических отклонений, а целенаправленную стратегию, мотивированную экстралингвистическими факторами: идеологией, жанром, традицией и прагматикой конкретного коммуникативного акта. Его характеристика требует отказа от оценочного подхода в пользу функционально-прагматического анализа. В профессиональном переводе интерферентность перестаёт быть проблемой и становится одним из доступных инструментов, применение которого должно быть

всегда осознанным, мотивированным и пропорциональным поставленной задаче. Изучение этого феномена позволяет глубже понять механизмы взаимодействия языков и культур в условиях опосредованной коммуникации.

Цель данного исследования заключается в изучении многогранности интерференции и выявлении ее ключевых уровней проявления – от лексического и синтаксического до прагматического.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили профессионально-ориентированные тексты, относящиеся к области военного перевода на русском и английском языках, находящиеся в открытом доступе. Для наибольшей репрезентативности методом случайной выборки были отобраны и проанализированы новостные и аналитические сообщения военной направленности, посвященные в том числе событиям, связанным со специальной военной операцией в Украине.

Результаты исследования

Рассмотрим примеры применения интерферентного перевода на материале статьи «*Russia's Su-57 Felon Fighter Jet Is Stronger than America Wants to Admit*», представленной в издании National Interest [11], и ее перевода, размещенного на сайте ИноСМИ [12]. Эти случаи представляют собой устойчивые, системные черты, которые участвуют в формировании особого стиля, характерного для данного сегмента для российского медийно-аналитического дискурса. Для иллюстрации проанализируем наиболее показательные примеры появления интерференции на различных уровнях. Лексическая интерференция представляет собой использование в текстах на одном языке билингва полнозначных слов другого языка (включая однокоренные, но по-разному оформленные словообразовательные варианты), а также применение слов языка текста в значениях, характерных для другого языка [13, с. 218]. На лексико-семантическом уровне интерференция проявляется, в первую очередь, через калькирование и се-

мантическое расширение или сужение значений слов.

(1) Оригинал: *Potemkin airplane*. Перевод: *потемкинский самолет*.

В данном примере автор текста использует метафору, чтобы ярко и уничижительно охарактеризовать самолет как нечто, созданное для пропагандистского эффекта, а не для реальных боевых действий. Хотя «потемкинские деревни» – это устоявшийся фразеологизм в русском языке, сочетание «потемкинский самолет» звучит окказионально и является калькой. Однако предложенный лексический эквивалент не вызывает нужного ряда ассоциаций («бутафория», «показуха»). Происходит семантический сдвиг (к нулю). Переводчик создаёт псевдо-термин, который не передает исходное прагматическое значение. Рекомендуемый вариант: *показушный самолет* (поиск фразеологического аналога), *самолет – сплошная бутафория, картонный самолет* (поиск культурного аналога при переводе исторической реалии).

(2) Оригинал: *brutal maneuverability*. Перевод: *высокая маневренность*.

Перевод в следующем примере демефоризирует исходное выражение. Исчезает образ хищника, грубой силы, который идеально подходит для описания безжалостного и маневренного оружия; остаётся лишь нейтральное упоминание высокой степени проявления качества. Переводчик передает денотативное значение, но жертвует оценочной и образной составляющей оригинала. Рекомендуемый вариант: *беспощадная/сокрушительная маневренность* (использование метафоры, близкой по силе).

(3) Оригинал: *American birds*. Перевод: *американские птички*.

В примере (3) перевод «American birds» как «американские “птички”» демонстрирует, что интерференция на лексико-стилистическом уровне может привести к прагматическому сдвигу. Переводчик переносит словоформу, но не полностью соответствующий ей регистр и стилистическую окраску. В результате нейтральный профессиональ-

ный сленг оригинала приобретает в переводе оттенок снисходительной иронии, что может немного исказить авторский тон. Это классический пример того, как буквализм при переводе идиоматических выражений требует особой осторожности.

Синтаксический уровень интерференции проявляется в сохранении английского порядка слов и синтаксических конструкций, что иногда делает русские предложения громоздкими и неестественными. Д.К. Давлетшина и Е.К. Коровкина акцентируют, что грамматические конструкции прежде всего обеспечивают упаковку смысла, поэтому при трансформации с ИЯ на ПЯ семантический компонент обязательно присутствует [14, с. 105].

(4) Оригинал: *as seen in Ukraine thus far*. Перевод: *как явствует из примера Украины*.

Перевод оборота «as seen in Ukraine thus far» фразой «как явствует из примера Украины» является примером деструктивной интерференции, где механическое копирование английской синтаксической конструкции («as seen as» – «как явствует из») сочетается с лексико-стилистическим выбором архаичного и гиперформального для данного контекста слова «явствует», а также опущением важного компонента «thus far» («до сих пор», «на данный момент»). В результате нейтральная констатация наблюдений из оригинального текста превращается в семантически обедненный, неуклюжий и излишне категоричный вердикт, чуждый живой публицистической речи; для передачи исходного смысла носитель языка естественно использовал бы более гибкие и лаконичные варианты, например: «Опыт Украины на данный момент показывает, что...» или «Судя по текущей ситуации на Украине».

(5) Оригинал: *The Su-57 is a cost-imposing weapon...* Перевод: *Су-57 означает колоссальные издержки для вооруженных сил*.

Перевод фразы «The Su-57 is a cost-imposing weapon...» вариантом «Су-57 означает колоссальные издержки...» представ-

ляет собой классический случай синтаксической интерференции, когда структура английского предложения с глаголом «means» калькируется на русский язык, что приводит к семантическому обеднению и потере основной авторской метафоры. В оригинале используется активная и образная конструкция «*cost-composing weapon*» – «оружие, навязывающее затраты / издержки», где самолет выступает как активный агент, вынуждающий противника нести расходы. Перевод же «означает издержки» превращает эту динамичную концепцию в статичное, почти логическое соотношение, лишая высказывание стратегического и метафорического заряда. Более адекватным и соответствующим стилю русскоязычного военно-аналитического дискурса был бы перевод, сохраняющий эту активную роль: «Су-57 – это оружие, навязывающее противнику колоссальные издержки ...», который точно передает как смысл, так и прагматику исходного утверждения.

Прагматико-стилистический уровень связан с переносом стилистических приемов и регистра, которые могут не полностью соответствовать нормам русскоязычного публицистического текста.

(6) Оригинал: ... *laughed off*. Перевод: ... *принято лишь хихикать над Су-57*.

Перевод идиоматичного выражения «*laughed off*» словом «хихикать» является примером прагматико-стилистической интерференции, при которой попытка передать сниженный регистр оригинала приводит к неоправданной стилистической дисгармонии в русском тексте. В оригинале «*laughed off*» передает снисходительное и пренебрежительное отношение экспертного сообщества, являясь устоявшимся выражением, в то время как русское «хихикать», будучи калькой с разговорного значения, вносит излишнюю эмоциональность и даже оттенок легкомыслия, что диссонирует со стилем военно-аналитического дискурса. Для сохранения прагматики и нейтрального регистра целесообразнее было бы использовать более точные и уместные в данном

контексте варианты, такие как «*высмеивать*», «*отмахиваться*» или «*не принимать всерьез*», которые адекватно передают суть пренебрежительного отношения, не нарушая стилистической целостности текста.

(7) Оригинал: ... *they matched their strengths against our weaknesses*. Перевод: ... *сопоставили свои сильные стороны с нашими слабостями и сделали выводы*.

В данном примере перевод «...*they matched their strengths against our weaknesses*» как «*сопоставили свои сильные стороны с нашими слабостями и сделали выводы*» демонстрирует комплексную деструктивную интерференцию: во-первых, имеет место смысловая экспансия или гиперперевод, где добавление немотивированного компонента «*и сделали выводы*» приписывает субъекту лишнее интеллектуальное действие, отсутствующее в оригинале и искажающее авторский лаконичный замысел; во-вторых, это приводит к стилистическому сбою, поскольку энергичная, почти тактическая метафора динамического противостояния («*matched against*») подменяется кабинетным, рассуждающим тоном; и в-третьих, возникает идеологически прагматический сдвиг, где акцент переносится с безжалостного использования слабостей противника на процесс аналитического осмысления, что невольно смягчает и интеллектуализирует образ оппонента. Для сохранения смысла, стиля и прагматики оригинала более уместным был бы нейтрально-стратегический вариант: «*они выстроили свою стратегию, соотнося свои сильные стороны с нашими слабостями*».

Прагматико-идеологический уровень представляет собой самый тонкий уровень, где проявляется смещение акцентов или адаптация контекста под ожидания русскоязычной аудитории.

(8) Оригинал: *Is Stronger than America Wants to Admit*. Перевод: *Сильнее, чем Америка готова признать*.

Перевод заголовка с «*wants to admit*» на «*готова признать*» представляет собой тонкий, но значимый прагматический сдвиг,

смягчающий исходную конфронтационную тональность. «Wants» («хочет») акцентирует волю и нежелание признавать очевидный факт, подразумевая субъективное, почти упрямое отрицание со стороны Америки. Русское же «готова» смещает акцент на объективную способность или внутреннюю возможность сделать такое признание, переводя оценку из эмоционально-волевой плоскости в более нейтральную, фактологическую. Таким образом, психологизирующая и слегка провокационная конструкция оригинала, настаивающая на скрываемой истине, в переводе трансформируется в более сдержанное утверждение о расхождении между реальным положением дел и текущей готовностью его принять.

(9) Оригинал: *Washington's analysts constantly judge ...* Перевод: *Вашингтонские аналитики постоянно рассматривают...*

На прагматико-идеологическом уровне перевод в примере (9) демонстрирует интерференцию через семантическую нейтрализацию. Замена глагола «judge» (с сильной негативной коннотацией предвзятого осуждения, критической оценки) на нейтральный «рассматривают» полностью демонтирует авторскую критику в адрес вашингтонских аналитиков. В оригинале конструкция «constantly judge ... through an F-22 lens» рисует образ субъективного, предубежденного и ограниченного критика, что является важным элементом полемики; в переводе этот образ растворяется, превращаясь в образ объективного, хотя и ошибающегося наблюдателя. Таким образом, один из основных планов авторской аргументации в переводе теряется, что смягчает общую тональность текста и сужает его критический заряд; для сохранения прагматики следовало бы использовать более адекватные варианты, например, «постоянно субъективно судят» или «дают предвзятую оценку».

Межъязыковая интерференция в переводе не составляет самостоятельного метода, а проявляется через языковые приемы переноса черт ИЯ в ПЯ (транслитерацию, калькирование, синтаксический перенос и др.).

Эти приемы образуют «интерферентный перевод» – совокупность стратегий, целенаправленно вводящих элементы ИЯ в узус ПЯ для сохранения смысловой, функциональной и коммуникативной нагрузки оригинала [15, с. 116]. Проведенный анализ подтверждает, что интерференция является типичным, а не случайным явлением в переводе общественно-политических текстов. Это системное искажение, в основе которого комплекс лингвистических, профессиональных и прагматических причин. Ниже представлены основные факторы, приводящие к деструктивной интерференции на лексико-семантическом, синтаксическом и прагматико-стилистическом уровнях.

1. Гипертрофированная ориентация на формальное соответствие. Переводчик идет по пути «буквализма», калькируя структуры и слова. Снижение уровня лексико-семантической, стилистической и прагматической эквивалентности текста воспринимается им как «точность».

2. Недостаточная переводческая компетенция. Незнание коммуникативно-релевантных эквивалентов в ПЯ, отсутствие необходимых фоновых знаний, непонимание концептуального смысла профессиональной терминологии, слабое чувство стиля и регистра – все это служит препятствием к созданию адекватного перевода в максимально сжатые сроки, что является одним из приоритетных условий в медийном пространстве. Жесткие временные рамки не дают возможность переводчику проанализировать контекст и выполнить стилистическую адаптацию.

3. Неумение определять единицу перевода и семантическая «близорукость». Переводчик работает с отдельными лексическими единицами, а не с целостными смысловыми блоками, пренебрегая прагматикой текста.

4. Игнорирование культурного кода. В процессе перевода текстов СМИ зачастую выполняется механический перенос реалий, метафор, аллюзий без адаптации к принимающей культуре.

Причины интерференции на прагматическом и идеологическом уровне требуют отдельного рассмотрения. В зависимости от угла зрения, ситуации и контекста, целевой аудитории и социального заказа они могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер. Анализ примеров прагматико-идеологической интерференции позволяет сделать вывод о том, что в медийном дискурсе подобный перевод является преимущественно не ошибкой, а приемом, направленным на информационно-психологическое воздействие. На этом уровне перевод перестаёт быть инструментом взаимодействия между текстом и читателем, превращаясь в средство общения между заказчиком перевода и массовым сознанием. В результате лингвистическая проблема трансформируется в политический проект, в котором нейтральный посредник – переводчик – выступает в роли солдата, выполняющего задачи на идеологическом фронте. Традиционные переводческие стандарты «адекватности» и «эквивалентности» сознательно приносятся в жертву целям «полезности» и «лояльности» определенной системе взглядов. В результате реципиент оригинала и реципиент перевода получают семантически и оценочно разные тексты об одном и том же предмете. Они живут в разных информационных реальностях, сконструированных переводчиком. Следовательно, интерферентный перевод служит целенаправ-

ленным инструментом, основным механизмом адаптации иноязычного медиаконтента к требованиям внутренней политико-идеологической повестки.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что межъязыковая интерференция при переводе военно-политических текстов является системной проблемой. Ее проявление на лексико-семантическом, синтаксическом, прагматико-стилистическом и идеологическом уровнях порождается комплексом причин (от буквализма и недостатка компетенций до жестких временных рамок и культурно-идеологической адаптации). Анализ материалов выявил двойственную природу интерференции, которая проявляется и как механизм деструктивных искажений (семантических сдвигов, калькирования, прагматической нейтрализации), и как осознанный стратегический прием. Предложенные инструменты верификации эквивалентов, адаптации метафор и стилистической коррекции направлены на минимизацию рисков и повышение качества перевода, что непосредственно влияет на точность информационного обмена в условиях высокой напряженности. Следовательно, системная работа по преодолению деструктивной интерференции укрепляет как профессиональные стандарты перевода, так и основы международного диалога.

Список источников

1. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1972. 80 с.
3. Попова М.В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 6 (797). С. 52-64.
4. Комиссаров В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // *Interferenz in der Translation* / Hrsg. von Heide Schmidt. Leipzig, 1989. 203 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М., 2004. с. 318-321.
6. Федулова М.Н., Черных Е.В. Функционирование межъязыковой интерференции в переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 10 (878). С. 126-131.

7. Черных Е.В. Межъязыковая интерференция в переводе как единство процесса и результата // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московский архитектурно-строительный институт. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-interferentsiya-v-perevode-kak-edinstvo-prot-sessa-i-rezultata> (дата обращения: 14.10.2025).

8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.

9. Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Воен. ун-т. М., 2004. 40 с.

10. Вахромеева Г.Э. Эволюция взглядов на проблему языковой интерференции // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2014. № 5. С. 17-22.

11. Weichert V.J. Russia's Su-57 Felon Fighter Jet Is Stronger than America Wants to Admit. [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/russias-su-57-felon-fighter-jet-stronger-than-america-wants-to-admit-bw-112825> (дата обращения: 1.12.2025).

12. Российский Су-57 сильнее, чем Америка готова признать. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20251201/istrebiteli-275899739.html> (дата обращения: 01.12.2025).

13. Супрун А.Е., Клименко А.П. Психолингвистическая межъязыковая интерференция / А.Е. Супрун, А.П. Клименко // Языковой контакт. Минск: РИВШ, 2015. С. 212-223.

14. Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е. Интерпретационный фактор в переводе: Методический аспект // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7. №. 1. С. 100-110.

15. Черных Е.В. Практическая реализация межъязыковой интерференции в специальном переводе // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московский архитектурно-строительный институт. 2023. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskaya-realizatsiya-mezhyazykovoy-interferentsii-v-spetsialnom-perevode> (дата обращения: 08.11.2025).

References

1. Vinogradov V.A. Interference // Linguistic encyclopedia / Gl. ed. by V.N. Yartsev. М.: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 p.

2. Rosenzweig V.Y. Language contacts. Linguistic problems / V.Y. Rosenzweig. L.: Nauka. Leningr. department, 1972. 80 p.

3. Popova M.V. Approaches to the interpretation of the concept of "interference" in Russian and foreign science // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. №. 6 (797). P. 52-64.

4. Komissarov V.N. The problem of interference in translation theory // Interferenz in der Translation / Hrsg. von Heide Schmidt. Leipzig, 1989. 203 p.

5. Garbovsky N.K. Theory of translation / N.K. Garbovsky, М., 2004. P. 318-321.

6. Fedulova M.N., Chernykh E.V. The functioning of interlanguage interference in translation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. No. 10 (878). P. 126-131.

7. Chernykh E.V. Interlanguage interference in translation as a unity of process and result. // Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering. 2022. No. 4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-interferentsiya-v-perevode-kak-edinstvo-prot-sessa-i-rezultata> (date of access: 14.10.2025).

8. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary. 3rd ed., revised by М.: Flint: Nauka, 2003.

9. Alimov V.V. Interference in translation: based on the material of professionally oriented intercultural communication and translation in the field of professional communication: abstract of the dissertation. ... Doctor of Philology: 02/10/19 / Military. un-t. M., 2004. 40 p.

10. Vakhromeeva G.E. The evolution of views on the problem of linguistic interference // Multilingual education as a basis for preserving the linguistic heritage and cultural diversity of mankind. 2014. No. 5. P. 17-22.

11. Weichert B.J. Russia's Su-57 Felon Fighter Jet Is Stronger than America Wants to Admit. [Electronic resource]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/russias-su-57-felon-fighter-jet-stronger-than-america-wants-to-admit-bw-112825> (date of access: 01.12.2025).

12. Rossijskij Su-57 sil'nee, chem Amerika gotova priznat'. [Electronic resource]. URL: <https://inosmi.ru/20251201/istrebiteli-275899739.html> (data of access: 01.12.2025).

13. Suprun A.E. Psycholinguistic interlanguage interference / A.E. Suprun, A.P. Klimenko // Language contact. Minsk: RIVSH, 2015. P. 212-223.

14. Davletshina D.K., Korovkina M.E. The interpretative factor in translation: A methodological aspect // Philological Sciences at MGIMO, 2021, vol. 7, No. 1. P. 100-110.

15. Chernykh E.V. Practical implementation of interlanguage interference in a special translation // Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering. 2023. No. 4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskaya-realizatsiya-mezhyazykovoy-interferentsii-v-spetsialnom-perevode> (date of access: 08.11.2025).

Информация об авторах

Арбузова Наталия Александровна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Семенова Людмила Алексеевна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Nataliya N. Arbuzova, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Kluch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Lyudmila A. Semyonova, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Kluch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 06.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 06.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 81'25

EDN: <https://elibrary.ru/MRYMNY>

ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

Афонасова Валентина Николаевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

vafonasova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к характеристике текстов военной публицистики, ее жанровые виды, стили и языковые особенности, которые требуют отдельных переводческих решений. Большая часть речевых жанров военной сферы находится в области «интрапрофессиональной коммуникации», которая не выходит за пределы профессиональной общности, и за счет этого обладает специфическими институциональными структурными и языковыми средствами.

В контексте выявленных общих особенностей военной периодики был проведен компонентный анализ журнала Командования специальных операций США «Tip of the Spear», методом сплошной выборки были найдены советующие целям исследования фрагменты статей и проиллюстрированы способы их перевода на русский язык.

Анализом, проведенным в ограниченных рамках данной статьи, не исчерпывается вся глубина рассматриваемой темы, которая требует дальнейшего глубокого изучения.

Ключевые слова: военная публицистика, интрапрофессиональная коммуникация, языковой репертуар, переводческие решения.

Для цитирования: Афонасова В.Н. Письменный перевод текстов англоязычной военной периодики // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 88-95.

WRITTEN TRANSLATION OF ENGLISH-LANGUAGE MILITARY PERIODICALS

Valentina N. Afonasova

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

vafonasova@mail.ru

Abstract. The article deals with the theoretical approaches to the characteristics of military journalism texts, their genre types, styles, and linguistic features, which require specific translation solutions. Most of the speech genres in the military sphere belong to the field of «intra-professional communication», which does not extend beyond the professional community and therefore has specific institutional structural and linguistic features.

In the context of the identified key features of military periodicals, a component analysis of the U.S. Special Operations Command's «Tip of the Spear» magazine was conducted, and fragments of articles were selected using the continuous sampling method to meet the research objectives. The methods of translating these articles into Russian were also illustrated.

The analysis conducted within the limited scope of this article does not cover the full depth of the topic, which requires further in-depth study.

Keywords: military journalism, intra-professional communication, language repertoire, and translation solutions.

For citation: AfonasoVA V.N. Written translation of english-language military periodicals // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 88-95.

Введение

Изучение и анализ повседневной и боевой деятельности сильнейших армий мира является жизненно необходимым в нашем нестабильном мире. Значительный объем информации о структуре, целях и задачах, вооружении и технике, экипировке, учениях и боевых операциях вооруженных сил разных стран можно получить из открытых источников. Военная периодическая печать, безусловно, является одним из ключевых каналов получения такой информации. Однако полное понимание текстов, публикуемых в специализированной зарубежной периодике, требует от военного специалиста либо высокого уровня владения иностранным языком, либо возможности доступа к профессионально выполненному переводу.

Цель данной статьи заключается в изучении особенностей, присущих материалам англоязычной военной периодики в целом и журналу Командования сил специальных операций США «Tip of the Spear» в частности. В контексте выявленных особенностей задачей исследования также является анализ переводческих решений для перевода на русский язык фрагментов текстов из упомянутого журнала.

Р.К. Миньяр-Белоручев считает, что военная публицистика «по своим характеристикам во многом (кроме военной терминологии) совпадает с газетно-информационными материалами» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 95].

А.Д. Швейцер, анализируя проблемы, с которыми сталкивается переводчик военной публицистики, также утверждает, что военная публицистика в значительной мере обладает общими функционально-стилистическими особенностями газетно-публицистического стиля, но при этом она имеет и ряд «специфических черт, которые не могут не получить отражения в процессе перевода.

Эти черты определяются спецификой тем, установкой на определенную читательскую аудиторию, а также некоторыми традициями данного функционального жанра» [6, с. 207]. К специфичным элементам англоязычной военной публицистики ученый относит военную терминологию, язык военных уставов и документов, официально-деловую речь, беллетристику, разговорно-бытовую речь, общенародный и военный сленг [4].

Н.К. Гарбовский и Э.Н. Мишкуроев полагают, что «было бы ошибкой сведение всех коммуникативных жанров, функционирующих в сфере военной деятельности, к какому-либо одному функциональному стилю, несмотря на то что они обслуживают некую общую среду, общую сферу коммуникации» [1, с. 17]. Ученые выделяют несколько специфических вариантов «функционально-коммуникативных систем», которые можно обнаружить в сфере военной коммуникации: военно-официальный, военно-научный, военно-публицистический, военно-художественный, военно-исторический и тому подобные варианты известных функциональных стилей» [1, с. 17].

Н.К. Гарбовский и Э.Н. Мишкуроев относят большую часть речевых жанров сферы военной деятельности к области «интрапрофессиональной коммуникации», которая не выходит за пределы профессиональной общности и представлена тремя группами. В первую группу входят военная публицистика (газетные и журнальные жанры), военно-научные жанры (статьи, монографии), дидактические материалы (учебники, учебные пособия). Вторую группу представляют регуляционные жанры (общевойсковые уставы, наставления, инструкции, а также приказы, команды, листовки, донесения, распоряжения и т.п.) Третью позицию занимает жанр боевых уставов [1].

Е.А. Кучинская, исследуя жанр и композицию текста в современной военной периодике, подразделяет жанры журналистики «на три вида – информационные (новость, заметка, интервью, реплика, репортаж, отчет), аналитические (статья, корреспонденция, рецензия, комментарий, интервью), и художественно-публицистические (очерк, зарисовка, фельетон, памфлет)» [2, с. 66].

Языковой репертуар текстов англоязычной военной периодики, несмотря на разнообразии жанров, характеризуется наличием терминологии, соответствующей той или иной сфере военного дела; большой плотностью из-за аббревиатур, акронимов и других сокращений; присутствием реалий, отражающих уникальные явления и предметы военной организации, культуры, истории. Может встречаться оценочная лексика для эмоциональной окраски описываемых событий. Часто используются длинные предложения, причастные обороты, что требует грамматических трансформаций и актуального членения при переводе на русский язык. Все это обязан учитывать переводчик военно-публицистических материалов военных периодических изданий [4].

Анализ высокопрофессиональных переводческих работ позволил Н.К. Гарбовскому и Э.Н. Мишкурину установить «основные требования, предъявляемые, в частности, к письменному переводу военной публицистики:

- сохранение в переводном тексте рельефно очерченной профессиональной концептосферы источника, его информативно-объективной полноты;

- точную однозначную логически корректно выраженную вербализацию смысла содержания оригинала средствами ПЯ;

- коррелятивный подбор терминологической номенклатуры, соотносимых стандартизированных условных обозначений, сокращений и аббревиатур, специальных знаков-индексов и символов и т.п.;

- сохранение стилеобразующих характеристик оригинала в ПТ;

- воспроизведение нормативной архитек-

тоники (структуры) иноязычного текста на ПЯ (с необходимыми комментариями при наличии существенных композиционных расхождений в построении военного текста на ИЯ и ПЯ) и т.д.» [1, с. 27-28].

На основе этих основных требований к письменному переводу разножанровых текстов военной периодики более детальную картину специфики такого перевода можно представить следующим образом:

- перевод должен четко передавать профессиональные понятия при полном сохранении информационного и функционального содержания исходного текста;

- смысл исходного текста должен быть точно, логично и недвусмысленно передан в переводе;

- текст перевода должен содержать эквивалентные содержанию оригинала термины, условные и номенклатурные обозначения, сокращения, аббревиатуры;

- в тексте перевода должны быть правильно интерпретированы культурно обусловленные реалии и термины;

- стилистические особенности исходного текста должны быть по возможности сохранены;

- композиционная структура текста перевода должна четко соответствовать структуре исходного текста [5].

Материал и методы

Материалом исследования послужили выпуски журнала Командования сил специальных операций США «Tip of the Spear» за 2025 г. Контент-анализ материалов журнала показывает, что информационное наполнение обладает четко выраженными особенностями, характерными для военного периодического издания. В качестве методов исследования использовались общенаучные методы теоретического анализа, метод сплошной выборки иллюстративного материала, сравнительный анализ единиц исходного языка и соответствующих ему единиц перевода, описание и обобщение данных.

Результаты исследования

Журнал «Tip of the Spear» представляет собой показательный пример «интрапро-

фессиональной коммуникации» [1], которая происходит внутри профессиональной среды сил специальных операций США. Главная задача журнала – обеспечить военнослужащих надежной информацией о текущих задачах, оперативных изменениях и стратегических приоритетах командования, формируя единое информационное поле для подразделений сил специальных операций разных видов и родов войск США.

Стандартизированная структура журнала «Tip of the Spear» делает его содержание предсказуемым и логически выстроенным. Каждый выпуск разделен на функциональные блоки, посвященные отдельным аспектам деятельности различных подразделений специального назначения.

1. Взаимодействие с союзниками, анализ опыта зарубежных партнеров, гуманитарные операции (Theater Special Operations Commands).

2. Новости, репортажи и другие публикации о спецназе сухопутных войск США (U.S. Army Special Operations Command).

3. Публикации о деятельности военно-морского спецназа (Naval Special Warfare Command).

4. Публикации о работе спецназа ВВС (Air Force Special Operations Command).

5. Публикации о спецназе морской пехоты (Marine Forces Special Operations Command).

6. Публикации о мероприятиях (спортивных соревнованиях, церемониях награждения за проявленный героизм и т. п.), проводимых под эгидой Командования специальных операций США (Headquarters).

Контент-анализ журнала «Tip of the Spear» показывает, что информационное наполнение обладает четко выраженными особенностями, характерными для военной периодики.

Во-первых, преобладает официальный, институционально обусловленный стиль, который полностью соответствует нормам военной коммуникации. Характерной чертой публикаций является исключение двусмысленности, субъективных трактовок и

минимум эмоциональной окраски, что подчеркивает их документальный характер.

Во-вторых, визуальная часть журнала занимает существенный объем. Фотографии документируют реальные события, учения и операции, создавая эффект визуальной достоверности и усиливая эмоциональное воздействие.

В-третьих, материалы стратегически используются для создания позитивного имиджа сил специальных операций, акцентируя внимание на их подготовке, дисциплине и профессионализме. Это формирует доверие к институту военного спецназа, укрепляет моральный дух и демонстрирует технологическое превосходство сил спецопераций США.

Статьи часто содержат сведения прикладного характера, описывая операции, учения, методы взаимодействия с другими подразделениями.

Перейдем к анализу переводческих решений при работе с текстами журнала «Tip of the Spear».

Начнем с передачи в переводе реалий, непосредственно связанных с силами специальных операций сухопутных войск США. На поясняющей подписи к фото читаем заглавие «*Green Beret candidates participate in Robin Sage exercise*». Это заглавие можно перевести без обращения к дальнейшему короткому разъяснению, если только переводчик владеет фоновыми знаниями и понимает значение реалии *Robin Sage*. Обратимся за возможной подсказкой к тексту статьи.

Исходный текст: *A role player from the fictitious country of "Pineland," joins Special Forces candidates assigned to the U.S. Army John F. Kennedy Special Warfare Center and School, as they take part in a raid against enemy role players as part of the final phase of field training known as **Robin Sage** in central North Carolina, December 17, 2024. Robin Sage is the culmination exercise for Soldiers in the Special Forces Qualification Course and has been the **litmus test** for Soldiers striving to earn the Green Beret for more than 50 years* [7, p. 17].

Текст перевода: Ролевик из вымышленной страны «**Пайнленд**» в центральной части Северной Каролины присоединяется к другим ролевикам – кандидатам, приписанным к Центру и школе специального назначения имени Джона Ф. Кеннеди Сухопутных войск США, и желающим служить в спецназе. 17 декабря 2024 года они принимают участие в рейде спецназа против «вражеских» ролевиков в рамках заключительного этапа полевых занятий, известного как «**Робин Сейдж**». «Робин Сейдж» – это кульминационное упражнение для военнослужащих на квалификационном отборе в силы специального назначения, которое уже более 50 лет служит **лакмусовой бумажкой** для военнослужащих, стремящихся получить звание «Зеленый берет».

В тексте встречаются реалии, которые либо уже знакомы русскоязычному читателю (*Green Beret* – Зеленый Берет), либо не представляют труда и передаются калькированием (*U.S. Army John F. Kennedy Special Warfare Center and School* – Центр и школа специального назначения имени Джона Ф. Кеннеди Сухопутных войск США). Значение реалии *Pineland* как вымышленной страны раскрывается в самом тексте и на русский язык передается транскрипцией. Однако реалия *Robin Sage* требуют переводческого комментария.

Из статьи понятно, что «Робин Сейдж» – это заключительный этап обучения бойцов спецназа, который проводится на территории Северной Каролины.

Для переводческого комментария находим информацию, что данный этап является четвертым по счету, когда кандидаты в сухопутный спецназ доказывают свою способность действовать как в команде, так и индивидуально в неспецифических и сложных ситуациях, и назван этот этап в честь полковника Сухопутных войск США Джерри Майкла Сейджа, который был захвачен немцами во время Второй мировой войны и совершил двенадцать попыток бежать из плена, и на двенадцатый раз – удачно.

Помимо передачи реалий в переводе дан-

ного небольшого текста потребовалось применить аналог идиомы *litmus test* – лакмусовая бумажка, выполнить синтаксические перестроения, поставить рему в конец русского предложения и сделать добавления (*желающим служить в спецназе*).

В следующем примере проанализируем способы перевода военных терминов:

Исходный текст: *The Airmen, including **combat controllers, pararescuemen and special reconnaissance troops**, operated from the island of St. Croix to **conduct land, sea and air missions with fixed- and rotary-wing aircraft** as part of exercise Emerald Warrior 25.2, according to the special **tactics officer** who served as **lead planner*** [8, p. 26].

Текст перевода: По словам офицера по специальной тактике, который выполнял функции **ведущего планировщика**, летчики, включая **авиационных наводчиков, парашютистов-спасателей и специальные разведывательные подразделения**, действовали с острова Сент-Круа, выполняя задачи на земле, в море и воздухе на самолетах и вертолетах в рамках учений Командования специальных операций ВВС *Emerald Warrior 25.2* (*Изумрудный воин 25.2*).

Для перевода данного предложения потребовалось знание эквивалентных терминов, связанных с военно-воздушными силами. Кроме того, было использовано добавление (*Командования специальных операций ВВС*) для передачи точного смысла, сделано актуальное членение предложения с переносом последней части предложения в его начало. Что касается названия учений, то его можно оставить в оригинальном написании *Emerald Warrior*, используя прием прямого включения, но также можно к нему добавить перевод-кальку *Изумрудный воин*.

Перевод аббревиатур и акронимов в журнале «Tip of the Spear» не представил большого труда, поскольку при их первом использовании в публикации обязательно дается расшифровка.

Исходный текст: «*This is the first wargame [the] **MCWL** and **MARFORSOC** have teamed up for*», said Dan Wisniewski, the wargame

analyst lead for MCWL for annual Para Bellum Horizon [10, p. 28].

Текст перевода: В ежегодном обзоре военной игры *Para Bellum Horizon* ведущий аналитик лаборатории военных игр Корпуса морской пехоты Дэн Вишневецки сказал: «Это первая военная игра, для участия в которой отдел военных игр Лаборатории боевых действий морской пехоты и Командование специальных операций морской пехоты создали единую команду».

Перевод акронима *MARFORSOC* (Marine Forces Special Operations Command) не вызвал затруднений, а перевод аббревиатуры *MCWL* (Marine Corps Warfighting Lab's) нужно было сверить с уже существующим в интернете по частотности его употребления. Название игры переводить не стоит, латинское ее звучание и написание вполне можно считать прецедентным и известным многим.

В последнем примере нет переводческих трудностей, в нем присутствует оценочная лексика, которая также является одной из особенностей некоторых текстов англоязычной периодики.

Исходный текст: *USSOCOM develops and employs **the world's finest** SOF to serve as a **key enabler** for the joint force, **detering aggression** and when necessary, **fighting to***

win [9, p. 31].

Текст перевода: *USSOCOM разрабатывает и использует **лучшие в мире** системы ПВО, которые служат **ключевым фактором** для объединенных сил, **сдерживая агрессию** и, при необходимости, **сражаясь за победу**.*

В переводе данного предложения следует сохранить стилистически использованный автором некоторый пафос и превосходную степень характеристики вооружения, что свойственно американцам не только в военной сфере.

Заключение

В заключение следует отметить, что при переводе текстов военной периодики следует соблюдать жанрово-стилистические особенности языка перевода, тщательно подходить к передаче реалий в переводе, поскольку они достаточно многочисленны и они несут в себе значительную смысловую и прагматическую нагрузку всего текста. При переводе терминов, аббревиатур, акронимов следует ориентироваться на ту сферу военной деятельности, в контексте которой они употребляются. Для военного переводчика актуальные тексты военной периодики выступают инструментом профессионального роста как в лингвистическом, так и в военном плане.

Список источников

1. Гарбовский, Э.Н. Мишкuroв Н.К. Военный перевод в современном мире (Теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 2. С. 17-41. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyy-perevod-v-sovremennom-mire-teoretiko-metodologicheskie-lingvisticheskie-voenno-istoricheskie-i-sotsialno-politicheskie> (дата обращения: 21.11.2025).
2. Кучинская Е.А. Жанр интервью в текстах военной периодики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1-2. С. 66-70. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15229733_66343057.pdf (дата обращения: 24.11.2025).
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод / Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
4. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В.В. Сдобников. М.: Флинта: Наука, 2015. 461 с.

5. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/strelkovski.shtml (дата обращения: 10.11.2025).

6. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А.Д. Швейцер. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2018. 282 с.

7. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. February, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (дата обращения: 26.11.2025).

8. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. April, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (дата обращения: 26.11.2025).

9. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. August, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (дата обращения: 26.11.2025).

10. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. October, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (дата обращения: 26.11.2025).

References

1. Garbovsky E.N. Mishkurov N.K. Military Translation in the Modern World (Theoretical, Methodological, Linguistic, Military-Historical, and Socio-Political Aspects) // Bulletin of Moscow University. Ser. 22. Theory of Translation. 2010. No. 2. P. 17-41. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyy-perevod-v-sovremennom-mire-teoretiko-metodologicheskie-lingvisticheskie-voenno-istoricheskie-i-sotsialno-politicheskie> (date of access: 21.11.2025).

2. Kuchinskaya E.A. The Genre of the Interview in the Texts of Military Periodicals // Bulletin of Vyatka State University for the Humanities. 2010. No. 1-2. P. 66-70. [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15229733_66343057.pdf (date of access: 24.11.2025).

3. Minyar-Beloruhev R.K. General Theory of Translation and Interpreting / R.K. Minyar-Beloruhev. М.: Voenizdat, 1980. 237 p.

4. Sdobnikov V.V. Translation and communicative situation: a monograph / V.V. Sdobnikov. М.: Flinta: Nauka, 2015. 461 p.

5. Strelkovsky G.M. Theory and Practice of Military Translation. German language. М.: Voenizdat, 1979. 272 p. [Electronic resource]. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/strelkovski.shtml pdf (date of access: 10.11.2025).

6. Shveytser A.D. Translation and Linguistics: On Newspaper and Military-Journalistic Translation / A.D. Shveytser. 2nd edition. М.: LENAND, 2018. 282 p.

7. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. February, 2025. [Electronic resource]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (date of access: 26.11.2025).

8. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. April, 2025. [Electronic resource]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (date of access: 26.11.2025).

9. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. August, 2025. [Electronic resource]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (date of access: 21.11.2025).

10. Tip of the Spear US Special Operations Command MacDill AFB, Florida. October, 2025 [Electronic resource]. URL: https://t.me/poisk_mil/9697?ysclid=mj2uac2721772606011 (date of access: 26.11.2025).

Информация об авторе

Афонасова Валентина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Valentina N. Afonasova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe, 6/2).

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 811

EDN: <https://elibrary.ru/OYEENM>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА УСПЕШНОЙ ЖЕНЩИНЫ В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Глибина Анна Алексеевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

Anna.Glibina@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических средств, используемых в американской и русской лингвокультурах для создания образа успешной женщины. В американских СМИ данный образ создаётся преимущественно при помощи терминологических единиц, неологизмов и имён собственных (антропонимов), что делает акцент на деловых качествах женщин и их ориентированности на будущее. Благодаря такому выбору лексических средств образ успешной женщины выглядит достаточно идеализированно. В русской лингвокультуре для создания рассматриваемого образа более широко используются эмоционально-оценочная лексика, заимствования, сленг, что делает образ более многогранным, но противоречивым.

Ключевые слова: лингвокультура, образ, феминитив, эмоционально-оценочная лексика, термин, имя собственное, неологизм, разговорная лексика.

Для цитирования: Глибина А.А. Лингвистические средства создания образа успешной женщины в американской и русской лингвокультурах // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 96-102.

LINGUISTIC MEANS OF SUCCESSFUL WOMAN'S IMAGE CREATION IN AMERICAN AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Anna A. Glibina

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

Anna.Glibina@inbox.ru

Abstract. This paper analyzes lexical means of a successful women's image creation which are used in American and Russian linguistic cultures. In American media this image is formed mainly by means of terminological units, neologisms, and proper nouns (anthroponyms). Such lexical units emphasize business qualities of the successful women, and their focus on the future, which leads to the creation of an idealized image. In Russian linguistic culture emotional-value words, slang, and borrowed words are used more frequently, which makes the image more versatile, but controversial.

Keywords: linguistic culture, image, feminitive, emotional-evaluative lexical unit, term, proper noun, neologism, colloquial words.

For citation: Glibina A.A. Linguistic means of successful woman's image creation in american and russian linguistic cultures // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 96-102.

В современном мире тексты СМИ являются важным средством воздействия на систему ценностей и мировоззрение человека. В них часто репрезентируются определенные образы, тесно связанные с конкретными типажам, постоянное обращение к которым формирует у целевой аудитории определенное отношение к ним, а нередко и желание им подражать.

Одним из подобных образов является образ успешной женщины, который в разных культурах имеет нетождественное наполнение.

Актуальность рассматриваемой темы состоит в необходимости изучения того, при помощи каких лексических средств американские и российские СМИ создают (и нередко предпринимают попытки трансформировать) образ успешной женщины в соответствующих лингвокультурах.

Объектом изучения выступает образ успешной женщины как сложный лингвокультурный конструкт.

Предметом исследования являются лексические средства создания образа успешной женщины в американской и русской лингвокультурах.

В качестве **материала** было взято 40 публикаций в рамках данной тематики (преимущественно, интервью), размещённых в свободном доступе в 2023-2025 гг. на сайтах газет The Washington Post, USA Today, The New York Times, The Wall Street Journal, Chicago Tribune, входящих в топ-пять американских газет по количеству подписчиков [9]. В данном корпусе текстов посредством приёма сплошной выборки было выявлено 656 лексических единиц (326 лексем на английском и 330 на русском языках), используемых для создания образа успешной женщины.

Исследованию лингвокультурного образа посвящены работы Боровицкой Е.И. [1], Васильева А.Д. [2], Макаровой А.Д. [4], Коковиной Н.З, Стародубцевой Е.А. [3], Немирова В.Ю. [5], Телегиной В.А., Синельникова Ю.Г. [6] и др. Согласно Макаровой А.Д., лингвокультурный образ изучается в единстве язы-

ка, сознания и культуры на основе дискурса, в котором преимущественно используется. Он обладает национально-культурной спецификой и стереотипизированными характеристиками, которые реализуются в языке [4]. Как отмечает Немиров В.Ю., лингвокультурные образы возникают путём образования сложных, поливалентных связей между несколькими концептами, существующими в обыденном сознании как одного человека, так и языковой общности [5, с. 2].

Термин лингвокультурный образ употребляется для «обобщённого обозначения как вымышленных, так и реальных носителей какой-либо культуры и языка, включает их индивидуально-оценочное отношение к явлениям и фактам окружающего мира и самим себе, реализуемое на лексическом и дискурсивном уровнях» [1, с. 8-9].

Медийный дискурс активно использует (создаёт, эксплуатирует и трансформирует) различные лингвокультурные образы. На уровне текста основную роль в создании лингвокультурного образа играют языковые единицы разных уровней. Так, для создания образа успешной женщины в американской и русской лингвокультурах используется широкий языковой инструментарий: термины, профессионализмы, эмоционально-оценочная лексика, заимствования и др.

Проанализированный эмпирический материал показал, что в американском медийном дискурсе образ успешной женщины создается преимущественно с помощью терминов, профессионализмов, номенов и общенаучной лексики, так как при помощи данных лексем демонстрируется высокий профессионализм, а также карьерные достижения успешных женщин.

В результате анализа указанного корпуса текстов было отобрано 93 термина, 85 % которых представлены именами существительными. Данные термины относятся преимущественно к следующим областям: финансово-экономическая, юридическая, медицинская, техническая, социально-политическая и др. Термины из двух первых областей употребляются во всех проанализированных

текстах, что указывает на то, что экономические и юридические аспекты прямо либо косвенно затрагивают любые виды деятельности, в которых успешные женщины себя реализуют. Используются как общеэкономические термины, так и узкоспециализированные термины, например, *wholesale, distributor, acquisition, CEO, equity, securities, assets, margin, net profit, to leverage, revenue* и др. Аналогичная ситуация наблюдается и относительно юридической терминологии. Термины, относящиеся к двум данным областям, достаточно сложно разделить, поэтому будем полагать, что в таком случае речь идёт о бизнес-терминологии: *limited liability company, succession, articles of association, human resources, beneficiary, third party, installments, to leverage* и др.

Медицинская и техническая терминология встречаются реже, поскольку употребляются в текстах, посвящённых успешным женщинам, работающим в данных областях.

Общенаучная лексика (42 единицы), используемая в корпусе англоязычных текстов, помогает создать образ компетентного специалиста, являющегося профессионалом в своей области, который имеет хорошее образование, может апеллировать к научным понятиям, фактам, данным и доказательствам, что также влияет на формирование образа успешной, деловой женщины.

Профессионализмы (16 лексем) активнее всего употреблялись в областях экономики и технологий, демонстрируя глубокое знание и понимание отрасли, в которой успешные женщины работают. При этом тексты не перегружены профессионализмами, что позволяет целевой аудитории легко понимать их смысл, исходя из контекста.

Следует отметить, что при создании образа успешной женщины в текстах американских изданий практически не использовалась разговорная лексика, эвфемизмы, диалектизмы, заимствования; полностью отсутствовали вульгаризмы, что можно объяснить стремлением американских женщин использовать литературный стиль общения в интервью, поскольку разговорная лексика

может восприниматься как признак несерьёзности, показатель низкого уровня образования и т.п.

Для создания образа успешной женщины в американском медийном дискурсе также используются неологизмы (18 лексем), которые помогают подчеркнуть, что успешная женщина следует современным тенденциям в сфере бизнеса, разбирается в технических новинках, интересуется последними достижениями науки, следует трендам. Большая часть (63 %) рассмотренных неологизмов относится к областям экономики, ИИ и IT. Например, сюда можно отнести неологизмы *tech darling* (a term for a technology company that is highly popular and valued by investors due to its significant growth, innovation, and market success) [10], *finfluencer* (financial influencers who share investment tips, personal finance advice, and wealth-building strategies online) [8] и др.

Гендерно-маркированная лексика также влияет на создание образа успешной женщины в американском медиадискурсе. В корпусе исследованных текстов количество феминитивов составило 5 лексем (*first woman CEO, chairwoman, The Queen of AI*), которые использовались целенаправленно, чтобы подчеркнуть достижения женщин в развитии компьютерных технологий и ведении бизнеса.

Однако должности, занимаемые женщинами, обозначаются, как правило, без использования феминитивов, под которыми в данной работе вслед за Шкаликовым М.М. и Нагорной М.С. будем понимать «любые слова, обозначающие женщин, в том числе производные, образованные от мужского коррелята» [7, с. 71]. Например, используются единицы *founder and CEO, expert in communications, entrepreneur, merchandising executive, third-generation stakeholder and the chief marketing officer, Harvard physician, HS educator* и т.д. в количестве 32 единиц. Такое отсутствие указания на гендерную принадлежность ставит знак равенства между мужчинами и женщинами на рабочем месте.

Эмоционально-оценочная лексика активно использовалась в англоязычных текстах для подчеркивания достижений успешных женщин. Всего было выделено 47 эмоционально-оценочных лексических единиц, используемых для оказания прагматического воздействия на целевую аудиторию.

Для создания образа успешной женщины в американской лингвокультуре широко используются антропонимы и топонимы. Антропонимы (32 единицы) включают в себя имена известных людей, глав компаний, ученых и общественно-политических деятелей, с которыми часто сотрудничают героини выборки. Топонимы (как правило, названия городов и стран) в количестве 10 единиц помогают создать образ успешной женщины, ведущей бизнес на международном уровне. Также часто встречаются названия компаний, корпораций, учебных организаций, благотворительных фондов и т.д., что подчеркивает значимую роль данных женщин в обществе, поскольку упоминаемые ими названия компаний обычно относятся к руководимым или созданным ими организациям или к компаниям, находящимся под руководством других людей, но с которыми они тесно сотрудничают; названия изобретений, программ, наград, книг (12 единиц), авторство которых принадлежит женщинам из выборки и которые направлены на содействие развитию общества или уже используются в различных сферах, что является поводом для гордости для данных женщин и наглядным свидетельством их успеха, что они и подчеркивают в своих интервью и публикациях.

В русскоязычном медийном дискурсе наблюдается несколько иная ситуация. Во-первых, в русскоязычном медийном дискурсе профессионализмы (12 единиц), а также термины (68 лексем), использовались менее активно.

Термины и профессионализмы, используемые в русской лингвокультуре, как и в американской, чаще всего представлены лексемами, взятыми из области бизнеса, например, *оборотка*, *подрядчик*, *ГПХ*, *вы-*

ручка, *прибыль*, *маркетплейс*, *логистический центр*, *стартап*, *персонал*, *мелкий опт*, *промоакция*, *тайм-менеджмент*, *тимбилдинг*, *мерчендайзер*, *ПВЗ*, *локализация*, *кастомизация* сферы информационных технологий (*искусственный интеллект*, *трафик*, *приложение*, *нейронка*) и др. Обще-научная лексика периодически встречалась в медийных текстах для формирования образа успешной женщины (34 лексем), однако, она также была менее распространена по сравнению с публикациями американских СМИ. Приведённые примеры демонстрируют, что многие термины представляют собой заимствования из соответствующих англоязычных терминосистем, переданные при помощи транслитерации и / или транскрипции.

В русском языке также активно используются неологизмы (12 единиц), что позволяет подчеркивать осведомленность женщин о трендах, их понимание актуальных бизнес-тенденций, дополняя образ успешной женщины.

В русской лингвокультуре наблюдается большее число феминитивов, например, *стартаперша*, *основательница*, *совладелица*, *соосновательница*, *женщина-предприниматель* (9 единиц), однако, есть и исключения (12 единиц): *партнер*, *курьер*, *предприниматель*, *директор*, *автор*, *менеджер* (о женщинах), т.е. использование или отсутствие феминитивов во многом зависит от конкретной языковой личности. Тем не менее, частое использование феминитивов в русской лингвокультуре можно объяснить активизацией в настоящее время женщин в бизнес-сфере, что в США произошло гораздо раньше, и всё большим вовлечением женщин в бизнес-процессы, поэтому, вероятно, в статьях и интервью предпринимаются попытки подчеркнуть половую принадлежность успешного человека, чтобы подчеркнуть достижения женщин.

Для русскоязычных материалов, описывающих образ успешной женщины, характерно также использование следующих лексем:

1) сленгизмы (16 единиц), например: вайб, офигенный, суперлевел, сорри, классно, мем, токсичный, убиваться, кеш, нал, фешен, цеплять, триггерить, часть из которых образована от англоязычных единиц;

2) иноязычные заимствования (40 единиц), преимущественно из английского языка (фандрайзинг, франшиза, брендинг, фаундер, ивент-менеджер). Если часть заимствований относится к единицам, которые необходимо употреблять, потому что они связаны с бизнесом и экономическими процессами (рекрутер, маржинальность, франшиза, тренинг), то другая часть просто дублирует уже существующие в русском языке понятия и, возможно, продиктована желанием подчеркнуть желание говорить со своей молодой аудиторией на одном языке, используя модные слова, например, кейс вместо *дело*; *эйчар* вместо *работник отдела кадров*, прайс вместо *цена* и пр.;

3) вульгаризмы (7 единиц), например: факкап, пофиг, послать, жесь, косяки (т.е. недостатки), кайфовать.

В целом, разнообразие заимствований объясняется влиянием англоязычной культуры на разные сферы российского общества от коммерческой деятельности до социокультурной сферы, что приводит к массовому заимствованию лексических единиц из английского языка в русский. Однако чрезмерное употребление заимствований, а также сленга в некоторых интервью может быть обусловлено стремлением женщины показать, что она современная, непринужденная, знает молодежный стиль общения и употребляет модные и / или иноязычные слова. Соответственно, в русской лингвокультуре образ успешной женщины менее связан с формальным, официально-деловым стилем общения по сравнению с американскими публикациями.

В русскоязычных материалах имена собственные, особенно топонимы, встречаются на 10-15 % чаще. Они помогают подчеркнуть принадлежность успешной женщины к деловой сфере (например, часто использу-

ются названия банков (*Сбор, ВТБ, Газпром-банк, Альфа*), а также названия их приложений и элементов их экосистемы, например, *Домклик, Сбарбанк Онлайн* и т.п. Также среди имён собственных встречаются названия крупных промышленных и логистических компаний, например, *Деловые линии, ПЭК, Мечел, Газпром, Синергия* и т.п. Используются названия различных правовых, информационных и технологических сервисов, например, *Яндекс Директ, Консультант* и т.п., что помогает подчеркнуть включённость успешных женщин в самые современные бизнес-процессы.

Особое место занимают топонимы (35 лексем), которые помогают подчеркнуть территориальный охват деятельности успешной женщины, либо то, на какие рынки она нацелена.

В русскоязычных медийных текстах представлено большое количество эмоционально-оценочной лексики (82 единицы), которая, с одной стороны, подчеркивает эмоциональные переживания, взгляды на жизнь, проблемы или трудности, связанные с ведением бизнеса, или личные проблемы, и, с другой стороны, акцентирует внимание на личных достижениях женщин.

С помощью эмоционально-оценочной лексики героини публикаций открыто сообщают читателям о возможных трудностях с ведением бизнеса, что практически не встречается в англоязычных статьях. В отобранных русскоязычных материалах женщины не боятся заявлять о проблемах и неудачах (в американских публикациях представлен более идеализированный образ), что делает образ русскоязычной успешной женщины более живым и многогранным. При этом, если в англоязычной культуре чаще используются эмоционально-оценочные единицы с положительной коннотацией (например, *wonderful, fascinated, impressive, innovative, breath-taking*), то в русском языке в 48 % случаев используются единицы с отрицательной коннотацией (например, *конфликты и ругань, стеклянный потолок, самое страшное, препятствовать, недооце-*

нить и пр.), что помогает подчеркнуть трудности, которые женщина преодолела, чтобы достичь успеха.

Количественный анализ выборки показал, что на лексическом уровне в американском медийном дискурсе образ успешной женщины передается, главным образом, с помощью терминов, профессионализмов, неологизмов как единиц, демонстрирующих знания, глубокое понимание своей сферы деятельности и осведомленность о трендах и изменениях, позволяя создавать образ умной, образованной женщины с широким кругозором, что влияет на ее восприятие как успешного человека. Однако в данном образе подчёркиваются, в основном, деловые качества женщины. Намеренно создаётся карти-

ночный, положительный образ, к которому должна стремиться целевая аудитория.

В русской лингвокультуре для создания образа успешной женщины в большей степени используются эмоционально-оценочная лексика, топонимы, заимствования (преимущественно, англицизмы), разговорная лексика (сленг), в меньшей степени – термины, что делает образ успешной женщины в русской лингвокультуре многомерным, но иногда противоречивым и более приближенным к реальности, чем идеализированный образ успешной бизнес-леди в американской лингвокультуре. При помощи указанных лексических средств подчёркивается не только успех, но и то, какой ценой он достигнут, и насколько он противоречив.

Список источников

1. Боровицкая Е.И. Языковые средства создания лингвокультурного образа мигранта (на материале художественных текстов и их переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2021. 30 с.
2. Васильев А.Д. О трансформации лингвокультурного образа в медийном дискурсе // Сибирский филологический форум. 2019. № 4 (8). С. 12-22. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-25>.
3. Коковина Н.З., Стародубцева Е.А. Лингво-культурные образы в российских и американских телесериалах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. Вып. 4 (55). С. 65-67.
4. Макарова А.Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник ЧелГУ. Филология. 2011. Вып. 60. № 33 (248). С. 243-245.
5. Немиров В.Ю. К вопросу осущности понятия «Лингвокультурный образ» // Russian Linguistic Bulletin. No. 2 (62). DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.4>.
6. Телегина В.А., Синельников Ю.Г. Лингвокультурный образ женщины-политика в предвыборной картине Франции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 1. С. 182-184. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.49>.
7. Шкаликов М.М., Нагорная М.С. Феминитивы в русскоязычном коммуникативном пространстве современности: генезис и эволюция // Управление в современных системах. 2022. № 4 (36). С. 67-76.
8. NorthernLife. The Award-Winning Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://northernlifemagazine.co.uk/neologisms-2024> (дата обращения: 15.10.2025).
9. Press Release Power. Top 10 U.S. Newspapers by Circulation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pressreleasepower.com/the-top-10-us-daily-newspapers-by-circulation> (дата обращения: 24.10.2025).
10. Reddit. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reddit.com/r/AskEconomics/comments/laz0dl/what_is_a_tech_darling (дата обращения: 11.10.2025).

References

1. Borovitskaya E.I. Linguistic means of migrant's linguo-cultural image creation (based on fiction texts and their translations): author's thesis. Stavropol, 2021. 30 p.

2. Vasiliev A.D. On transformation of the linguo-cultural image in media discourse // *Siberian philological forum*. 2019. No. 4 (8). P. 12-22. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-25>.
3. Kokovina N.Z., Starodubtseva E.A. Linguo-cultural images in Russian and American TV serials // *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2024. Issue. 4 (55). P. 65-67.
4. Makarova A.D. Linguo-cultural image: subject matter of the concept // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences*. 2011. No. 33 (248). Issue. 60. P. 243-245.
5. Nemirov V.Yu. On the essence of the concept of "Linguo-cultural image" // *Russian Linguistic Bulletin*. No. 2 (62). DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.4>.
6. Telegina V. A., Sinelnikov Yu.G. Linguo-cultural image of a woman-politician in pre-election picture of France // *Philology. Theory and Practice*. 2018. No. 3 (81). Vol. 1 P. 182-184. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.49>.
7. Shkalikov M.M., Nagornaya M.S. Feminitives in the Russian-speaking communicative space of modernity: genesis and evolution // *Management in modern systems*. 2022. No. 4 (36). P. 67-76.
8. NorthernLife. The Award-Winning Magazine [Электронный ресурс]. URL: <https://northernlifemagazine.co.uk/neologisms-2024> (date of access: 15.10.2025).
9. Press Release Power. Top 10 U.S. Newspapers by Circulation [Electronic resource]. URL: <https://www.pressreleasepower.com/the-top-10-us-daily-newspapers-by-circulation> (date of access: 24.10.2025).
10. Reddit. [Electronic resource]. URL: https://www.reddit.com/r/AskEconomics/comments/laz0dl/what_is_a_tech_darling (date of access: 11.10.2025).

Информация об авторе

Глибина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Anna A. Glibina, candidate of philological sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 811

EDN: <https://elibrary.ru/PUWANM>

КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА РЕЧЕВОГО АКТА «ПОЖЕЛАНИЕ»

Косырева Марина Сергеевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
markosyreva@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой анализ коммуникативных характеристик речевого акта пожелания на материале обзора достижений современной лингвистической прагматики. Отдельное внимание автор уделяет анализу условий успешности речевого акта пожелания.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, речевые акты, пожелание.

Для цитирования: Косырева М.С. Коммуникативные свойства речевого акта «пожелание» // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 103-107.

COMMUNICATIVE PROPERTIES OF THE "WISH" SPEECH ACT

Marina S. Kosyreva

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
markosyreva@mail.ru

Abstract. The article is an analysis of the communicative characteristics of the speech act of a wish based on a review of the achievements of modern linguistic pragmatics. The author pays special attention to the analysis of the conditions for the success of the "wish" speech act.

Keywords: linguistic pragmatics, speech acts, wish.

For citation: Kosyreva M.S. Communicative properties of the "wish" speech act // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 103-107.

В рамках лингвистической прагматики особый интерес традиционно вызывают различные аспекты речевого этикета, овладение которыми является важной частью коммуникативной компетенции современного профессионала. Особого внимания в данном контексте заслуживает речевой акт «пожелание», недостаточно изученный, но весьма востребованный в разных зонах и на разных уровнях коммуникации.

Е.В. Вдовина в своей диссертации характеризует речевой акт «пожелание» как «вежливое речевое действие, благодаря которому говорящий выражает внимание и

симпатию по отношению к адресату, надежду на благополучие в будущем. Данный процесс соответствует нормам этикета, которые приняты в обществе» [Вдовина, 2007, с. 16]. Н.И. Формановская в своей монографии определяет пожелание как «наименование этикетной ситуации общения, когда коммуникант желает, чтобы в будущем все дела адресата складывались благоприятно» [Формановская, 2014, с. 48]. Ученый полагает, что данному виду речевых актов присущи следующие признаки:

- иллюкутивная цель;
- ориентация на адресата;

- воздействие на адресата;
- повод;
- ориентация во времени;
- употребление в ситуациях других речевых актов [Формановская, 2016, с. 96].

Пожелание как речевой акт реализуется в диалогическом дискурсе и в монологическом высказывании в устной и письменной речи. В устном дискурсе он характеризуется спонтанностью, пожелания чаще всего высказывают в тостах и поздравлениях с конкретной датой, юбилеем. В устном речевом акте пожелания чаще всего наблюдаются неразвернутая структура, употребление стереотипных пожеланий или клише. Например, «Желаю счастья, здоровья и долгих лет жизни!» «Пусть исполняются все мечты!»

В письменной речи коммуниканты предполагают достаточным количеством времени, чтобы обдумать пожелание. Д.Ф. Коморова в своей диссертации отмечает следующее: «Структура письменного пожелания содержит следующие компоненты: открытие дискурса, представленное обращением, середина (в которой заложена иллокутивная функция – формула пожелания), края дискурса (содержат неосновную иллокутивную функцию) и закрытие дискурса. Компонент – края дискурса – указывает на повод пожелания, на укрепление взаимоотношений, иногда содержит благодарность или комплимент. Закрытие дискурса пожелания представлено номинацией говорящего» [Коморова, 2015, с. 8]. Например, «Уважаемый Иван Иванович! Наш коллектив от всего сердца поздравляет вас с юбилеем! Мы желаем, чтобы вам сопутствовала удача и любовь, чтобы вас окружали отзывчивые и добрые друзья, и все мечты становились реальностью. С уважением, коллеги».

В приведенном выше перечне признаков речевого акта пожелания первостепенное значение имеет иллокутивная цель. Как известно, иллокутивный акт имеет два свойства – интенциональность и конвенциональность, которые в речевых актах создают противоречие между субъективным момен-

том – целью говорящего – и объективной ситуацией – способами обеспечения данной цели, не зависящей от коммуникантов.

Иллокутивной целью речевого акта может быть не всякая цель в коммуникативном процессе, а только та, которая не только соответствует замыслу говорящего, но и распознается адресатом. Эта открытая для распознавания цель может и не совпадать с подлинной целью говорящего. Иллокутивная цель речевого акта пожелания в каждом конкретном случае имеет свою специфику: это зависит от психологического состояния говорящего, от условия искренности высказывания, принятых норм этикета и способности человека точно или творчески выразить пожелание. В большинстве случаев целью этого вида речевых актов является установление, поддержание дружеских и деловых отношений в коммуникативном процессе. При этом при использовании экспрессивного акта говорящий не приспособливает реальность к словам или слова к реальности, поскольку выражаемое пожелание предполагает его действие в будущем. Например, «Желаю, чтобы твое предприятие процветало!»; «Пусть твой дом наполнится богатством и любовью!»

В своей монографии, посвященной изучению экспрессивных речевых актов, Н.А. Трофимова определяет условия успешности речевого акта пожелания следующим образом:

«1. Предварительное условие: в речевом акте говорящий хочет, чтобы наступило некоторое положение дел, касающееся адресата. Однако ни один из коммуникантов не несет ответственности за наступление этого положения дел.

2. Условие искренности: когда говорящий произносит конкретное пожелание в словесной формуле, оно должно быть адресатом и окружающими людьми оценено позитивно: одобрено самим коммуникантом желаемое положение дел. Кроме этого, адресат должен искренне надеяться на наступление того действия, которое выражено в речевом акте пожелания.

3. Существенное условие: говорящий выражает пожелание, чтобы адресат знал его доброе отношение к себе.

Соблюдение этих условий способствует коммуникативной удаче акта пожелания. В зависимости от степени интенсивности эмоции ожидания чувство адресата варьируется от приятного беспокойства до тоски и страстного желания» [Трофимова, 2008, с. 75].

Следует полагать, что данный перечень условий является открытым, тем более что пожелания, помимо прочего, являются средством речевого оформления социальных ритуалов, буквально от рождения (например, «*Расти большой, да не будь лапшой!*») до кончины (например, «*Спи спокойно, дорогой товарищ!*»).

Немаловажным условием служат и поводы для употребления речевых актов пожелания. Сьюзанн Мартен-Клиф предложила следующую классификацию поводов:

а) «переходные» ритуалы: дни рождения, юбилеи различных дат;

б) особые успехи адресата, например, успешно сданный экзамен, спортивная победа;

в) счастливые события, произошедшие без непосредственного вмешательства или специальных усилий адресата [Marten-Cleef, p. 147]. Однако здесь мы фактически имеем дело с уточнением первого условия в классификации Н.А. Трофимовой – «предварительного условия».

Д.Ф. Коморова в своей диссертации подчеркивает, что в русской культуре пожелания более активно и свободно высказывают в неформальной обстановке, например, в кругу друзей и близких или в дружном небольшом коллективе. Неформальное общение способствует выбору нестандартных речевых пожеланий, иногда развернутых выражений личного характера: в данном случае используются стихотворные тексты, которые говорящий творчески моделирует [Коморова, 2015].

В своей книге «От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов» (2011) Н.А. Трофимова отмечает, что условия успешной реализации речевого акта высказывания пожелания характеризуют две особенности в коммуникативном процессе.

Во-первых, в любом высказывании пожелания говорящий стремится быть максимально вежливыми, что отражает данные речевые действия с позитивным содержанием. С помощью таких высказываний пожелания говорящий совершает речевой акт в любой ситуации по отношению к адресату. Иными словами, такое стереотипное пожелание можно высказать без учета возраста, социального статуса, даже степени знакомства.

Во-вторых, в содержании индивидуальных пожеланий условия успешности могут содержать много личного: близости общения, степени родства или знакомства, взаимоотношений, настроения и повода встречи. В данном типе пожелания закладывается намерение подчеркнуть свое отношение к слушающему, поэтому оно произносится с выражением положительных эмоций.

Подводя итог, следует отметить, что и российские, и зарубежные лингвисты упускают из виду или намеренно игнорируют ситуацию нулевой реакции адресата на пожелание. Во всех обозначенных выше условиях предполагается наличие адресата, чья реакция является необходимым условием оценки успешности пожелания. Однако в реальной коммуникации наличие (непосредственное присутствие) адресата возможно далеко не всегда. Иными словами, за пределами научного осмысления остались такие весьма распространенные коммуникативные ситуации, как, например, ритуальное пожелание (например, «*Вечная память!*») или молитвенное (например, «*Да будет воля Твоя!*»). С чем же в данном случае мы имеем дело? На этот вопрос лингвистической прагматике еще предстоит дать ответ.

Список источников

1. Варфоломеева И.В. Некоторые особенности экспрессивных речевых актов поздравления и пожелания в английском, немецком и русском языках / И.В. Варфоломеева, К.В. Кулемина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2013. № 12 (79). С. 46-49.
2. Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. ... канд. филол. наук / Е.В. Вдовина. М., 2007. 24 с.
3. Коморова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 190 с.
4. Носрати А. Речевой акт пожелания в русскоязычном коммуникативном поведении: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.02 Русский язык / Носрати Ардалан. Минск, 2015. 24 с.
5. Трофимова Н.А. От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов: монография / Н.А. Трофимова. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 295 с.
6. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н.А. Трофимова. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
7. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. М., 2016. 170 с.
8. Формановская Н.И. Русский и английский речевой этикет: сходства и различия: справочник / Н.И. Формановская, С.Р. Габдуллина. М., 2014. 480 с.
9. Marten-Cleef S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 371 p.

References

1. Varfolomeeva I.V. Some Features of Expressive Speech Acts of Congratulation and Wishes in English, German, and Russian / I.V. Varfolomeeva, K.V. Kulemina // Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota. 2013. No. 12 (79). P. 46-49.
2. Vdovina E.V. Congratulations and wishes in speech etiquette: conceptual and communicative analysis: abstract. ... Candidate of Philological Sciences / E.V. Vdovina, M., 2007. 24 p.
3. Komorova D.F. Pragmalinguistic features of the wish in German and Russian: dis. ... Candidate of Philological Sciences. Tomsk, 2015. 190 p.
4. Nosrati A. Speech Act of Wishing in Russian-Language Communicative Behavior: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philology: Speciality 10.02.02 Russian Language / Nosrati Ardalan. Minsk, 2015. 24 p.
5. Trofimova N.A. From Love to Hate: Semantic Patterns of Expressives: Monograph / N.A. Trofimova. St. Petersburg: IVESEP, 2011. 295 p.
6. Trofimova N.A. Expressive Speech Acts in Dialogue Discourse. Semantic, Pragmatic, and Grammatical Analysis / N.A. Trofimova. St. Petersburg: VVM Publishing House, 2008. 376 p.
7. Formanovskaya, N.I. Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects. M., 2016. 170 p.
8. Formanovskaya, N.I. Russian and English Speech Etiquette: Similarities and Differences: A Handbook / N.I. Formanovskaya, S.R. Gabdullina. M., 2014. 480 p.
9. Marten-Cleef S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Redeakte. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. 371 p.

Информация об авторе

Косырева Марина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Marina S. Kosyreva, doctor of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. KlyuchKamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 811.111

EDN: <https://elibrary.ru/QWORDF>

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Косырева Марина Сергеевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
markosyreva@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой научный обзор разных подходов к интерпретации понятия языковой игры в современном гуманитарном знании, прежде всего в лингвистике. Автор обращает особое внимание на стилистическую и нестилистическую интерпретации языковой игры и приходит к выводу о коммуникативной полифункциональности данного феномена.

Ключевые слова: стилистика, языковая игра, языковая креативность

Для цитирования: Косырева М.С. Феномен языковой игры в научном осмыслении // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 108-111.

THE PHENOMENON OF LANGUAGE PLAY IN SCIENTIFIC UNDERSTANDING

Marina S. Kosyreva

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I.K. Yakovleva of the troops of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
markosyreva@mail.ru

Abstract. The article is a scientific review of different approaches to the interpretation of the concept of language play in modern humanitarian knowledge, primarily in linguistics. The author pays special attention to the stylistic and non-stylistic interpretations of the language game and concludes about the communicative polyfunctionality of this phenomenon.

Keywords: stylistics, language play, language creativity.

For citation: Kosyreva M.S. The phenomenon of language play in scientific understanding // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 108-111.

Языковая игра – яркий феномен, проникший в настоящее время практически во все сферы и на все уровни коммуникации. Однако несмотря на то, что с середины XX в., когда Л. Витгенштейном данный термин был введен в научный обиход, было проведено множество исследований, посвященных анализу этого явления, окончательного понимания феномена языковой игры достигнуто не было. В данной работе предпринимается еще одна попытка приблизиться к его пониманию.

Стилистические приемы и средства языковой выразительности играют значительную роль в реализации установок на языковую креативность. Эти художественные приемы включают языковую игру, а также другие формы семантических и прагматических манипуляций, направленных на изменение восприятия и понимания реципиента. Языковая игра привлекает внимание реципиента, выполняя ряд стилистических и коммуникативных функций.

Языковая игра в научном осмыслении предстает прежде всего как стилистический прием. Однако среди ученых отсутствует консенсус относительно природы этого средства выразительности. Как известно, сам термин «языковая игра» (Sprachspiel) был введен философом Людвигом Витгенштейном в его труде «Философские исследования». Согласно Витгенштейну, которого считают основоположником теории языковой игры, все формы языкового поведения человека, а также действия, которые происходят вне речи, представляют собой набор языковых игр [Витгенштейн]. Людвиг Витгенштейн предложил уникальную концепцию коммуникации посредством языка и развития языка как кульминации речевой деятельности. Он утверждал, что фундаментальными аспектами языка является языковое поведение носителей языка в различных ситуациях реальной жизни. Витгенштейн ввел понятие «языковая игра» для описания вышеизложенных процессов. Вслед за исследователем отметим, что любая форма общения – это языковая игра, разработанная носителями языка, которые манипулируют постоянно развивающимися словами, фразами и значениями в рамках параметров речи. Эти ситуации создаются и переопределяются искусственно, придавая им новые значения в процессе. В труде «Философские исследования» Витгенштейн утверждал, что лингвистические элементы могут существовать и иметь значение только тогда, когда рассматриваются как часть конкретной игры с правилами и руководящими указаниями, подразумевая, что значение существует только в конкретных случаях использования языка, а не в качестве абстрактной или неизмеримой сущности [Витгенштейн, с. 65].

Языковая игра как стилистический прием в основном функционирует как генеративная модель, которая позволяет носителям языка создавать особый лингвистический контекст и достигать определенного стилистического эффекта. Вопрос в том, какой основной механизм моделирует это явление

и как оно организовано с точки зрения структуры и значения.

Зарубежные лингвисты, в частности Р. Александер, выдвигают гипотезу о том, что понятие «языковая игра» может быть определено в широком и сложном смысле: «это предполагает либо полисемию отдельного слова (т.е. одну форму с несколькими значениями), либо использование полных или частичных омонимов (т.е. лексических единиц с идентичной или, реже, схожей фонетической или графической формой, но разными значениями («here either the polysemy of a single word (i.e. one form with multiple meanings) or the uses of homonyms or near homonyms (i.e. lexical items having identical or, less often, similar phonetic or graphetic form but different meanings) are involved»))» [Alexander 1997, p.18].

В области стилистики было разработано несколько подходов к пониманию языковой игры. Так, например, Г.В. Пономарева утверждает, что «омонимия и полисемия – два важнейших формально-семантических механизма порождения языковой игры в виде каламбура» [Пономарева 2009, с. 42]. В рамках стилистики данное утверждение неоспоримо.

В контексте лингвистического подхода изучение языковой игры стало областью систематических исследований. В них языковая игра предстает как проявление поэтической функции языка, которая, наряду с другими, может принимать разные формы комического. Языковая игра относится к тем видам стилистических приемов, когда говорящий исследует форму выражения, уделяя ей эстетическое внимание, в том числе в шутках или простых остротах, каламбурах, образном языке и других литературных приемах, например в метафорических выражениях, сравнениях и перифразах.

С поэтической функцией языка связывал игровое начало в художественном тексте Ю.М. Лотман: «Игровой принцип становится основой семантической организации. Восприятие (и создание) произведения

искусства требует особого – художественного – поведения, которое имеет ряд черт общности с игровым...» [Лотман, 2005, с. 394]. Этот принцип имеет сходство с природой игры, как далее объяснил Лотман: «Восприятие (и создание) произведения искусства требует особого – художественного – поведения, которое имеет ряд общих черт с игрой» [Лотман, 1998, с. 77]. При всей сложности природы творчества, у него, как у любой игры, есть цель, есть правила (законы), есть условия и т.п. В данном отношении процесс создания художественного мира – это игра.

Интерпретация языковой игры учитывает наличие существенных компонентов, которые связывают ее с другими игровыми жанрами, включая участие нескольких игроков. По сути, игра требует присутствия как минимум двух игроков (1), которые могут взаимодействовать друг с другом, и на включение третьих лиц (2) может быть наложено вето или поощрено в зависимости от обстоятельств. Ожидание приза (3) имеет решающее значение, поскольку у каждого игрока есть собственная мотивация, побуждающая его участвовать. Каждый человек обладает уникальным стилем игры (4), который может быть адаптирован к обстоятельствам и языковой группе, к которой он принадлежит, что позволяет бессознательно понимать правила игры (5) из-за принадлежности к определенному языковому сообществу [Нухов, 1997, с. 33-34]. В узкой интерпретации языковая игра описывается как творческий и неограниченный способ использования языка, который позволяет носителям продемонстрировать свою способность использовать язык творчески и выде-

лить себя с помощью языка среди других коммуникативных субъектов.

Исходя из вышеизложенного, можно определить следующие характеристики языковой игры в нестилистическом контексте:

1. Языковая игра основана на разнообразии и омонимичности слов или выражений.

2. Игра слов является синонимом языковой игры.

3. Языковая игра предназначена для достижения юмористического и эстетического эффекта.

Как и любая языковая модель, языковая игра включает в себя два аспекта: изображает процесс, посредством которого автор речевого сообщения конструирует его (кодирование), и демонстрирует процесс, посредством которого получатель информации постигает его (декодирование). В процессе применения языковой игры автор непреднамеренно использует приемы, сознательно не следуя установленным моделям. Приемы используются интуитивно, позволяя автору передать конкретные значения и добиться желаемого воздействия на реципиента [Беляевская 2013].

Таким образом, феномен языковой игры участвует в реализации целого ряда функций. С одной стороны, языковая игра позволяет людям передавать свои идеи более увлекательно, точно и сжато, в то же время представляя себя и свои сообщения в более выгодном свете. С другой стороны, она позволяет усилить интеллектуальное и эмоциональное воздействие на реципиента. Такая коммуникативная полифункциональность языковой игры обеспечивает её постоянно растущую востребованность в разных сферах и на разных уровнях коммуникации.

Список источников

1. Беляевская Е.Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та: вып. 17 (677). Сер. Языкознание. М.: МГЛУ, «Рема», 2013. С. 7-17.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. М.: АСТ, 2018. 333 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство. СПб., 1998. 285 с.
4. Лохова С.К. Игра слов в политическом дискурсе: компьютерный анализ политической метафоры: специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика»: дис-

сертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лохова Светлана Константиновна. М., 2007. 185 с.

5. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании: На материале лексики английского языка: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Нухов Салават Жавдатович. М., 1997. 370 с.

6. Пономарева Г.В. Каламбур как форма реализации языковой игры в англоязычной персуазивной коммуникации в аспекте перевода: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 151 с.

7. Alexander R.J. Aspects of Verbal Humour in English. Tübingen: Narr, 1997. 215 p.

References

1. Belyaevskaya E.G. Modeling of Stylistic Devices in Discourse // Vestn. Mosk. gos. lingvist. un-ta: vyp. 17 (677). Ser. Yazykoznanie. M.: MGLU, "Rema", 2013. P. 7-17.

2. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. M.: AST, 2018. 333 p.

3. Lotman Yu.M. The Structure of a Literary Text // Lotman Yu.M. On Art. St. Petersburg: Iskusstvo. SPb., 1998. 285 p.

4. Lokhova S.K. Wordplay in Political Discourse: Computer Analysis of Political Metaphor: Speciality 10.02.21 "Applied and Mathematical Linguistics": Dissertation for the Degree of Candidate of Philology / Svetlana Konstantinovna Lokhova. M., 2007. 185 p.

5. Nukhov S.Zh. Language Play in Word Formation: Based on the Vocabulary of the English Language: Speciality 10.02.04 "Germanic Languages": Dissertation for the Degree of Doctor of Philology / Nukhov Salavat Zhavdatovich. Moscow, 1997. 370 p.

6. Ponomareva G.V. Punning as a Form of Language Play in English-Language Persuasive Communication in the Aspect of Translation: PhD Thesis. Krasnodar, 2009. 151 p.

7. Alexander R.J. Aspects of Verbal Humour in English. Tübingen: Narr, 1997. 215 p.

Информация об авторе

Косырева Марина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Marina S. Kosyreva, doctor of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. KlyuchKamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 327.83

EDN: <https://elibrary.ru/TLNONH>

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КНР В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Летов Кирилл Дмитриевич¹

Глибина Анна Алексеевна²

¹Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

²Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹letov.k@inbox.ru, ²Anna.Glibina@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу военно-политического сотрудничества между Россией и КНР в условиях современных геополитических изменений. Рассматриваются ключевые направления взаимодействия, включая экспорт вооружений, совместные разработки в области военной техники, военно-морское и авиационное сотрудничество, а также проведение масштабных военных учений. В статье проанализирована специфика влияния такого партнёрства на укрепление стратегической стабильности в регионе, определены особенности противодействия санкционному давлению. Такое сотрудничество является ключевым фактором в защите национальных интересов данных стран и выступает структурообразующим элементом в процессе реформирования системы глобального взаимодействия.

Ключевые слова: сотрудничество, международные отношения, геополитика, учения, экспорт.

Для цитирования: Летов К.Д., Глибина А.А. Военно-политическое сотрудничество России и КНР в период геополитических изменений // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 112-116.

MILITARY AND POLITICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA DURING GEOPOLITICAL CHANGES

Kirill D. Letov¹, Anna A. Glibina²

¹Novosibirsk state technical university, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk military institute of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹letov.k@inbox.ru, ²Anna.Glibina@inbox.ru

Abstract. This paper analyzes military-political cooperation between Russia and China in the light of modern geopolitical transformations. It investigates primary areas of their interaction such as arms sale, joint R&D in the military sphere, naval and aviation initiatives, and large-scale joint military exercises. The study reveals the significance of this partnership in promoting security across the region. It also determines the peculiarities of resistance to sanction pressure. The findings emphasize that this cooperation is crucial for ensuring mutual national security, and it is a core element in the process of global interaction altering.

Keywords: cooperation, international relations, geopolitics, military exercises, export.

For citation: Letov K.D., Glibina A.A. Military and political cooperation between Russia and China during geopolitical changes // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 112-116.

Актуальность исследования продиктована ключевой ролью, которую военно-политический диалог между РФ и КНР играет в системе их двусторонних связей, выступая основополагающим элементом для углубления стратегического взаимодействия. Это партнерство, имеющее глубокие исторические корни, развивается по ряду приоритетных векторов, совместно усиливающих обороноспособность и расширяющих геополитический вес обеих стран.

В глобальном контексте альянс Москвы и Пекина несет в себе серьезные геополитические последствия. Его формирование мотивировано стремлением двух стран консолидировать свои позиции в мировой политике и сформировать новый баланс сил, альтернативный доминированию США и западного блока. Совместная оборона способствует укреплению региональной стабильности в пространстве Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона, существенно повышая потенциал каждой из сторон в сфере защиты национального суверенитета.

Объектом исследования являются российско-китайские отношения.

Цель работы – систематизация и анализ ключевых аспектов взаимодействия России и КНР в военно-политической сфере.

Россия и КНР входят в число мировых лидеров по экспорту вооружений. Согласно отчетам Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), главными получателями вооружения из России являются Индия (35 % российского экспорта), Китай (12 %) и Вьетнам (10 %) [6]. Следовательно, Китай является одним из важнейших контрагентов России в данной сфере.

Современное российско-китайское военно-техническое сотрудничество сконцентрировано в высокотехнологичных областях, таких как авиастроение и развитие военно-морских сил. Основу этого взаимодействия составляет экспорт техники, где за по-

следние годы был реализован ряд крупных контрактов. Со стороны Китая осуществлены масштабные закупки современных российских истребителей семейства Су, корабельной техники, а также зенитно-ракетных систем С-300 и С-400 [4].

Ведутся совместные проекты в области авиации. Одним из наиболее известных проектов является совместная разработка тяжелого транспортного вертолета под названием Advanced Heavy Lift (AHL). Этот проект направлен на разработку вертолета, который будет удовлетворять потребности обеих стран в области транспортировки тяжелых грузов и военных операций [1].

На сегодняшний день положение в военно-технической сфере для России начало затрудняться из-за действий США и стран Европы. Так, США ввели вторичные санкции по отношению к Китаю после заключения контракта на поставку самолетов Су-35 и ЗРК С-400. Эти санкции означают замораживание активов, запрет на выдачу въездных виз и отказ в экспорте американской военной техники [9].

Немаловажной отраслью военно-политического сотрудничества являются совместные учения, они особенно актуальны во времена геополитических перемен. Первые крупные совместные военные учения («Мирная миссия-2005») были в 2005 году. Учения прошли на территории Китая в августе 2005 года с участием приблизительно 11 тысяч военнослужащих из двух стран [3]. Внимание в период учений было отдано борьбе с терроризмом и отработке совместных действий в условиях региональных конфликтов.

Россия и Китай регулярно проводят учения в рамках ШОС, демонстрируя готовность к совместным действиям по обеспечению безопасности в регионе. Самыми масштабными миссиями являются учения «Мирная миссия-2007», которые прошли на

255-ом общевоинском полигоне в районе г. Чебаркуль Челябинской области. В них участвовали около 5 000 военнослужащих [5]. «Мирная миссия-2014» прошла в Китае. В учениях участвовало 7 000 военнослужащих. Основное внимание уделялось взаимодействию в условиях крупных антитеррористических операций [7].

Особое место в военном сотрудничестве занимают военно-морские учения России и Китая, которые проходят с 2012 года под названием «Морское взаимодействие». Первые учения «Морское взаимодействие-2012» прошли в Желтом море. В них участвовало более 22 кораблей и подводных лодок. Основное внимание в данных учениях было уделено отработке совместных маневров на воде, включая спасательные операции и борьбу с пиратством. В 2015 г. в два этапа прошли учения «Морское взаимодействие-2015». Первый этап состоялся в Средиземном море, что стало важным геополитическим шагом, демонстрирующим готовность двух стран к совместным действиям за пределами региона. Второй этап прошел в Японском море [8].

Военные учения «Восток-2018» стали крупнейшими маневрами в истории современной России и важным этапом в укреплении военного сотрудничества России и Китая. Эти учения продемонстрировали высокий уровень взаимодействия вооруженных сил двух стран и их готовность совместно реагировать на глобальные вызовы. Учения проходили в сентябре 2018 г. Основные действия развернулись на полигонах Восточного военного округа России, включая полигоны Забайкальского края и Приморья, а также в акватории Японского и Охотского морей. Основная задача учений заключалась в отработке взаимодействия между вооруженными силами России и Китая, а также проверке боеготовности и способности выполнять масштабные оборонные операции. Учения также носили символический характер, подчеркивая стратегическое партнерство между странами.

В военных учениях приняло участие приблизительно 302 тысячи военнослужащих, из которых 3,2 тысячи военнослужащих представляли Народно-освободительную армию Китая (НОАК). Со стороны КНР было задействовано свыше 900 единиц боевой техники и 30 летательных аппаратов [2]. Подразделения НОАК были размещены на полигонах Цугол в Забайкальском крае, где китайские и российские войска отработывали совместные действия в условиях масштабного конфликта, включая наступательные и оборонительные операции.

Учения «Восток-2018» включали несколько ключевых этапов. На первом этапе Россия отработывала массовую переброску подразделений на большие расстояния: военнослужащие и техника были перемещены с западной части страны на Дальний Восток. Второй этап включал совместные действия, где на полигонах проводились наступательные и оборонительные операции, включая борьбу с условным противником. Морские операции были важным элементом учений – военно-морские силы России и КНР отработывали маневры в Японском и Охотском морях, включая противолодочные действия и защиту морских коммуникаций. Авиация выполняла задачи по обеспечению воздушного прикрытия, уничтожению условного противника и взаимодействию с сухопутными войсками.

Стратегические учения «Восток-2018» стали не только демонстрацией военной мощи России, но и важным шагом в укреплении стратегического партнерства Москвы и Пекина. Учения показали готовность двух стран к совместным действиям в условиях глобальной нестабильности, подчеркнув их стремление к укреплению региональной безопасности и взаимной поддержки.

В 2020-х годах военное сотрудничество России и Китая продолжает углубляться. В октябре 2021 года прошли совместные военно-морские учения в Японском море. Впервые российские и китайские корабли провели совместное патрулирование в Тихом океане. В 2022 году на фоне усиления

геополитического напряжения Россия и Китай провели учения «Восток-2022». В них участвовало около 50 000 военнослужащих. Учения включали координацию действий в условиях масштабного конфликта, отработку оборонительных и наступательных операций.

Таким образом, военно-политическое сотрудничество между Россией и Китаем является важнейшим элементом их стратегического партнерства, особенно в условиях современных геополитических изменений. Проведенный анализ взаимодействия данных стран показал, что их совместные усилия в сфере военно-технического сотрудничества способствуют не только укреплению национальной безопасности самих государств-участников, но и формированию новой архитектуры международных отношений, основанной на многополярности и балансе сил.

Результаты исследования подчеркивают, что сотрудничество в таких ключевых областях, как экспорт вооружений, совместные разработки военной техники и проведение масштабных военных учений, не только усиливают оборонный потенциал России и Китая, но и способствуют укреплению их позиций на мировой арене. Несмотря на существующие вызовы, включая санкционное давление и конкуренцию на рынке вооружений, Москва и Пекин демонстрируют готовность к дальнейшему углублению партнерства, что выражается в реализации масштабных проектов и проведении совместных мероприятий в области безопасности.

В условиях нестабильности международной среды данный союз играет ключевую роль в поддержании стратегической устойчивости в Азии, что подчеркивает его значимость для будущего мировой политики.

Список источников

1. Ведомости. Россия и Китай подписали контракт на создание тяжёлого вертолёта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/11/08/894921-rossiya-i-kitai-podpisali-kontrakt-na-sozдание-tyazhelogo-vertoleta> (дата обращения: 11.12.2024).
2. Известия. На учения в Россию приедут 3 тысячи китайских военных. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/779632/2018-08-20/na-ucheniia-v-rossiiu-priedut-3-tys-kitaiskikh-voennyykh> (дата обращения: 11.12.2024).
3. Китайский информационный Интернет-центр. Российский эксперт о совместных военных учениях «Мирная миссия-2005». [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/190803.htm> (дата обращения: 09.12.2024).
4. Независимое военное обозрение. Максимальное сближение без стратегического союза. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-12-21/1_10_11_1237_china.html (дата обращения: 11.12.2024).
5. РИА Новости. Путин: практика проведения учений «Мирная миссия» будет продолжена. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20070817/72168155.html> (дата обращения: 09.12.2024).
6. РИА Новости: SIPRI: Россия удерживает второе место в мировом экспорте оружия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180312/1516128968.html> (дата обращения: 11.12.2024).
7. ТАСС. В Китае начались международные антитеррористические учения стран ШОС «Мирная миссия-2014». [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/1396572> (дата обращения: 11.12.2024).
8. ТАСС. Российско-китайские учения «Морское взаимодействие». Досье. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/1960969> (дата обращения: 11.12.2024).
9. ТАСС. США ввели вторичные санкции за сделки с РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/5589846> (дата обращения: 10.12.2024).

References

1. TASS. USA introduced secondary sanctions for transactions with Russia. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/politika/5589846> (date of access: 10.12.2024).
2. Vedomosti. Russia and China signed the contract to build a heavy-lift helicopter. [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/11/08/894921-rossiya-i-kitai-podpisali-kontrakt-na-sozdanie-tyazhelogo-vertoleta> (date of access: 11.12.2024).
3. Independent military review. Maximum convergence without strategic alliance. [Electronic resource]. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2023-12-21/1_10_11_1237_china.html (date of access: 11.12.2024).
4. RIA Novosti: SIPRI: Russia holds the second place in the world export of weapons. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20180312/1516128968.html> (date of access: 11.12.2024).
5. Chinese information Internet-center. Russian expert about joint military exercises "Peace mission-2005" [Electronic resource]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/190803.htm>. (date of access: 09.12.2024).
6. RIA Novosti. Putin: military exercises "Peace mission" will continue. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20070817/72168155.html> (date of access: 09.12.2024).
7. TASS. International anti-terrorist exercises of SCO countries "Peace mission-2014" began in China. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/politika/1396572> (date of access: 11.12.2024).
8. TACC. Russia-China military exercises "Naval interaction". Records. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/info/1960969> (date of access: 11.12.2024).
9. Izvestia. Three thousand Chinese military to arrive to Russia for military exercises. [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/779632/2018-08-20/na-ucheniia-v-rossiiu-priedut-3-tys-kitaiskikh-voennykh> (date of access: 11.12.2024).

Информация об авторах

Летов Кирилл Дмитриевич, магистр, Новосибирский государственный технический университет (630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20, корпус 3, аудитория 224).

Глибина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Kirill D. Letov, Master's degree student, Novosibirsk state technical university (630073, Novosibirsk, pr. K. Marx, 20, building 3, room 224).

Anna A. Glibina, candidate of philological sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 07.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 07.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья

УДК 81'373:811.411.21

EDN: <https://elibrary.ru/ZNGQKV>

ЦИФРОВОЙ КОРПОРАТИВНЫЙ ДИСКУРС: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Морозова Майя Андреевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

maja.morozova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвостилистических особенностей цифрового корпоративного дискурса на примере немецкоязычных компаний. Материалом исследования послужили тексты различных немецкоязычных цифровых корпоративных ресурсов компаний/организаций, мероприятий. В работе анализируется функционально-стилевая и жанровая специфика коммуникации компаний. Особое внимание в исследовании уделяется анализу лингвостилистических характеристик корпоративной коммуникации в цифровой среде, которые зависят от типа цифрового ресурса, сферы деятельности компании, ее корпоративных ценностей (философии) и целевой аудитории, на которую она ориентируется. Выявленные лингвостилистические особенности цифрового корпоративного дискурса касаются диалогичности, наличия индивидуального стиля автора и его личного отношения к освещаемому событию, соблюдения вежливого тона в общении, компетентной коммуникации в рамках соответствующей профессиональной области, учета концепции корпоративной культуры, включающей корпоративную идентичность.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, цифровая корпоративная коммуникация, корпоративные социальные медиа, корпоративный веб-сайт, немецкий язык.

Для цитирования: Морозова М.А. Цифровой корпоративный дискурс: лингвостилистические особенности // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 117-125.

DIGITAL CORPORATE DISCOURSE: LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic and stylistic features of digital corporate discourse on the example of German-speaking companies. The material of the study was the texts of various German-speaking digital corporate resources of companies/organizations, events. The paper analyzes the functional, stylistic, and genre specifics of company communication. The study places particular emphasis on the analysis of linguistic and stylistic characteristics of corporate communications in the digital environment, which depend on the type of digital resource, the company's field of activity, its corporate values (philosophy), and the target audience it is targeting. The identified linguistic and stylistic features of digital corporate discourse relate to dialogicality, the presence of the author's individual style and personal attitude towards the event being covered, the observance of a polite tone in communication, competent communication within the relevant professional field, and consideration of the concept of corporate culture, which includes corporate identity.

Keywords: linguistic and stylistic features, digital corporate communication, corporate social media, corporate website, German language.

For citation: Morozova M.A. Digital corporate discourse: linguistic and stylistic features // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 117-125.

Введение

Цифровизация оказала существенное влияние на корпоративные коммуникации, изменив подходы к управлению коммуникационной деятельностью. Интеграция цифровых технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ) породила новые коммуникационные инструменты, которые трансформируют организационную структуру общения. Компании активно расширяют перечень используемых для постоянного взаимодействия с целевой аудиторией цифровых ресурсов и сервисов. Исходя из статистических данных, предоставленных порталом Statista [1], использование компаниями по всему миру социальных сетей на данный момент составляет более 83 %, при этом корпоративные коммуникации осуществляются через несколько каналов и медиаплатформ, не говоря уже о классическом формате – корпоративном веб-сайте (данные от 19.11.2025 г.). Основными каналами внешней корпоративной коммуникации сегодня являются веб-сайт компании и социальные сети.

При этом, несмотря на активное перемещение коммуникации компаний в цифровую сферу, предполагающую использование языковых средств различных стилей и жанров с учетом возможностей и ограничений того или иного цифрового ресурса, лингвостилистические особенности цифрового корпоративного дискурса все еще нуждаются в дополнительном изучении, что определяет актуальность нашей работы.

Материалы и методы

Результаты исследования различных аспектов цифровой коммуникации, в том числе корпоративной, отражены в работах А.А. Атабековой [2], Н.А. Ахреновой [3], Ю.В. Данюшиной [4], Т.Г. Добросклонской [5, 6], А.Н. Крылова [7], М.Г. Шилиной [8], A. Storrer [9] и др. Тем не менее, специфика корпоративного дискурса в современной науке представлена фрагментарно. В

частности, недостаточно изученными остаются некоторые аспекты коммуникации на веб-сайте и в социальных медиа компаний/ организаций и мероприятий.

Эмпирическая база исследования включает более 1100 текстов общим объемом 60000 лексических единиц (ЛЕ). Для исследования текстов, отобранных из базовых разделов немецкоязычных цифровых корпоративных ресурсов, предназначенных для различных целевых аудиторий, применялась программа-конкордансер (Simple Concordance Program версии 4.09), с помощью которой были составлены списки примеров употребления анализируемых ЛЕ.

Результаты исследования

В рамках данного исследования были детально изучены ключевые немецкоязычные цифровые ресурсы, которые используют компании и организации. Данные ресурсы, такие как официальные веб-сайты и социальные медиа (блоги, микроблоги, социальные сети) компаний/ организаций и мероприятий, играют важную роль в мультимедальной цифровой среде, подчеркивая значимость профессионально ориентированной корпоративной коммуникации. Указанные выше ресурсы отражают специфику формального и неформального общения в профессиональной сфере, реализуемого в цифровых ресурсах компаний/ организаций, мероприятий (например, научных конференций и выставок).

Цифровые корпоративные ресурсы – это инструменты, созданные или используемые компаниями для позиционирования себя в интернете, формирования имиджа, привлечения клиентов, партнеров и общественности, а также для информирования о своих продуктах и услугах. К ним относятся различные информационные, маркетинговые, PR и рекламные материалы, предназначенные для взаимодействия с внутренними и внешними аудиториями. Данные материалы включают также аудио- и видеоконтент,

коммуникационные каналы и мобильные технологии. Современные цифровые технологии предоставляют компаниям широкий выбор ресурсов для эффективного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами: партнерами и клиентами, общественностью и государственными структурами.

К основным видам цифровых корпоративных ресурсов относятся *корпоративные веб-сайты* (официальные сайты компаний/организаций, мероприятий) и *социальные сервисы или социальные медиа* (блоги, микроблоги, фото- и видеохостинги, подкасты и видеокасты, социальные сети и пр). Все цифровые ресурсы обладают определенными функциональными возможностями, которые позволяют использовать данные ресурсы для различных задач корпоративной коммуникации, поэтому выбранный для коммуникации комплекс цифровых ресурсов определяется масштабом, сферой деятельности, задачами и целевыми аудиториями компаний и организаций. Используемые компаниями/организациями ресурсы характеризуются степенью формальности/неформальности общения в корпоративных ресурсах, что определяется как целевыми аудиториями, так и видами ресурсов. Цифровые ресурсы компаний включают в себя официальные веб-сайты (компании/организации,

мероприятия) и платформы социальных медиа (блоги, микроблоги, хостинги фото/видео, подкасты, видеокасты и социальные сети). Данные ресурсы предлагают различные функции, которые используются для внешней и внутренней корпоративной коммуникации. Выбор конкретных цифровых каналов зависит от размера компании, ее сферы деятельности, целей и задач компании/организации и целевой аудитории. Степень формальности общения на этих ресурсах также варьируется и определяется как аудиторией, так и типом используемого ресурса.

При этом, неформальный стиль общения типичен для коммуникации в социальных медиа и будет менее формальным в текстах комментариев и ответах на них, не переходя допустимые для официального представителя компании или организации рамки, что определяется нормами корпоративной коммуникации.

Проанализированные ресурсы характеризуются:

- различной жанрово-стилевой организацией текстов, что позволяет использовать их для различных целей – как в официальном, так и в неофициальном общении внутри профессиональной сферы;
- наличием и степенью концентрации терминов, используемых в профессиональной деятельности.

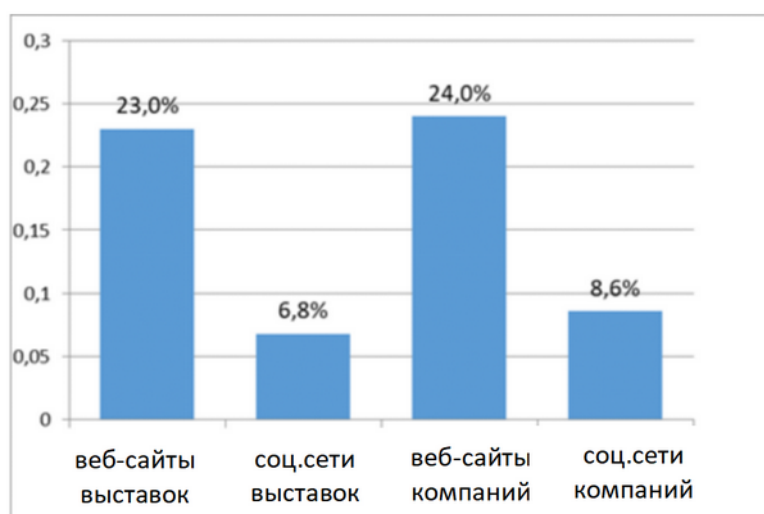

Рисунок 1 – Терминологическая насыщенность (специальная лексика): сайты и социальные медиа немецкоязычных компаний и специализированных выставок

Полученные данные позволили выявить существенные различия в уровне терминологической насыщенности анализируемых материалов, зависящие от типа ресурса. Максимальная концентрация терминов, необходимых будущим инженерам для их профессиональной деятельности, наблюдалась на веб-сайтах, тогда как в социальных медиа она была минимальной. Эти различия обусловлены также разнообразием жанров и стилей, которые применяются как в официальном, так и в неофициальном общении внутри профессиональной сферы. Результаты анализа корпуса отобранных текстов немецкоязычных цифровых корпоративных ресурсов представлены на рисунке 1.

Далее были исследованы лингвостилистические особенности каждого вида корпоративных ресурсов.

1. Немецкоязычные корпоративные веб-сайты

Корпоративные сайты компаний и организаций обычно используют нейтральный стиль. Это проявляется в отсутствии эмоционально окрашенных слов, объективном изложении фактов, использовании полных и грамматически верных предложений, пассивных конструкций, а также специальной лексики и терминов. Информация представлена структурированно, с использованием маркированных списков и делением на абзацы. Анализ материалов корпоративных веб-сайтов немецкоязычных компаний/организаций, мероприятий позволил заключить, что в данном виде ресурса преобладают распространенные предложения и лексика профессионального языка. Также встречаются англицизмы и слова, имеющие в своем составе элемент английской лексемы, например: *Crashtestdummys манекены для краш-тестов* (сайт компании Audi AG, <https://www.audi.com/de/>), профессиональный сленг: *In der Anwendung von Computern zeigen sich immer wieder Tücken und manchmal spinnt die Technik. В работе компьютеров постоянно происходят какие-либо досадные сбои, и техника иногда глючит.* (веб-сайт компании Pluspunkt

Erbenheim, <https://www.pluspunkt-erbenheim.de/hilfen/pc-hilfe/>). Тексты на сайтах характеризуются высокой степенью терминологической платности (насыщенности), в них практически отсутствуют окказионализмы и метафоры (исключение представляют лишь слоганы).

Корпоративный стиль общения характеризуется соблюдением языковых норм и дистанцированной, но ориентированной на диалог коммуникацией [4, 7]. Языковые средства, используемые в текстах, учитывают социальный контекст, общепринятые нормы общения, культурные особенности целевой аудитории и профессиональный статус авторов [4], которые, как правило, являются журналистами или специалистами по связям с общественностью.

2. Немецкоязычные корпоративные социальные медиа

Проанализированные нами типы ресурсов обладают уникальными лингвостилистическими характеристиками, которые определяются их функциональным назначением, жанровыми особенностями и целевой аудиторией. Следует отметить, что контент для корпоративных блогов и социальных сетей может создаваться как сотрудниками PR-отделов, так и руководителями компаний или специалистами в соответствующих областях.

Исследование лингвостилистических особенностей корпоративных социальных медиа выявило, что они затрагивают все языковые уровни, от фонемного до фразеологического. Ученые отмечают, что в текстах социальных сетей наблюдается смешение разговорного и книжно-письменного стилей речи [5, 8], проявляющееся в признаках как устной, так и письменной коммуникации [6]. Анализ корпоративных немецкоязычных социальных медиа показал, что такое сочетание стилей, несмотря на его неформальность, остается в рамках деловой коммуникации и допустимо для официального представительства компании. Письменная речь в этих сетевых жанрах по своей форме приближается к устной [5, 6], особенно ярко

это проявляется в комментариях и ответах на них.

Анализ лексического уровня выявляет сочетание разнородных языковых средств. Наряду с элементами разговорной речи и просторечия, наблюдается активное применение специальной лексики и терминологии, а также профессионализмов. При этом более высокая концентрация терминологии и специализированных выражений свойственна контенту корпоративных веб-ресурсов. В то же время в публикациях корпоративных блогов, а также в сообщениях для социальных сетей и микроблогов, преобладает разговорная лексика, что обусловлено их направленностью на создание атмосферы неформального общения [5].

Использование терминологии и профессионального жаргона в цифровых корпоративных ресурсах может быть проиллюстрировано следующими примерами: *Mit zwei gegenläufig rotierenden Gummiputzwellen werden die Rübenblätter vom Rübenkörper entfernt. При вращении двух инверсивно вращающихся очищающих роторов удаляется ботва сахарной свеклы.* (ресурс: социальная сеть компании по производству сельскохозяйственной техники *ROPA Fahrzeug- und Maschinenbau*).

Примером использования разговорной лексики может служить сложное существительное *Energiefresser – пожиратели энергии* (блог компании-поставщика электроэнергии и газа *Yello Strom GmbH*).

Использование англицизмов характерно для всех видов социальных медиа компаний/организаций, мероприятий. Это могут быть выражения на английском языке, англицизмы и лексические единицы, имеющие в своем составе элемент английской лексемы, например: *Messdummys sitzen bei jedem Crash im Auto. Манекены для краш-тестов сидят в машине каждый раз, когда происходит авария.* (веб-сайт автомобильной строительной компании *Audi*).

Кроме того, в текстах корпоративных социальных медиа с целью привлечения внимания читателей используются различные

языковые средства выразительности, такие как авторские неологизмы и окказионализмы, сравнения, диалектная лексика, метафоры, лексические повторы, фразеологизмы. В качестве примера использования метафоры может служить словосочетание, описывающее сотрудников компании *Audi: die Experten der Vier Ringe – специалисты Четырех Колец* (блог автомобилестроительной компании *Audi*); *Sonne auf dem Dach (Солнце на крыше)* – использование образного выражения (речь идет об установке на крышах зданий солнечных преобразователей для снижения энергозатрат) (ресурс: блог компании *Daimler*). Приведенные выше примеры являются приемами, привлекающими внимание читателей и побуждающими их к активному диалогу в цифровых ресурсах компаний.

На создание экспрессии с целью привлечения внимания читателей, а также экономии языковых средств, что наиболее важно для текстов в социальных медиа, ориентированы и синтаксические средства. Это проявляется в использовании восклицательных и вопросительных предложений; бессоюзных сложных предложений, содержащих двоеточие; инверсии и неполных предложений, например: *Ein Smartphone, zwei Displays! Один смартфон – два дисплея!* (блог торговой компании *Notebooksbilliger*).

Корпоративное общение требует постоянного взаимодействия с целевой аудиторией, поэтому диалог играет ключевую роль. Принцип диалогичности означает готовность выслушивать разные точки зрения, уважать чужое мнение и избегать авторитарного подхода. В социальных сетях это выражается в равноправном общении, открытости, признании ошибок, выполнении обязательств и проактивном участии менеджера по коммуникациям, даже если нет комментариев. Важно также создавать условия для позитивных отзывов клиентов [8, 9]. Чтобы установить и поддерживать продолжительный диалог с клиентами и партнерами, компании прибегают к определенным языковым инструментам. Эти

инструменты выбираются исходя из того, насколько текст способствует внешнему взаимодействию (диалогу с читателем) и внутренней организации, способствующей диалогу [9]. В контексте социальных медиа компании чаще всего применяют средства внешней диалогичности, например, личные местоимения, побудительные формы глаголов, вопросительные конструкции, эллиптические формы и инверсию. Внутренняя диалогичность же проявляется в ритмической организации текста, которая достигается за счет использования лингвосинтаксических приемов, таких как эллипсы, повторы и десемантизированные слова [3].

Например, в социальной сети компании *Yello Strom* для реализации приемов внешней диалогичности применяются личные местоимения и вопросительные конструкции: *vierten Yello #Bilderrätsel testen wir mal, wie fit ihr am Donnerstag noch seid... Na, wer von euch weiß welches Gerät es ist? Четвертая картинка-загадка, с помощью которой мы проверим, остаетесь ли вы все еще бодрыми в четверг... Ну что же, кто сможет отгадать, что это за прибор?* (ресурс: социальная сеть компании *Yello Strom*). Корпоративные блоги часто используют внутренние диалогические приемы, такие как выражение авторской оценки, образность, демонстрация отношения к материалу и цитирование. Чтобы стимулировать комментарии, авторы применяют разнообразные методы: привлекают внимание провокационными или интригующими заголовками, поддерживают свободный, но вежливый тон общения, используют модальные частицы и побудительные конструкции. Также для этого характерны простые предложения, активный залог и глаголы, а также слова с выраженной эмоциональной окраской, передающие личное мнение автора.

В корпоративных социальных сетях присутствует вежливый и доброжелательный стиль общения, при этом используются формулы вежливости и выражения благодарности даже в ответ на критические заме-

чания. Выбор языковых средств обусловлен контентом, размещаемым в корпоративных социальных сетях, который отражает ценности компании или организации.

Примером трансляции корпоративных ценностей является сообщение в блоге компании *Daimler* «*Daimler und die roten Autos*» (ресурс: блог компании *Daimler*), посвященный истории и достижениям компании прошлых лет, которые касаются создания пожарного насоса с электроприводом, значительно облегчившим работу пожарных команд. Часто компании обращают внимание на важные социальные вопросы, такие как охрана окружающей среды, благотворительность и рациональное использование природных ресурсов. При этом они подчеркивают не только свою собственную активность в этих областях, но и вклад своих сотрудников. Так, в корпоративном блоге автопроизводителя *Daimler* статьи посвящены техническим параметрам производимых автомобилей, этапам сборки, возможностям карьерного роста и пр. Следовательно, как контент публикаций, так и отзывы пользователей содержат специализированную лексику, аббревиатуры, профессиональный жаргон.

Корпоративный стиль общения характеризуется также соблюдением этических норм, принятых правил онлайн-коммуникации и стандартов для критических замечаний. Например, критика должна быть полезной и подкрепленной доказательствами, избегать обобщений и провокаций в отношении других участников обсуждения. Важно давать возможность собеседнику ответить на критику. Установлена определенная форма обращения, например, на «ты», а также рекомендовано использовать настоящее имя пользователя.

Анализ немецкоязычного контента корпоративных социальных сетей, генерируемого различными участниками коммуникации, выявляет отражение в нем типичных черт немецкого национального характера, например, учтивости, самообладания, соблюдения социальной иерархии и прочих.

С точки зрения лингвостилистики, для общения в корпоративных социальных медиа характерно более широкое использование лексических, грамматических и синтаксических конструкций, выражающих вежливость. Это проявляется в стремлении немцев сохранить *позитивное лицо собеседника (Positives Gesicht)* [7, 9].

Важнейшим элементом корпоративных коммуникаций служит правильный ответ на критические замечания, преследующий цели поддержания благоприятного образа организации и сохранения позитивного характера отношений с потребителями.

Корпоративная идентичность [7] представляет собой еще одну существенную особенность стиля онлайн-коммуникации в корпоративной среде, отражая осознанное ощущение сотрудником своей причастности к организации и его выражение. Признаки корпоративной идентичности можно наблюдать в ответах авторов социальных медиа на реплики читателей, где личное местоимение «я» намеренно опущено. Авторы отвечают от имени компании, используя местоимение «мы», «наш» и пр. Так, в статье на веб-сайте авиакомпания *Lufthansa: Unsere Geschäftstätigkeit wirkt über das rein Wirtschaftliche hinaus – sie beeinflusst unsere Umwelt... Für uns heißt das: Wir denken langfristig, wir handeln wertebasiert und wir entwickeln unsere Maßnahmen kontinuierlich weiter. Деятельность нашей компании оказывает влияние, выходящее за рамки чисто экономического аспекта... , она влияет на окружающую нас среду... Для нас это означает: мы думаем о долгосрочной перспективе. Мы действуем, исходя из наших ценностей. И мы постоянно совершенствуемся.* (ресурс: веб-сайт компании *Lufthansa*). Приведем еще один пример корпоративной идентичности, которая находит отражение в коммуникации с целевой аудиторией сотрудников немецкой компании *ZEISS Deutschland*, специализирующейся в области оптики: *Was wir gemeinsam Gutes tun wollen ... Doch nicht nur Ihnen wollen wir neue Möglichkeiten eröffnen.*

Deshalb widmen wir uns in diesem Jahr einem ganz besonderen Projekt der Kindernothilfe, welches “Kleinen Herzen große Chancen gibt”. Что бы мы хотели сделать хорошего вместе ... Мы открываем новые возможности не только для Вас. В этом году мы посвящаем себя особому проекту помощи детям в чрезвычайных ситуациях, который “дает маленьким сердцам большие возможности.” (ресурс: корпоративный блог компании *ZEISS Deutschland*).

Заключение

Таким образом, можно заключить, что выбранные для анализа корпоративные цифровые ресурсы немецкоязычных компаний обладают рядом лингвостилистических особенностей. Так, в стиле общения в корпоративных социальных медиа, в отличие от корпоративных веб-сайтов, наблюдается тяготение к менее формальному стилю, что является важным условием для привлечения и удержания клиентов. Выявленные особенности немецкоязычных корпоративных цифровых ресурсов указывают на значимость для эффективной коммуникации с целевой аудиторией диалога, индивидуально-стиля автора и его личного отношения к освещаемому событию, соблюдения вежливого тона в общении, компетентной коммуникации в рамках соответствующей профессиональной области, учет концепции корпоративной культуры, включающей корпоративную идентичность. Так, в результате анализа текстов сайтов, социальных медиа немецкоязычных компаний/ организаций и мероприятий, характеризующихся использованием различных языковых средств и способов стилистической окраски речи, были выявлены следующие лингвостилистические особенности:

- смешение разных стилей (официально-информативного, информационно-рекламного, экспрессивно-публицистического и некоторых других), за исключением корпоративных сайтов, отличающихся, как правило, нейтральным стилем коммуникации;

- наличие индивидуального авторского стиля;

- использование разнообразных языковых средств с экспрессивной окраской (использование тропов, окказионализмов и пр.), диалектной лексики;

- терминологическая насыщенность (наличие специальной лексики и терминологии, а также профессионализмов). При этом, тексты корпоративных сайтов и корпоративные информационные видеоролики характеризуются большей степенью терминологической насыщенности по сравнению с текстами постов, сообщений, комментариев в социальных медиа компаний. Последние же, в отличие от корпоративных веб-сайтов, содержат профессионализмы, диалектную лексику, типичную для разговорной речи в профессиональном контексте;

- использование языковых средств для поддержания и инициации диалога (диалогичность текстов);

- использование различных языковых средств выражения вежливости;

- использование языковых средств, отражающих корпоративную культуру, в частности ее составляющую – корпоративную идентичность.

При этом важно подчеркнуть, что проанализированные тексты различных цифровых корпоративных ресурсов обнаруживают функционально-стилевую и жанровую специфику коммуникации компаний. Лингвостилистические характеристики корпоративного дискурса в цифровой среде, таким образом, определяются видом цифрового ресурса, спецификой деятельности компании, ее корпоративной философией, а также особенностями целевой аудитории, на которую ориентирована та или иная компания.

Список источников

1. Anteil der Unternehmen, die folgende Social-Media-Plattformen nutzen, weltweit im Januar 2025 // Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/71251/umfrage/einsatz-von-social-media-durch-unternehmen/> (дата обращения: 04.12.2025).

2. Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных web-страниц): монография / А.А. Атабекова. М.: РУДН. 2003. 202 с.

3. Ахренова Н.А. Лингвистические особенности микроблогов / Н.А. Ахренова. // Филологические науки: альманах современной науки и образования. 2011. № 9 (52). С. 119-122.

4. Данюшина Ю.В. Бизнес-лингвистика и деловое общение в Интернете: монография / Ю.В. Данюшина. М.: ГУУ. 2010. 275 с.

5. Добросклонская Т.Г., Смольская Н.Б. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Изд-во Моск. унта. М., 2023. Т. 28, № 2. С. 128-142.

6. Добросклонская Т.Г., Ломакин Б.Е. Медийная картина мира как объект научного описания // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. Изд-во ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М». М., 2023. Т. 66, № 5. С. 63-72.

7. Крылов А.Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов / А.Н. Крылов. М.: Икар. 2014. 222 с.

8. Шилина М.Г. Искусственный интеллект как коммуникативный феномен: трансформация парадигмы исследования медиакommunikation и журналистики // Язык. Коммуникация. Общество. Изд-во: СПбГЭУ Санкт-Петербург. 2023. С. 43-47.

9. Storrer A. Sprachstil und Sprachvariation in sozialen Netzwerken / A. Storrer // Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke. Konzepte, Methoden und empirische Untersuchungen an Beispielen des WWW. 2013. P. 331-366.

References

1. Anteil der Unternehmen, die folgende Social-Media-Plattformen nutzen, weltweit im Januar 2025 // Statista. [Electronic resource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/71251/umfrage/einsatz-von-social-media-durch-unternehmen/> (дата обращения: 04.12.2025).
2. Atabekova A.A. Linguistic design of WEB pages (comparative analysis of the linguistic design of English- and Russian-language web pages): monograph / A.A. Atabekova. M.: RUDN. 2003. 202 p.
3. Akhrenova N.A. Linguistic features of microblogging / N.A. Akhrenova. // Philological Sciences: an almanac of modern science and education. 2011. No. 9 (52). P. 119-122.
4. Danyushina Yu.V. Business Linguistics and Business Communication on the Internet: Monograph / Yu.V. Danyushina. M.: GUU. 2010. 275 p.
5. Dobrosklonskaya T.G., Smolskaya N.B. Mediatextology: a systematic approach to the study of the format-genre diversity of modern media speech // Bulletin of the Moscow University. Episode 19: Linguistics and Intercultural Communication. Publishing house of Moscow. un-ta. M., 2023. Vol. 28, No. 2. P. 128-142.
6. Dobrosklonskaya T.G., Lomakin B.E. The Media Picture of the World as an Object of Scientific Description // Scientific Research and Development. Modern Communication Studies. Publishing House of the Scientific and Publishing Center INFRA-M. M., 2023. Vol. 66. No. 5. P. 63-72.
7. Krylov A.N. Corporate Identity for Managers and Marketers / A.N. Krylov. M.: Ikar. 2014. 222 p.
8. Shilina M.G. Artificial Intelligence as a Communicative Phenomenon: Transformation of the Paradigm of Research on Media Communication and Journalism // Language. Communication. Society. Publishing house: SPbGEU St. Petersburg. 2023. P. 43-47.
9. Storrer A. Sprachstil und Sprachvariation in sozialen Netzwerken / A. Storrer // Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke. Konzepte, Methoden und empirische Untersuchungen an Beispielen des WWW. 2013. P. 331-366.

Информация об авторе

Морозова Майя Андреевна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Maya A. Morozova, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 81'373:811.411.21
EDN: <https://elibrary.ru/WSTNOC>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Морозова Майя Андреевна¹

Хусейн Абдулкариб²

Хассун Абдульхамид Хасан³

^{1, 2, 3} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
¹maja.morozova@yandex.ru, ²ashuafe@gmail.com, ³abdulhamidhassun@gmail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению языковых средств выражения экспрессивности в массмедийных текстах арабского языка. Особое внимание уделяется использованию диалектизмов, прямого обращения и религиозных и культурных отсылок, представляющих собой цитаты и крылатые выражения из Корана, Сунны и хадисов. Данные языковые средства являются наиболее частотными в арабоязычном медиадискурсе и относятся к специфике медиакommunikации стран Ближнего Востока. Используемые языковые средства выражения экспрессивности служат не только передаче информации, но и целенаправленному воздействию на общественное сознание, способствуя укреплению приверженности целевой аудитории к конкретным фактам и событиям. Результаты анализа указанных выше языковых средств выражения экспрессивности позволяют оценить их значимость для осмысления медиатекста как феномена социокультурной коммуникации, характеризующегося комплексностью интертекстуальных взаимосвязей.

Ключевые слова: языковые средства выражения экспрессивности, арабоязычные СМИ, медиакommunikация, медиадискурс, массмедийные тексты, арабский язык.

Для цитирования: Морозова М.А., Хусейн А., Хассун А. Языковые средства выражения экспрессивности в массмедийных текстах арабского языка // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 126-134.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING EXPRESSIVENESS IN MASS MEDIA TEXTS OF THE ARABIC LANGUAGE

Maya. A. Morozova¹, Abdulkarib Husein², Abdulhamid. H. Hassun³

^{1, 2, 3} Novosibirsk military institute of the national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹maja.morozova@yandex.ru, ²ashuafe@gmail.com, ³abdulhamidhassun@gmail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic means of expressing expressiveness in mass media texts of the Arabic language. Special attention is paid to the use of dialectisms, direct appeals, and religious and cultural references, which are quotes and catchphrases from the Quran, Sunnah, and hadith. These linguistic means are the most frequent in Arabic-language media discourse and are specific to the media communication of Middle Eastern countries. The linguistic means of expressing expressiveness serve not only to convey information, but also to have a targeted effect on public consciousness, contributing to the strengthening of the target

audience's commitment to specific facts and events. The results of the analysis of the above-mentioned linguistic means of expressing expressiveness allow us to assess their significance for understanding the media text as a phenomenon of socio-cultural communication characterized by a complex intertextual relationship.

Keywords: linguistic means of expressing expressiveness, Arabic-language media, media communication, media discourse, mass media texts, Arabic language.

For citation: Morozova M.A., Husein A., Hassun A. Linguistic means of expressing expressiveness in mass media texts of the arabic language // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 126-134.

Введение

В арабском обществе, с одной стороны, отмечается усиление социально-политической роли средств массовой информации, с другой – отмечается ужесточение и ограничение СМИ прямыми и косвенными способами [1]. Неоднозначное отношение к СМИ в странах Ближнего Востока проявляется в имеющей место зависимости от существующей в той или иной арабоязычной стране политической системы. Так, в арабских странах с монархическими режимами, например в ОАЭ, пресса лояльна к власти, и СМИ в этих странах являются ключевым инструментом политической пропаганды [2]. В слаборазвитых арабских странах, таких как Иордания, Йемен и др., СМИ финансируются зарубежными государствами (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, США и др.), которые контролируют медиаконтент и продвигают соответствующую повестку, диктуя свои условия подбора публикуемого материала.

Так или иначе, СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения и восприятия действительности, обеспечивают продвижение идей и мнений, способствуют повышению лояльности населения к определенным событиям. При этом, тематика массмедийного дискурса нацелена на решение задач, которые ставят перед СМИ правящие режимы, местные религиозные, экономические и политические элиты. Предлагаемый тематический спектр довольно широк. Ключевыми являются темы политики и геополитики (конфликты на Ближнем Востоке, внешняя политика арабских стран, касающаяся отношений с США,

Россией, Китаем, Ираном, внутренняя политика (протесты, борьба с терроризмом и др.) [3].

Этим объясняется увеличение числа исследований, посвященных различным аспектам арабского медиадискурса, например, изучение лингвистических особенностей арабских массмедийных текстов [4], функционирование прецедентного имени в средствах массовой коммуникации [5], влияние глобализации на функционирование арабского языка в медиадискурсе, проявляющееся во влиянии английского языка на арабский язык в медиадискурсе (появление гибридного языка – арабо-английского), который «влияет на целостность арабского языка» [6] и др. При этом, ряд вопросов, связанных со спецификой использования языковых средств выражения экспрессивности в массмедийных текстах, характерных для арабского языка, все еще остается недостаточно изученным.

Материалы и методы

Методами исследования послужили анализ научно-методической литературы, посвященной вопросу изучения языковых средств выражения экспрессивности в массмедийных текстах арабского языка. Материалами для проведения исследования послужили:

- научные статьи из журналов, индексируемых в журналах, входящих в перечень ВАК, диссертационные исследования и монографии, отражающие результаты изучения арабского медиадискурса;

- массмедийные тексты военно-политической тематики информационного телеканала *RT Arabic*, ливанской новостной плат-

формы *Sawt Beirut International* и веб-сайта онлайн-газеты *Аль-Араби Аль-Африки*, вещающих на арабском языке.

Объем исследованных материалов (тексты публикаций арабоязычных СМИ) составил 30000 печатных знаков.

Результаты исследования

Анализ существующих в настоящее время исследований, посвященных различным аспектам арабского медиадискурса [7-16], позволил выявить основные направления изучения способов выражения экспрессивности в массмедийных текстах арабского языка. Выявленные языковые средства выражения экспрессивности дают возможность оценить и описать механизмы влияния на целевую аудиторию и идеологической направленности представления (интерпретации) тех или иных событий. Это находит отражение в использовании широкого спектра лексико-семантических (метафоры, гиперболы, эпитеты), грамматических (инверсии, повторы, восклицания), синтаксических (парцелляция, риторические вопросы) языковых средств, а также различных фонетических приемов (аллитерация, ассонанс) и графических средств (выделение жирным шрифтом, курсивом, использование эмодзи и пр.).

Для создания ярких, запоминающихся образов, оказывающих эмоциональное воздействие на целевую аудиторию и вызывающих нужную реакцию, используется стилистически окрашенная лексика, фразеологизмы, тропы, синтаксические конструкции (инверсии, анафоры, параллелизмы и риторические вопросы). Кроме того, в массмедийных текстах часто используется лексика классического (*fusha*) и разговорного арабского языка, а также диалектизмы. При этом, последние являются отличительной особенностью арабоязычного медиадискурса, поскольку в большинстве стран Ближнего Востока имеет место диглоссия, т.е. параллельное использование литературного языка и местных диалектов [14]. Зачастую встречаются идиомы и фразеологизмы, присутствующие местному языку. Диалектизмы, как

отмечают исследователи, могут отражать культурные и социальные аспекты, создавать экспрессивный эффект и ощущение повседневной коммуникации, более доступной, живой и близкой читателю, а также привлекать внимание целевой аудитории. Однако при неправильном использовании диалектизмы могут «сузить или даже оттолкнуть часть аудитории» [12, с. 265] от публикуемого медиаконтента.

Особое место в перечне языковых средств выражения экспрессивности занимает использование религиозных и культурных отсылок на Священное Писание [12, с. 265; 16]. Использование цитат и крылатых выражений из Корана, Сунны и хадисов относится к специфике арабоязычного медиадискурса, поскольку в странах Ближнего Востока преобладает мусульманская культура (ислам), фигурирует понятие «Бог/Аллах». Благодаря этому становится возможным более убедительно излагать свою аргументацию относительно заявленной темы, оказывать эмоциональное воздействие на читателей, пробуждать такие чувства, как надежда, патриотизм, а также проводить параллели с определенными событиями.

Еще один действенный риторический прием, используемый в арабоязычных массмедийных текстах – прямое обращение $\text{O} \dots$ (O ...). Данный прием применяется в медиакommunikации с целью мгновенного привлечения внимания аудитории, создания эффекта личного обращения. Прямое обращение служит для усиления эмоционального воздействия. Таким образом, арсенал используемых языковых средств выражения экспрессивности нацелен не только на информирование, но и на формирование общественного мнения, повышения лояльности целевой аудитории к определенным фактам, событиям и т.д.

Далее приведем примеры использования некоторых наиболее часто встречающихся языковых средств экспрессивности в арабских массмедийных текстах.

المجتمع الدولي والممولون العرب أوضحوا رسالتهم: لن يكون هناك دعم لدولة يظل فيها حزب الله دولة داخل الدولة. وإذا أراد لبنان فعلاً أن يبحر نحو برّ الأمان، فعليه أولاً أن يُصلح سفينته، لأن البحر- كما يقول المثل الشعبي اللبناني- «مش كويس يا ريس».

Международное сообщество и арабские финансисты ясно дали понять: государство, в котором Хезболла остается государством в государстве, не получит поддержки. Если Ливан действительно хочет добраться до безопасного места, он должен сначала отремонтировать свой корабль, потому что море, как гласит популярная ливанская поговорка, «Нехорошее, босс».

Рисунок 1 – Пример использования диалектизмов. Ресурс: ливанская новостная платформа Sawt Beirut International سياسة الخصوصية جميع الحقوق محفوظة sawtbeirut.com

Так, в новостной публикации, посвященной проблеме становления ливанской государственности и влияния на социально-политическую ситуацию в Ливане военизированной ливанской шиитской организации и политической партии Хезболла, обнаруживается неоднократное использование египетских диалектизмов (*масри*). Египетский диалектизм *مش* (*миш*), часто употребляемый вместо *ليس* (*лейса* – *не/нет*), в данном случае фигурирует в названии публикации и несколько раз в тексте. Цель использования – привлечение читателей к проблеме укрепления государственной власти в Ливане и необходимости разоружения Хезболлы. Лексика египетского диалекта используется автором статьи неслучайно: данный диалект распространен в Ливане, в том чис-

ле среди представителей молодого поколения. При этом, значительная часть шиитской молодежи Ливана поддерживает данную организацию, соответственно, выбор языковых средств свидетельствует о том, что автор публикации, по всей видимости, рассчитывает на лояльность к излагаемой точке зрения. Кроме того, автором дважды используется популярная ливанская поговорка *مش كويس يا ريس*, по некоторым источникам представляющая собой простое разговорное выражение на арабском языке с ливанским/ левантийским диалектом – «Нехорошо, начальник/ босс/ лидер» или «Дела плохи, начальник/ босс/ лидер». Данное выражение может использоваться в различных контекстах: от буквального описания ситуации вплоть до саркастического коммента-

рия по поводу чьего-либо решения или какой-либо неблагоприятной ситуации. В анализируемой публикации указанное выше выражение приобретает выраженную политико-оценочную коннотацию. Также стоит отметить еще один используемый автором стилистический прием кольцевой компози-

ции (симплока), а именно: использование в данном случае одного и того же выражения (ливанская поговорка) в начале и в конце публикации, что усиливает значимость темы, создает ритм и эффект завершенности, подчеркивает главную мысль текста и придает ему особую выразительность.

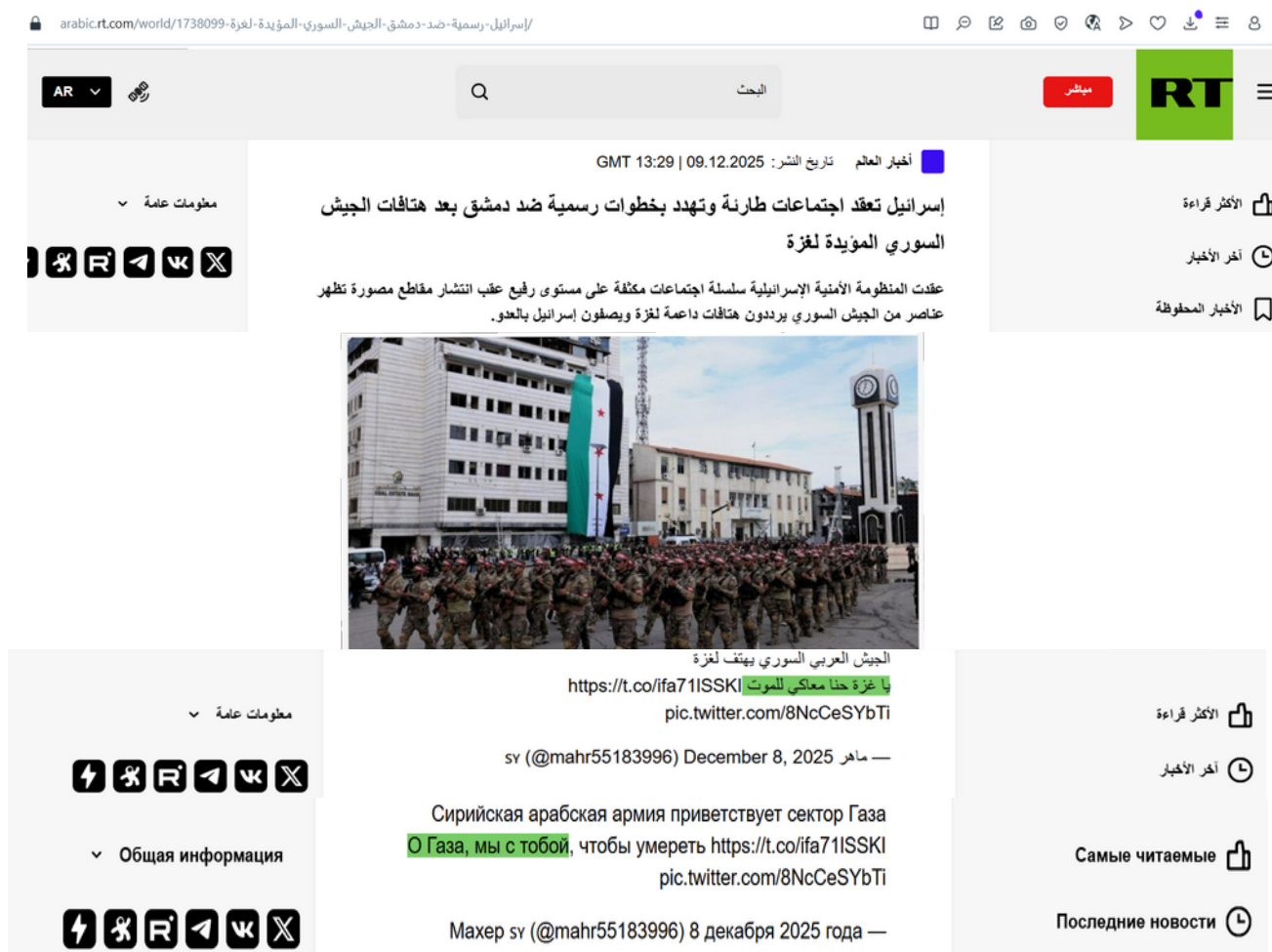

Рисунок 2 – Использование прямого обращения. Ресурс: арабоязычный телеканал RT Arabic, <https://arabic.rt.com/world/1738099-إسرائيل-رسمية-ضد-دمشق-الجيش-السوري-المؤيدة-لغزة>

Данный пример иллюстрирует одно из достаточно распространенных в текстах арабских СМИ языковых средств выражения экспрессивности – прямое обращение – «О, Газа, мы с тобой ...». Обращение служит не только для привлечения внимания, но и для эмоционального вовлечения читателей (цель: вызвать отклик и чувство сопричастности).

В анализируемом тексте публикации (рисунок 3), содержащем речь президента Египта Абдул-Фаттаха Саид Хусейн Халила

ас-Сиси перед арабским саммитом в Багдаде, представлены многократные цитаты из Корана. Данные религиозные отсылки говорят об уважительном и деликатном обращении к целевой аудитории уже в первой фразе обращения президента **بسم الله الرحمن الرحيم** «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного», а также в завершающем выражении из Корана **السلام عليكم ورحمة الله وبركاته** «Да пребудет с вами мир, милость и благословение Божие». В данном случае апеллирование к кораническим выражениям

оказывает эмоциональное воздействие на тех, к кому обращается президент в своей речи, чтобы заручиться поддержкой лидеров арабских стран в вопросах разрешения

ближневосточных кризисов и расширения сотрудничества со странами-соседями в различных областях.

The screenshot shows the website 'www.arabafrikanews.com' with a search bar and navigation menu. The main article is titled 'نشر كلمة الرئيس السيسي أمام القمة العربية ببغداد' (President Sisi's speech at the Arab Summit in Baghdad). The article text includes a quote from the Quran: '...واستهل كلمتي بتوجيه خالص الشكر والتقدير، إلى أخي فخامة الرئيس "عبد اللطيف رشيد"، وشعب العراق الشقيق، ..Ваши Величества, Превосходительства и Высочества Лидеры братских арабских стран ..Его Превосходительство г-н Ахмед Абул Гейт ,Генеральный секретарь Лиги арабских государств Почетное присутствие (Да пребудет с вами мир, милость и благословение Божие) Я начинаю свое выступление с выражения искренней благодарности и признательности моему брату,'.

Рисунок 3 – Пример использования цитат из Корана. Ресурс: веб-сайт онлайн-газеты Аль-Араби Аль-Африки *جريدة العربي الأفريقي*, <https://www.arabafrikanews.com/2025/05/-/نشر-كلمة-الرئيس-السيسي-أمام-القمة-الع>

Заключение

Бурные социально-политические процессы, происходящие в странах Ближнего Востока, безусловно, влияют на арабскую журналистику, которая стремится различными способами повышать вовлеченность целевой аудитории и формировать общественное мнение, в первую очередь посредством языковых средств выражения экспрессивности. При этом, помимо универсальных, в массмедийных текстах обнаруживаются

языковые средства, специфичные исключительно для арабской лингвокультуры, а именно, использование диалектизмов, прямого обращения и коранических выражений, являющихся наиболее частотными. Эти языковые средства помогают создать живую, эмоциональную и образную коммуникацию, подчеркнуть точку зрения автора и вызвать у слушателей определенные чувства и ассоциации. Выявление и анализ данных языковых средств выражения экспрес-

сивности является значимым для осмысления медиатекста как феномена социокультурной коммуникации, характеризующегося комплексностью интертекстуальных взаимосвязей.

Отметим, что данный этап исследования обнаруживает намного более широкий перечень лингвостилистических приемов выражения экспрессивности, которые являются объектом дальнейших исследований.

Список источников

1. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Динамика государственной политики в отношении СМИ в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 2019. № 2. С. 210-221.
2. СМИ арабского мира // Геополитика. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/smi-arabskogo-mira> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Востоковед Арминэ Акопян рассказала о состоянии современных арабских массмедиа // Московская газета. URL: <https://mskgazeta.ru/v-mire/vostokoved-armine-akopyan-rasskazala-o-sostoyanii-sovremennyh-arabskih-massmedia-15600.html> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Кодзоева З.Н. Лингвистические особенности арабского медиадискурса // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. Майкоп. 2019. С. 327-330.
5. Хашим А.-К.М.У. Способы использования аятов Корана как прецедентных текстов в газетном дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 2023. № 2. С.444-448.
6. Авад А.М. Особенности развития СМИ арабских стран в условиях глобализации на рубеже XX--XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Авад Ахмед Мохамед; [Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2003. 19 с.
7. Ахматшина Э.К. Малоформатный информационно-регулирующий текст в арабском языке: социолингвистический и прагматический подходы к изучению / Э.К. Ахматшина // «Памяти друга»: сб. науч. ст.- Махачкала: Изд-во ДГУ, 2015. С. 150-160.
8. Аббуд М.В.А. Влияние RT Arabic и Al Arabiya на арабоязычную медиасферу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 4. С. 76-77.
9. Аббуд М.В.А. Роль арабских СМИ в формировании реальности в мире постправды // Динамика медиасистем. 2025. № 5 (2), С. 24-36.
10. Shawish M. F. Media treatment of crises - the Syrian crisis as a model // Al-Risala Journal for Media Studies. 2023. Vol. 7, No. 2. pp .173-183.
11. Азизов С.А. Особенности функционирования арабских заимствований в персидских СМИ // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2023. № 1 (103). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14883> (дата обращения: 12.12.2025).
12. Байрамова Э.К. Язык арабских средств массовой коммуникации // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2009. № 2-2. С. 259-266.
13. Никитина Т.Г. Фразеология в СМИ и СМИ во фразеологии // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс): коллективная монография / Отв. ред.: Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Ж. Финк; Грайфсвальд: ун-т. им. Эрнста Морица Арндта. 2017. С. 50-53.
14. Романцова Т.Д. Эстетическая нагрузка диалектизмов в региональных медиатекстах // Медиалингвистика. 2018. № 5 (3). С. 354-365.
15. Салех М.М. Использование фразеологизмов в арабской публицистике: стилистический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № (36). С. 121-124.

16. الإعلام الجماهيري و الخطاب القرآني // Arabafrica News. URL: <https://www.arabafrikanews.com/2023/08/الإعلام-الجماهيري-و-الخطاب-القرآني/> (дата обращения: 10.12.2025).

References

1. Vasilyev A.M., Zherlitsyna N.A. Dynamics of State Policy on the Media in the Countries of the Middle East and North Africa // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences, 2019. No. 2. P. 210-221.
2. Media in the Arab World // Geopolitics. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/smi-arabskogo-mira> (date of access: 11.12.2025).
3. Orientalist Armine Akopyan spoke about the state of modern Arab mass media // Moskovskaya Gazeta. URL: <https://mskgazeta.ru/v-mire/vostokoved-armine-akopyan-rasskazala-o-sostoyanii-sovremennyh-arabskih-massmedia-15600.html> (date of access: 10.12.2025).
4. Kodzova Z.N. Linguistic peculiarities of arabic media discourse // Linguistics of the Future: New Trends and Prospects. Maikop. 2019. P. 327-330.
5. Al-Kadhim A.-K.M.U. Ways of using verses of the qur'an as precedent texts in newspaper discourse // Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology, 2023. No. 2. P. 444-448.
6. Avad A.M. Features of the Development of the Media in Arab Countries in the Context of Globalization at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Abstract of Dissertation ... Candidate of Philology / Avad Ahmed Mohamed; [Russian University of Peoples' Friendship]. M., 2003. 19 p.
7. Akhmatshina E.K. Small-format information and regulatory text in Arabic: sociolinguistic and pragmatic approaches to study / E.K. Akhmatshina // "In Memory of a Friend": collection of scientific articles. Makhachkala: Dagestan State University Publishing House. 2015. P. 150-160.
8. Abbood M.V.A. The Influence of RT Arabic and Al Arabiya on the Arabic-speaking Media Sphere // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2024. No. 4. P. 76-77.
9. Abbood M.V.A. The Role of the Arabic Media in Shaping Reality in the Post-Truth World // Dynamics of Media Systems. 2025. No. 5 (2). P. 24-36.
10. Shawish M. F. Media treatment of crises - the Syrian crisis as a model // Al-Risala Journal for Media Studies. 2023. Vol. 7, No. 2. P. 173-183.
11. Azizov S.A. Functional peculiarities of the arabic loanwords in the persian mass media // Universum: Philology and Art History: electron. scientific journal. 2023. No. 1 (103). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14883> (date of access: 12.12.2025).
12. Bayramova E.K. The Language of Arabic Mass Media // Vestnik SPbGU. Language and Literature. 2009. No. 2-2. P. 259-266.
13. Nikitina T.G. Phraseology in the Media and the Media in Phraseology// Slavic Phraseology in Modern Media (Publicistic Discourse): a collective monograph. Editors: H. Walter, V.M. Mokienko, J. Fink; Greifswald: Ernst Moritz Arndt University. 2017. P. 50-53.
14. Romantsova T.D. Aesthetic load of dialectisms in regional media texts // Media Linguistics. 2018. No. 5 (3). P. 354-365.
15. Saleh M.M. The Use of Phraseological Units in Arabic Journalism: A Stylistic Aspect// Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. No. (36). P. 121-124.
16. Mass media and Quranic Discourse // Arabafrica News. URL: <https://www.arabafrikanews.com/2023/08/الإعلام-الجماهيري-و-الخطاب-القرآني/> (date of access: 10.12.2025).

Информация об авторах

Морозова Майя Андреевна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Хусейн Абдулкарим, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Хассун Абдульхамид Хасан, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Maya A. Morozova, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Abdulkarib Husein, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Abdulhamid. H. Hassun, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 1:159.923 + 1:62

EDN: <https://elibrary.ru/VNSBNA>

**ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КИБЕРСУБЪЕКТНОСТИ
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Новиков Николай Сергеевич¹

Сабуров Александр Владимирович²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹Nikolai.novikov.87@mail.ru, ²saburov.avl@yandex.ru

Аннотация. Противоречие между оперативной необходимостью использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в военном образовании и неэффективностью традиционных запретительных подходов к решению этических проблем, порождаемых этим использованием, обуславливает актуальность исследования. В статье предлагается разработка и обоснование философской концепции киберсубъектности как альтернативы внешнему регулированию и способа сохранения человеческой субъектности в условиях алгоритмизации. Методологической основой исследования послужили этическая философия И. Канта и философия техники М. Хайдеггера; использованы методы философской рефлексии, концептуального анализа и теоретического моделирования. В результате исследования разработана концепция киберсубъектности, определяемая как способность человека оставаться автономным, рефлексивным и морально ответственным субъектом в гибридной реальности. Предложена структурно-функциональная модель киберсубъектности, состоящая из четырех компонентов (онтологическая рефлексия, аксиологическая автономия, практический разум, ответственная действенность), и описана динамическая модель взаимодействия в системе «человек-ИИ». Теоретически обосновано четкое распределение ролей, где ИИ выступает инструментом анализа, а человек – единственным субъектом смыслопорождения, критической оценки и ответственности. Определены практические ориентиры для формирования киберсубъектности в образовательном процессе военного вуза.

Ключевые слова: киберсубъектность, искусственный интеллект, этика, военное образование, философия техники, категорический императив, моральная ответственность, алгоритмическое управление, педагогическая модель, гибридная реальность.

Для цитирования: Новиков Н.С., Сабуров А.В. Этические основания киберсубъектности в эпоху искусственного интеллекта // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 4 (9). С. 135-142.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

ETHICAL FOUNDATIONS OF CYBERSUBJECTIVITY IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Nokolay S. Novikov¹, Alexander V. Saburov²

^{1,2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹Nikolai.novikov.87@mail.ru, ²saburov.avl@yandex.ru

Abstract. The contradiction between the operational necessity of using artificial intelligence (AI) in military education and the ineffectiveness of traditional prohibitive approaches to solving the ethical problems generated by this use determines the relevance of the study. The article proposes the development and justification of the philosophical concept of cybersubjectivity as an alternative to external regulation and a means of preserving human subjectivity under conditions of algorithmization. The methodological basis of the research was the ethical philosophy of I. Kant and the philosophy of technology of M. Heidegger; the methods of philosophical reflection, conceptual analysis, and theoretical modeling were used. As a result of the study, the concept of cybersubjectivity was developed, defined as a person's ability to remain an autonomous, reflective, and morally responsible subject in a hybrid reality. A structural and functional model of cybersubjectivity is proposed, consisting of four components (ontological reflection, axiological autonomy, practical reason, responsible agency), and a dynamic model of interaction in the "human-AI" system is described. A clear distribution of roles is theoretically substantiated, where AI acts as a tool for analysis, and a human is the only subject of meaning-making, critical evaluation, and responsibility. Practical guidelines for the formation of cybersubjectivity in the educational process of a military university are defined.

Keywords: cybersubjectivity, artificial intelligence, ethics, military education, philosophy of technology, categorical imperative, moral responsibility, algorithmic governance, pedagogical model, hybrid reality.

For citation: Novikov N.S., Saburov A.V. Rethical foundations of cybersubjectivity in the era of artificial intelligence // Siberian social and humanitarian journal. 2025. No. 4 (9). P. 135-142.

Введение

В условиях цифровой трансформации военного образования проблема этического использования искусственного интеллекта приобретает особую остроту. Как пишет В.В. Тимченко: «Важными задачами в сфере ИИ для образования являются изучение его возможностей и рисков, в том числе социальных и этических ...» [1, с. 71]. Современный курсант живет в уникальное время: с одной стороны, искусственный интеллект (ИИ) дает ему беспрецедентные возможности для обучения и моделирования боевых ситуаций, с другой – в определенной степени ограничивает его свободу выбора. Как

предупреждают футурологи, превращение человека в объект алгоритмического управления представляет собой одну из главных угроз человечеству в XXI веке [2]. Философ М. Хайдеггер в своей работе «Время и бытие» отмечал: «... сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда,

когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [3, с. 221]. Как и любое техническое средство, ИИ раскрывает мир как набор данных, поддающихся расчету и оптимизации. Опасность возникает тогда, когда этот расчетный подход начинает определять не только тактику, но и моральный выбор человека.

Традиционные ответы на эту опасность в виде приказов и запретов напоминают борьбу с симптомами, а не с болезнью. Они апеллируют к стандартным действиям, но не дают возможности рассмотрения моральных сторон принятого решения.

Ярким примером внутренней противоречивости запретительного подхода служит ситуация, сложившаяся в современных военных образовательных организациях. С одной стороны, в целях безопасности на территории их дислокации часто действует формальный запрет на использование личных мобильных устройств с выходом в сеть Интернет. С другой стороны, учебный процесс требует от курсантов подготовки к занятиям на основе актуальной информации из сети, для чего созданы специализированные компьютерные классы. Более того, реальная служебная деятельность офицеров, в которую курсанты постепенно интегрируются, немыслима без оперативной цифровой коммуникации через рабочие чаты и базы данных, что вынуждает их использовать те же смартфоны [4].

При этом углубляется противоречие такого рода: формальная норма вступает в конфликт с оперативной необходимостью, де-факто формируя двойной стандарт поведения. Это наглядно демонстрирует, что попытка решить проблему этики ИИ через внешнее ограничение может оказаться не просто неэффективной, но и в состоянии породить новые риски, среди которых можно назвать цинизм и правовой нигилизм, при которых правила систематически нарушаются по объективным

причинам, и они со временем перестают восприниматься всерьез. Дело заключается в том, что техническому средству не присущи ни моральные, ни правовые, ни политические и вообще духовные аспекты рассмотрения проблем. Между тем, лицо, принимающее решение, одновременно принимает на себя также и ответственность за те аспекты этого решения, которые он сформулировал на основании рекомендаций ИИ [5].

Таким образом, курсант оказывается неподготовленным к осмыслению той или иной ситуации, поскольку он, с одной стороны, не имеет должного опыта, а с другой – искусственно огражден от цифровой среды, предлагающей ему варианты решений. В этой связи он оказывается психологически и профессионально не готов к грамотному и ответственному использованию предлагаемых технологий на практике.

Нужно иметь в виду, что по своей сути ИИ этическими вопросами не занимается, поскольку этические нормы не характерны для чисто технологических методов, которыми располагает ИИ. Как было отмечено на одном из семинарских занятий, ИИ не может заменить человека, главную роль играет тот, кто умеет с ним работать. Следовательно, этические параметры, возникающие в контексте ИИ, – это не этика самого алгоритма, а этика человека, взаимодействующего с ним [6]. Поэтому попытка решить ту или иную проблему, принимая в расчет этическую её часть, для ИИ невозможна.

Таким образом, наше исследование ставит перед собой задачу поиска оснований для осмысления этической стороны, имманентно присущей процедуре выбора действия при посредстве ИИ, которое было бы не внешним и навязанным лицу, принимающему решение, а внутренним и вполне им осмысленным

Цель статьи – предложить и обосновать философскую концепцию киберсубъектности как способа противостояния «алгоритмическому» образу мысли и сохранения человеческого в человеке.

Методология исследования

Для решения этой задачи мы используем проверенные временем положения и инструментарий философии.

Прежде всего, это этическая философия И. Канта. Его категорический императив: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда только как к средству» [7, с. 270] – становится для нас ключевым ориентиром. В контексте ИИ это означает, что алгоритм никогда не должен, до и не может использовать человека как средство для достижения цели, какой бы благой она ни была. Киберсубъект – это тот, кто помнит об этом и учитывает это положение и в цифровой среде. ИИ, так как он является техническим средством, не может относиться к человеку таким образом, как это предполагает категорический императива И. Канта.

Не менее важны в наших рассуждениях и положения философии техники М. Хайдеггера. Задача, стоящая перед человеком, связанным с техническими средствами: «утвердить власть духа над техникой», или «овладеть техникой» [3, с. 222], то есть использовать ее, но не позволять ей определять наше бытие. Это прямо связано с идеей киберсубъектности.

Синтез методологий И. Канта и М. Хайдеггера позволяет преодолеть классическую дихотомию «техника как инструмент» / «техника как угроза». Мы предлагаем третий путь – «техника как сфера ответственности», где киберсубъектность становится формой экзистенциальной самоорганизации личности в алгоритмизированном мире.

Киберсубъект – это субъект военно-профессиональной деятельности (курсант, офицер, командир), для которого цифровая среда, включая системы ИИ, выступает не внешним «советчиком», а интегрированным средством познания, моделирования и преобразования реальности. Его ключевая характеристика – способность к активному, осмысленному и ответственному опосредо-

ванию своей деятельности алгоритмическими системами.

В рамках нашего исследования мы определяем киберсубъектность как способность человека оставаться самостоятельным, рефлектирующим и морально ответственным субъектом в условиях гибридной (цифровой и физической) реальности.

Чтобы эта способность была не абстрактной, а практической, мы считаем нужным выделить четыре ключевых компонента, опирающихся на следующие философские идеи:

1. Онтологическая рефлексия. Это способность «заглянуть за кулисы» алгоритма, понять, как он устроен и какие цели преследуют его создатели. Это воплощение принципа Сократа «Познай самого себя» в условиях цифровой культуры современности. Киберсубъект (военнослужащий) должен не просто использовать ИИ, а задаваться вопросом: «Как эта технология помогает мне осмыслить и принять единственно верное решение?».

2. Аксиологическая автономия предполагает относительную самостоятельность системы ценностей в социальном бытии. В мире, где «...стена фильтров искажает наши представления о том, что значимо, истинно, реально,...» [4, с. 30], подстраивая контент под наши предпочтения, особенно важно иметь внутренний стержень. Здесь мы снова обращаемся к И. Канту и его идее автономии воли: моральный закон, который, согласно рассуждениям И. Канта, существует a priori, должен быть задан самому себе. В работе с алгоритмами, опирающимися на определенную социально-историческую систему ценностей, именно автономия воли позволяет осуществлять внутренний этический контроль. При этом, как отмечает Ш. Тёркл, технологическая среда, предлагая постоянную связь, одновременно учит нас избегать непредсказуемых диалогов, требующих глубокого размышления и делающих нас уязвимыми [9].

3. Практический разум. В условиях боя или решения сложной учебной задачи ИИ

может предложить множество вариантов, но последнее слово должно оставаться за человеком. Этот выбор требует не просто вычисления, а мудрости (фронезис), о чем писал еще Аристотель. Мудрость – это способность применять общие моральные принципы к конкретным, уникальным обстоятельствам, которые алгоритм не в состоянии полностью оценить. Эта способность к самостоятельному суждению на базе морального выбора и является целью развития субъектности в образовательном процессе [10]. Кроме того, важным аспектом является выработанное личностью состояние ответственности за выбранное решение.

4. Ответственная действенность предполагает наличие знаний о последствиях своих поступков, следовательно, принятые решения должны опираться на такое знание. Это качество предполагает способность не только принимать решение, но и осуществлять выбор единственно необходимого действия. Русский философ М.М. Бахтин писал: «Только поступок, взятый извне, как физиологический, биологический и психологический факт, может представиться стихийным и темным, как всякое отвлеченное бытие, но изнутри поступка сам ответственно поступающий знает ясный и отчетливый свет, в котором и ориентируется» [11, с. 30]. В нашем контексте это означает, что человек (военнослужащий), используя подсказку ИИ, осознает, что окончательный поступок – приказ, действие – это его уникальный и единственный выбор, последствия которого лягут на него. Таким образом, киберсубъектность реализуется через структурно-функциональную модель, где четыре компонента образуют целостную систему:

- онтологическая рефлексия – аналитический фундамент;
- аксиологическая автономия – ценностный фильтр;
- практический разум – механизм синтеза и выбора;
- ответственная действенность – волевая реализация.

Данная модель обеспечивает четкое распределение ролей: ИИ является источником данных и гипотез, а человек – единственным субъектом смыслопорождения, критической оценки и ответственности.

Разработанная нами модель киберсубъектности представляет собой динамический процесс принятия ответственного решения в системе «человек-ИИ», состоящий из четырех последовательных этапов:

1. Целеполагание и смысловая рамка: человек (военнослужащий) определяет цель, формулирует задачу и устанавливает этические границы предстоящих действий.

2. Инструментальный анализ: ИИ выступает как сервисный механизм, обрабатывающий данные и генерирующий варианты решений, прогнозы развития ситуации или результаты моделирования на основе задачи и параметров, сформулированных киберсубъектом.

3. Критический синтез: человек, активируя компоненты киберсубъектности, осуществляет смысловую интерпретацию данных ИИ, оценивает их в контексте непрограммируемых факторов (моральных, психологических, политических) и синтезирует окончательное решение, которое может принципиально отличаться от любого алгоритмически предложенного варианта.

4. Ответственная реализация: человек совершает действие, исходя из знания о том, какие последствия может повлечь за собой принятое решение, и несет всю полноту ответственности за эти последствия.

Выводы

Проделанная работа позволяет нам сделать несколько важных выводов.

1. Научная новизна заключается в синтезе классической философской антропологии с актуальной проблематикой ИИ. Мы показали, что ответ на технологические вызовы лежит не только в будущем, но и предполагает использование богатого наследия философской мысли.

2. Теоретическая значимость состоит в операционализации сложных философских категорий (субъект, автономия, разум) в ви-

де конкретной модели, применимой в педагогической практике. В этой модели ИИ занимает место мощного, но чисто технологического инструмента, тогда как человек сохраняет за собой роль единственного субъекта морального выбора и ответственности.

3. Практическая ценность нашей модели в том, что она задает основные ориентиры в процессе воспитания офицера нового типа, не являющегося технократом, слепо доверяющим машине. Офицер нового типа должен быть мыслящим и ответственным командиром, способным к критическому диалогу с ИИ, что предполагает подготовку не к простому следованию рекомендациям, а к комплексной деятельности по постановке задач для ИИ, критической оценке его выводов и принятию решений в условиях гибридной (человеко-машинной) интеллектуальной среды. Разработанная структурно-функциональная модель киберсубъектности обеспечивает однозначное распределение ролей: ИИ выступает как инструмент анализа и генерации гипотез, а человек сохраняет за собой функции смыслопорождения, критической оценки и обладает способностью

ответственного поведения. Ключевым выводом и конечной целью формирования киберсубъектности является осознание курсантом простой и непреложной истины: окончательный поступок – приказ, действие – это его уникальный и единственный выбор, последствия которого могут оказаться опасными. Именно это осознание и становится тем внутренним этическим ядром, которое позволяет преодолеть разрыв между уставными нормами и оперативной реальностью. Реализация этой модели возможна при внедрении в учебный процесс практико-ориентированных форм работы: анализ кейсов с этическими дилеммами, ведение рефлексивных дневников, проведение специализированных тренингов по цифровой гигиене и критическому мышлению [9, 10]. Эффективность таких мер должна опираться на данные эмпирических исследований цифровой компетентности и психологии современного поколения [12].

Мы уверены, что дальнейшая разработка этой темы, включая экспериментальные исследования и создание диагностического инструментария, откроет новые горизонты для современного военного образования.

Список источников

1. Тимченко В.В. Этика искусственного интеллекта в образовании: вызовы и риски // Материалы Международной научно-практической конференции «Этика в системе ценностей современного высшего образования», Санкт-Петербург, 17 мая 2024 г., РГПУ им. А.И. Герцена. С. 69-77.
2. Harari Y.N. Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
4. Смагулов Б.С. Педагогические условия формирования дисциплинарных умений в процессе психолого-педагогической подготовки курсантов в военном вузе // Вестник педагогического опыта. 2025. № 2. С. 10-16. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.ggpi.org/wp-content/uploads/2025/06/Вестник-педагогического-опыта-№2-2025-64.pdf> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Bostrom N., Yudkowsky E. The Ethics of Artificial Intelligence // The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 316-334. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139046855.020>.
6. Dignum V. Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way. Cham: Springer, 2019. 125 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30371-6>.
7. Кант И. Сочинения в шести томах [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана], М.: Мысль, 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 4. Ч. 1. 544 с.

8. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Паблишер, 2012. 304 с.
9. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2010. 360 p.
10. Черемошкина Л.В., Осинина Т.Н. Память: закономерности воспроизведения учебного материала. М.: Прометей, 2012. 208 с.
11. Бахтин М.М. К философии поступка // Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7-68.
12. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Фонд Развития Интернет, 2017. 144 с.

References

1. Timchenko V.V. Ethics of Artificial Intelligence in Education: Challenges and Risks. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference «Ethics in the System of Values of Modern Higher Education». Saint Petersburg: Herzen University, 2024, P. 69-77.
2. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of the Future. Moscow: Sindbad, 2018. 496 p.
3. Heidegger M. The Question Concerning Technology // In M. Heidegger. Time and Being: Articles and Speeches. M.: Respublika, 1993. P. 221-238.
4. Smagulov B. S. Pedagogical Conditions for the Formation of Disciplinary Skills in the Process of Psychological and Pedagogical Training of Cadets in a Military University // Bulletin of Pedagogical Experience. 2025. No. 2. P. 10-16. [Electronic resource]. URL: <http://vestnik.ggpi.org/wp-content/uploads/2025/06/Вестник-педагогического-опыта-№2-2025-64.pdf> (date of access: 25.11.2025).
5. Bostrom N., Yudkowsky E. The Ethics of Artificial Intelligence // The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 316-334. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139046855.020>.
6. Dignum V. Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way. Cham: Springer, 2019. 125 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30371-6>.
7. Kant I. Works in Six Volumes (V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman, Eds.). M.: Mysl', 1965. (Philosophical Heritage. USSR Academy of Sciences. Institute of Philosophy) Vol. 4. Part. 1. 544 p.
8. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You? M.: Al'pina Publisher, 2012. 304 p.
9. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2010. 360 p.
10. Cheremoshkina L.V., Osinina T.N. Memory: Patterns of Reproduction of Educational Material. M.: Prometei, 2012. 208 p.
11. Бахтин М.М. К философии поступка // Collected Works in 7 vols. Vol. 1. M.: Russkie slovari, 2003. P. 7-68.
12. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Digital Generation of Russia: Competence and Security. M.: Internet Development Foundation, 2017. 144 p.

Информация об авторах

Новиков Николай Сергеевич, кандидат философских наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Сабуров Александр Владимирович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Nokolay S. Novikov, candidate of philosophical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Alexander V. Saburov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshenskoe plato, 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 21.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

О ЖУРНАЛЕ

Научный журнал «Сибирский социально-гуманитарный журнал» является рецензируемым электронным сетевым изданием, основанным в 2023 году. Периодичность издания – 4 раза в год.

Издательство: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Цель научного журнала – публикация актуальных для обсуждения в научном сообществе научно-исследовательских работ, имеющих теоретическую и практическую значимость для повышения качества военного образования.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи, а также аналитические материалы, научные сообщения, научно-информационные материалы на русском языке по следующим специальностям: психологические, филологические, философские науки.

КОНТАКТЫ

Юридический (почтовый) адрес:

630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

E-mail: nvi-svny@mail.ru

Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)

Ответственный секретарь – Колухамбеков Алексей Садович

Режим (график) работы:

пн-пт: с 9.00 до 18.00

сб: с 9.00 до 13.00

вс: выходной

Научный журнал

СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор: **Колухамбеков** Алексей Садович
Компьютерная верстка: **Назырова** Валентина Владимировна
Корректоры: **Филиппова** Ольга Алексеевна, **Маматова** Мария Александровна